

Александр Финогеев

Александр Финогеев

МИРАЖИ ТУМАНА

Рассказы

Николаев
«Илион»
2015

УДК 821.161.1
ББК 84-4
Ф 60

Письменник Олександр Фіногєєв, який прослужив лікарем у рядах ВМФ більше чверті століття, продовжує свою розповідь, розпочату в збірках оповідань «В ті дні в морях дороги наші були» (2008 р.), «І життя, і море, і любов» (2009 р.), «По місцях стояти!» (2013 р.), «В житті не повірю!» (2014 р.). У драматичній формі з відомою часткою гумору і вигадки він розмірковує про життя.

Книга адресована масовому читачу.

Финогєєв А.

Ф 60 Миражи тумана : рассказы / Александр Финогєєв. — Николаев : Иллион, 2015. — 312 с.

ISBN 978-617-534-329-6

Писатель Александр Финогєєв, прослуживший врачом в рядах ВМФ более четверти века, продолжает своё повествование, начатое в сборниках рассказов «В те дни в морях дороги наши были» (2008 г.), «И жизнь, и море, и любовь» (2009 г.), «По местам стоять!» (2013 г.), «В жизни не поверю!» (2014 г.). В драматичной форме с известной долей юмора и вымысла он размышляет о жизни.

Книга адресована массовому читателю.

УДК 821.161.1
ББК 84-4

Літературно-художнє видання

Ф І Н О Г Є Є В

Олександр Віталійович

МІРАЖІ ТУМАНУ

Оповідання

Літературний редактор Мірошниченко Є. Г.

Формат 60×84¹/₁₆. Ум. друк. арк. 18,1. Тираж 150 пр. Зам. № 534-329.

В И Д А В Е Ц Ь І В И Г О Т О В Л Ю В А Ч

Товариство з обмеженою відповідальністю фірма «Іллион».

54038, м. Миколаїв, вул. Бузника, 5/1.

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 1506 від 25.09.2003 р.

ISBN 978-617-534-329-6

© Финогєєв А., 2015

*Автор выражает
глубокую признательность
и благодарность друзьям
за помощь в издании этой книги*

СУДЬБА МОРЯКА

Предисловие

Всю свою сознательную жизнь я прослужил на Краснознамённом Черноморском флоте. А начинал на эскадренном миноносце «Благородный» в различных должностях, начиная с командира группы и заканчивая командиром этого корабля. Был также командиром 181 бригады строящихся и ремонтирующихся кораблей, а закончил службу – командиром Управления испытательного Центра ВМФ.

Я считал и считаю, что достаточно хорошо знал и понимал своих подчинённых, особенно офицеров и мичманов, с которыми приходилось служить не один год, был в курсе их бед, радостей и чаяний, старался помогать в трудную минуту. Но каждый из них – разный. Каждый был личностью, со своим характером, понятием жизни и отношением к ней. Одни экспансивны и вспыльчивы, другие, наоборот, обидчивы, третьи – быстро уходят в себя, с этими труднее всего, а четвёртые – просто обычные люди с нормальным поведением и покладистым характером. Таким был и повествователь в этой книге Александр Финогеев, правда, в нём постоянно присутствовала некая чертовщинка. Он любил и поговорить, и пошутить.

К каждому следовало найти свой индивидуальный подход. На корабле нельзя быть самодуром и махать шашкой направо и налево. А права калечить судьбы никому не дано.

На корабле, в море человек ограничен многим: и пространством, и временем, и передвижением, и возможностью часто общаться с близкими, семьёй, лишён множества других, свойственных гражданской жизни, радостей. Эти лишения и являются катализатором человеческих качеств, волевых и моральных устоев личности.

Тут всё сосредоточено вокруг выполнения своих функциональных обязанностей, поддержания в боевой готовности корабля, чёткого выполнения задач боевого охранения, предотвращения военного конфликта и недопущения военных действий вероятного противника. В этих условиях офицеры, мичманы и матросы действуют так, как диктует им Корабельный Устав. И всем трудно. И всем тяжело. И всем несладко... И хочется порой послать всё куда подальше. Но надо вытерпеть, выдюжить, не замкнуться в себе.

На наш корабль лейтенант медицинской службы А. В. Финогеев, окончивший Военно-медицинскую академию имени С. М. Кирова в городе Ленинграде, пришёл осенью 1978 году после учёбы в интернатуре по хирургии. До этого он полгода прослужил на большом противолодочном корабле «Сообразительный» и пять с половиной месяцев находился в Красном море на малом ракетном корабле, который выполнял свой интернациональный долг, помогая братской Эфиопии.

Чего-то экстраординарного, необычного в докторе не наблюдалось. Хочу отметить, что «исторически» в кают-компании эсминца «Благородный» с самой его постройки сложились очень хорошие, добрые и дружеские отношения между офицерами. Среди них не было надменности старших и неуважения к младшим.

Очень скоро флотский доктор стал своим, родным и близким. Но до полного раскрытия его характера было ещё далеко. Он, слегка прищуриив глаза, рассматривал тебя, как бы проникая в твою духовную суть, эта привычка осталась у него до сих пор; ко всему присматривался, изучал, фиксировал и впитывал в себя.

Лейтенанты обычно все немногословны, но к доктору волей-неволей тянутся люди. Одни испытывают недуг, другим нужно

похмелиться, а запасы спирта на корабле есть только у командира, этот спирт трогать без разрешения никому не позволено. Есть медицинский спирт и у доктора. Наверное, поэтому начальники медицинских служб быстрее входят в коллектив и быстрее в нём адаптируются.

Хочу сразу сказать, что Александр Витальевич был профессионалом с большой буквы. В нём природно жил врач. Он ничего не боялся, не пасовал ни перед какими обстоятельствами. И ему везло.

Первый настоящий шаг в его профессиональной флотской жизни был сделан на советско-болгарских учениях «Крым-79» под руководством командующих Черноморского и Болгарского флотов, когда Финогеев в штормовых условиях выполнил хирургическую операцию. Профессионалы госпиталя позже высоко оценили и постановку диагноза, и качество проведённой операции, и навыки молодого врача.

После этого момента его признали и оценили все. А кораблю, который часто находится вдали от родных берегов без профессионального врача, очень трудно. Сказать честно, будучи командиром корабля, я никогда не волновался и не переживал за свою медицинскую службу. Я знал твёрдо, что там всегда всё в порядке.

Хочу ещё заметить: когда в его подразделение приходил новый матрос, Александр много времени, сил и энергии тратил на обучение его, чтобы тот во время отсутствия начальника медицинской службы мог его заменить. И такой моряк к концу службы на корабле уходил в гражданскую жизнь готовым медицинским работником, поступал в высшее медицинское учебное заведение. Допускаю: из них выходили неплохие врачи. Я не могу даже перечислить, что не делалось нашим врачом на корабле. Он выполнял множество различных операций: вскрывал гнойники, удалял доброкачественные опухоли, кисты копчика, воспалённый аппендикулярный отросток, лечил переломы, вправлял вывихи, даже пришил отрубленный палец... О терапевтических заболеваниях даже молчу.

Человеческие качества у Александра Витальевича проявлялись по-разному. В нём жил больше мальчишка, чем покорный, дисциплинированный офицер. Пользуясь своим привилегированным положением, он мог что-то сказать или пошутить в любое время. И

это было уместно, смешно. Его порой даже наказывали за это. Но бессмысленно ломать сформировавшийся характер, как и бесполезно исправлять изгиб дерева.

Жизнь не всегда была с нами ласкова. Родился у Александра сын, а он его увидел лишь спустя три месяца, умерла мать, которую сын не смог похоронить... И это всё море.

А семья без квартиры, а жена без мужа, а дети без отца...

И это тоже море.

И как ни было тяжело, он всё вынес, оставшись весёлым и обаятельным человеком. Финогеев был душой коллектива. Когда он уходил в отпуск, кают-компания замирала в летаргическом сне. Его уважали и любили, а вот вступать в полемику побаивались. Он никогда не задумывался над вопросом и отвечал мгновенно, особенно если над ним кто-то пытался плохо пошутить или унижить. С его характером, находчивостью и быстротой реакции надо было играть в КВН, но флот – не место для пародий и шуток.

Не знаю, писал ли он что-то в те годы, но тяга к творчеству у него была всегда. Помимо многочисленных бумаг и документов, конспектов и протоколов, которые положено вести на корабле, он находил время для чтения художественной литературы, выпускал сатирическую радиогазету, сочинял для неё шутки и песни.

Он постоянно искал себя в творчестве. Вначале писал руководство для молодых корабельных врачей, потом справочник по электрокардиографии, позже – пособие по иглорефлексотерапии. И всё это его интересовало, увлекало. Позже сочинял сценарии к новогодним утренникам, репризы для команд КВН. И если быть честным, я несколько не был удивлён появлению его первой книги, затем второй и вот уже пятой. И что характерно, во всех рассказах он разный, как и его характер.

Надо сказать честно: доктору на корабле труднее всех. Исполняя всё, что делают и остальные, он ещё и заботится о здоровье моряков. Выполняет операции Сам (я подчёркиваю – САМ), с минимальным числом медицинских помощников. Он порой оставался один на один со смертью. И всегда побеждал её.

Можно выстрелить и не попасть, не засечь подводную лодку, не увидеть надводную цель или пропустить самолёт. За это ругают,

объявляют выговоры, задерживают звания... Это всё зарабатывается опытом, тренировками и повторными выполнениями тех или иных приёмов. Но флотский врач ошибиться не имеет права. Слишком велика профессиональная ответственность корабельной службы, заставляющая забывать и о себе, и о близких. Сегодня могу сказать: корабельный доктор не любил бушующего моря, но очень походил на него своей кипучей энергией. Он иногда приезжает ко мне в гости. И пусть седина побелила голову и бороду, дети подарили двух внуков и внучку – Финогеев и сейчас остался тот же, улыбающийся, весёлый и остроумный.

Пишет Александр Витальевич хлёстко, его очень легко читать. Думаю, что служба в военно-морском флоте и сделала его писателем.

Пусть же ему всегда сопутствует удача в жизни и на литературном поприще!

Попутного ветра тебе, моряк!

Ждём от тебя новых рассказов, в которых ты живёшь сам и даёшь жить другим.

Семь футов под килем!

Г. Н. Шевченко,
капитан первого ранга запаса

ВСЕГО ЛИШЬ ОДИН ДЕНЬ...

– I –

1

Звонок визгливо прервал сон. К этому уже давно в семье привыкли. Глава семейства занимал высоченную должность на крупнейшем заводе в городе. И если не дай Бог что – сразу вызывали его.

Леонид недовольно потянулся, взял лежащий рядом на тумбочке телефон.

– Одну минуточку, – прошептал он в трубку.

Натянув на ноги тапочки и сладко зевая, побрёл на кухню, плотно прикрывая за собой все двери.

– Слушаю вас, – нарочито строго произнёс он, закуривая и откидываясь в мягком кресле.

– Леонид Сергеевич Трофимов? – раздался слегка глуховатый женский голос.

– Да. А кто это?

– Нина. Не помните? Извините, что разбудила. Мы двенадцать лет назад с вами отдыхали в санатории, в Ялте. Припоминаете? – женщина стала говорить быстрее, явно боясь, что её могут отключить. – Мы были с вами знакомы всего один день. А потом, – она

слегка помолчала, – неожиданно умерла моя мамочка и я уехала, даже не простившись. Лишь смогла написать записку. Находилась в таком жутком состоянии, что даже не помню, что писала. А сегодня что-то долго не могла уснуть. Сидела в кресле и машинально смотрела телевизор. И как снег на голову – в новостях показали вас. Я просто обомлела от неожиданности. Всё сразу накатило... Достать ваш телефон не составило большого труда. И не позвонить уже не смогла. Ещё раз извините, пожалуйста, Леонид Сергеевич. Послезавтра буду в вашем городе. Еду заключать контракт с вашим заводом. Вы не могли бы мне уделить несколько минут?.. Больше не прошу. Очень хочется увидеть вас...

– С превеликим удовольствием, Нина! Я вас очень хорошо помню. Как можно забыть девушку с длинной белой косой, да ещё и чемпионку мира по бегу на длинные дистанции? – он засмеялся. – Вы откуда и во сколько приезжаете?

– Коса уже, к великому сожалению, осталась в прошлом. А приезжаю из Пензы. В восемь двадцать три на Казанский вокзал. А вы не изменились... По крайней мере, по телевизору.

– Стараюсь, – опять засмеялся он. – А вагон? Вагон какой? – Леонид почувствовал в груди глухие удары юности.

– Девятый.

– Обязательно встречу.

– Это не обязательно. Ваше представительство обещало прислать за мной машину. У меня и номер в отеле «Волга» уже забронирован.

– Значит, в этой машине приеду я.

– Спасибо большое. Очень тронута вашим вниманием. До свидания, Леонид Сергеевич. Спокойной ночи. Извините за беспокойство.

– Спокойной ночи, Нина.

2

Трофимов включил чайник и снова закурил.

Жмуря от света глаза, вошла жена.

– Ты хоть окно открой. Накурил, не продохнуть. Кто звонил? Что случилось?

– Слава Богу – ничего. Поставщики с Дальнего Востока...

– А почему тебе? Ты уже этими вещами не занимаешься. Не могли утром или днём это сделать?

– Рекомендую иногда думать, когда пытаешься изобразить умного человека. Там, между прочим, уже вечер.

– Куда нам до вашего ума... – она махнула рукой и вышла, нервно прикрыв дверь.

3

В зале часы пробили четыре раза.

– Ого! Уже утро. Ложиться смысла нет, – Леонид налил себе крепкий чай, сделал бутерброд. – И чего людям не спится в такую рань?.. И правильно, что не спится. Тогда бы меня не увидели.

Выпив чай, он потянулся и прилёг на кухонный диванчик, положив ноги на подлокотники.

– Нина... – он снова потянулся за новой сигаретой.

В его памяти всплыло то далёкое время, когда к какому-то событию завод трудился сверхнапряжённо. Люди неделями не спали, а вместе с ними не спал и он, только что назначенный главным инженером. От переизбытка нагрузок Леонид сорвал сердце и решением сердобольных врачей был направлен в ялтинский санаторий.

Аксиома: «Лучше плохо отдыхать, чем хорошо работать» – здесь явно была неуместной. Великолепная погода, тёплое море уже на второй день сделали своё чудодейственное дело. Сердце успокоилось, но начало бурно реагировать на полуобнажённые женские тела. Энергия буквально хлестала у него через край.

Пообедав, Леонид решил сходить на рынок. Манили прозрачные грозди винограда, а ещё пиво с креветками.

В приподнятом настроении он спускался по лестнице, как вдруг из коридора третьего этажа в него врезалась белокурая девушка с длиннющей косой.

– Ой, извините, пожалуйста. Я вас не зашибла? – запыхавшись, проговорила она, немного растягивая слова.

– Нет, всё нормально. А куда вы так торопитесь?

– На экскурсию! – крикнула она уже снизу.

– Я тоже хочу. Подождите!

– Не могу! Автобус ждать не будет.

Перескакивая через ступеньки, Леонид догнал бегущую девушку.

– Куда едем? – тоже запыхавшись, спросил он.

– Вы разве не знаете? В Никитский ботанический сад. За время моего отдыха это первая экскурсия туда.

– А вы давно здесь?

– Уже три дня.

– Это срок! Непременно надо ехать, – улыбнулся он.

– Не смейтесь... Смотрите, автобус отъезжает. Пожалуйста, остановите его.

Леонид припустился во всю прыть, махая руками.

Видно, водитель заметил бегущего молодого человека и остановился.

– Спасибо, – простонал Трофимов. – Давайте подождём вон ту девушку.

Вдалеке еле плелась его белокурая знакомая.

– Я не могу ждать. У меня график расписан под завязку...

– Извините. Получится как-то неудобно. Как-никак, а чемпионка мира в беге на длинные дистанции.

– Да? – удивлённо спросил шофёр. – А чего она тогда еле ползёт?

– Не рассчитала нагрузку. Вы человек солидный и должны знать, до чего упрямы женщины. Говорил ей (между прочим, я её тренер), не надо сегодня бежать. Нет, упёрлась: я только до Алушты и назад...

– До чего?

– До Алушты.

– Это же...

– Вот и я о том же. Только с соревнований. Отправили сюда на отдых, а она...

Едва передвигая ногами и тяжело дыша, подошла девушка.

– Спасибо, что подождали, – хрипло выдавила она из себя.

– Если бы не ваш тренер...

– Кто-кто?

– Говорю – тренер... Вы его иногда слушаетесь. Это же надо – до Алушты... С ума можно сойти.

Леонид повернулся к девушке:

– Что бы он ни спросил, со всем соглашайтесь. Потом всё объясню. Автобус следил за разговором, затаив дыхание.

– Как вас зовут?

– Нина.

– А фамилия?

– Сикорская.

– Вы потом мне автограф дадите?

– Что дать? – удивилась Нина.

– Конечно. Ниночка, извини, но я всё рассказал. Секретов теперь ни для кого нет. Все знают, что ты чемпионка мира.

Нина попыталась что-то сказать.

– Не спорь и не перечь. Я твой наставник и решаю, что можно, а что нельзя. Страна должна знать своих героев.

– Ничего не понимаю, – прошептала Нина, протягивая шофёру билет.

– Не нужны мне ваши билетки. Садитесь сзади на свободные места. Или хотите впереди сидеть? Товарищи, пожалуйста, уступите передние места.

– Спасибо, ничего не надо. Мы сзади... Там даже лучше.

– Как хотите. Поехали. Экскурсовод вас всех ждёт у ботанического сада.

Пунцовая Нина рухнула на заднее сиденье.

– Что вы им сказали? – зашептала она.

– Что вы чемпионка мира на длинные дистанции. И что бежали сейчас из Алушты. То есть туда и обратно.

– Вы ненормальный? Вы представляете, сколько это километров?

– Конечно, – рассмеялся он. – Тридцать пять. В одну сторону, – он вновь захохотал. – А так семьдесят получается. Машина полтора часа идёт. Ну а вы... – фыркнул он.

– А вы тренер? – тоже прыснула она. – Где же, позвольте вас спросить, ваш секундомер? Свисток, наконец? И как вы себе представляете меня бегущей в платье и туфлях на высоких каблуках?

– Вопрос, как говорится, не в бровь, а в глаз. В каждой работе бывают ошибки. Выкрутился бы.

– Не сомневаюсь.

– Я прекрасно понимаю всю тривиальность этого вопроса и всё же буду как все, хотя абсолютно хочется быть индивидуалистом и никогда не повторять чужого, поэтому заранее прошу прощения. Но ответьте, пожалуйста: сколько вы растили эту косу? И чтобы больше никогда не возвращаться к этому, – она не мешает вам при беге? – Леонид опять закатился гомерическим смехом.

Люди в автобусе с интересом посмотрели на них.

– Извините, пожалуйста. Нина рассказала такой анекдот, что я не мог себя сдержать.

– Я вам теперь ничего не скажу. Вы издеваетесь надо мной, а я всё это слушаю и терплю. Мне бы надо на вас обидеться, а я чего-то ещё жду.

– Мы тоже хотим послушать, – пробасил волосатый мужчина в майке и шортах.

– Вы должны знать, что обижается тот, кому нечем возразить. Обида – показатель односторонности личности. В вас такого я не вижу, – прошептал ей Леонид на ухо. – Она стесняется, – повернулся он к сидящим в автобусе. – Если позволите, то это сделаю за неё я. Правда, я не умею так красиво рассказывать, как это делает Нина, но попробую: «Проснулась жена утром, подошла к зеркалу. Смотрела на себя, смотрела... Потом взглянула на спящего мужа и злорадно прошептала: «Так тебе и надо, паразит!»

Автобус дружно рассмеялся.

– Давайте ещё! – раздался крики.

– Не можем. Как раз сейчас наступило время обсуждения её завтрашней тренировки.

– Мне стыдно людям в глаза смотреть.

– Это делать совсем не обязательно. Глядите только в мои. Я возражать не буду.

– Вы всегда такой раскованный, если не сказать больше?

– Абсолютно нет. Посмотрите, как в природе: самец выворачивается наизнанку, чтобы понравиться своей возлюбленной. Хвост распускает, пузырь на груди надувает, песни поёт, воркует, скачет вокруг... У человека в корне всё наоборот. Женщина делает всё, чтобы понравиться мужчине. Мажется, красится, душится, выпивает.

рает, выделяет... Я же сейчас выгибаюсь, чтоб вы на меня хоть краешком глаза...

– Вы из меня посмешище сделали, а ещё хотите, чтоб я на вас мило смотрела.

– Стоп! Разберём всё детально. Я задаю вопросы, а вы на них отвечаете. Договорились? Только отвечать честно.

– Хорошо.

– Кто догнал автобус?

– Вы.

– Кто его задержал, сказав, что вы чемпионка мира? Вы думаете, они знают всех чемпионов? Их никто не знает. Не мог же я сказать, что вы шахматистка или волейболистка. А теперь вас все, заметьте, даже я, уважают, ценят и боготворят.

– Я вам весьма благодарна. С таким человеком не грех и познакомиться. Меня зовут Нина. А вас?

– Простите, а фамилия не Сикорская?

– Какой же вы всё-таки...

– Леонид. Леонид Трофимов. Главный инженер металлургического завода.

– Ничего себе! И сколько же вам лет?

– Тридцать два.

– Жена, дети... Я бы такого не отпустила даже в магазин за пивом.

– Не имею.

– Что так?

– Вас искал.

Нина покраснела.

– А сколько лет моей спутнице? Она паспорт имеет?

– Двадцать! – гордо ответила Нина.

– Тоже в девках засиделась? – Леонид вновь счастливо расхохотался.

– Какой вы беспардонный!..

– Не обижайтесь. Мне очень легко и хорошо с вами. Давно такого не было. Честно. Я здесь второй день и сегодня собирался сходить на рынок, а потом попить пива с креветками. А тут вы со всего маха бросились мне на шею и сбили с верного пути. А когда я услышал про экскурсию в ботанический сад, всё отошло на задний

план. Так захотелось слиться с природой... А вы хоть знаете, что он основан в 1812 году?

– Нет.

– Теперь слушайте меня внимательно и запоминайте, а лучше записывайте для надёжности. От меня не отрываться ни на шаг. Повиноваться беспрекословно. Всё, что буду говорить, принимать за чистую правду. И ещё... Люблю лезть в свой адрес и наивные вопросы... На них легко отвечать. Сразу начинаешь думать о себе, что ты самый умный. Не перечить мне и не возбужать... Я буду вашим наставником. Или если освоились со мной как с тренером – не возражаю.

– Вы интересный человек...

– Я предполагал, что вы меня полюбите, но не думал, что это произойдёт так быстро.

– Товарищи, приехали. Аккуратненько выходим. На входе к вам подойдёт экскурсовод. Ниночка, а вы мне вот здесь распишитесь. Хранить буду вечно. А то и артисты были, и писатели, а вот чемпионка – впервые.

– Да я...

– Нина, не скромничай. Человек просит. Даже мне неудобно.

Нина нагнулась и аккуратно поставила свою подпись.

– Спасибо вам. Новых побед и удачи!

– И вам всего наилучшего. До свидания.

4

Экскурсия Трофимову понравилась. Выросшему в каменных джунглях и в них же работая, он напрочь был лишён представления о натуральной красоте и прелестях внешнего мира. Для него существовали лишь краски расплавленного металла, шум молота и запах жара доменной печи. Леонид впервые почувствовал, как прекрасен и восхитителен этот мир. Он умилялся великолепием бесчисленных роз, причудливостью растений, затейливыми водоёмами и всем тем разнообразием этой экзотической прелести. А аромат природы его просто околдовал. Леонид стал молчалив и серьёзен. Нина, слегка приотстав, с любопытством следила за ним. Он походил на заколдованного и сосредоточенного мальчика Кая,

складывающего из льдинок слово «Вечность». Такая разительная перемена в настроении и поведении человека просто шокировала Нину. Она восхищалась этим человеком всё больше и больше.

Он обернулся.

– Ты знаешь, – перешёл он на «ты», – я такой красоты никогда в жизни не видел. Это сродни слепому человеку, который впервые увидел мир в ярких лучах солнечного света. Не скрою, что сейчас очень хочется упасть в траву и зарыдать как дитя, хотя я человек далеко не сентиментальный. Понимаешь, всё время идёшь рогами вперёд. При этом взор упирается только в землю. И вроде бы кое-что на этой земле достиг этим натиском, а вокруг, оказывается, ничегошеньки и не увидел. Ни вот этих пальм, ни кедров, ни кипарисов, на фиников... На фиалки с ромашками смотрю как дикий... – он надолго замолчал.

– Ничего, всё в жизни поправимо, – Нина осторожно взяла его под руку.

– Когда найду клад, куплю огромный участок земли и посажу на нём всякую всячину, – грустно улыбнулся он.

– Боюсь, что не получится, – утвердительно заявила Нина.

– Это почему?

– Землю любить надо. Вы кто по профессии?

– Metallург.

– Ваша стихия – металл, а никак не земля. Поэтому...

– Наверное, я с тобой соглашусь. Но вверх поднимать голову себя заставлю. Говорю это со всей ответственностью. Нельзя нюхать цветы на картине. Неправильно это. Ниночка, мы не на производственном совещании, поэтому обращай ко мне на «ты».

– Хорошо! Я тоже очень хочу, чтобы тебе это удалось.

– Вот и славно. Как говорил не всеми любимый партийный лидер: «Консенсус заключён». А теперь я вынужден рухнуть перед тобой на колени. Возможно, при этом разобьются мои коленные чашечки и мне будет от этого очень больно...

– Нет-нет, только не это. Кто минуту назад говорил об обоюдном соглашении?

– Другое дело. Теперь я вижу, что в твоей груди бьётся горячее и доброе сердце, а не лежит злодейский камень. Значит, ничего не отменяется. Сейчас мы идём на рынок и покупаем самый вкусный

виноград. Потом мы едим самый сочный и вкусный шашлык, запивая его вином «Саперави», и, разумеется, беседуем. Вечером пойдём на какой-нибудь концерт. Я здесь пока не освоился и не знаю, кто выступает.

– В летнем театре поют Агутин и Варум.

– Значит, будем слушать их. Возражения есть? Возражений нет. Меня только беспокоит один деликатный вопрос.

– Какой?

– Нина, а ты себя как чувствуешь, когда твоя коса находит на камень? – Леонид опять залился заразительным смехом.

– Прекрасно! Камень разбивается вдребезги, – тоже засмеялась она.

5

В этот вечер Леонид и Нина пребывали в состоянии полного забвения. Они беспрестанно говорили, шутили, смеялись... Им было интересно быть вместе. Создавалось впечатление, будто они знали друг друга целую вечность.

А червь любовного чувства с каждой минутой проникал всё глубже и глубже в их молодые сердца. Рассудок терял связь с реальным миром, солнце светило им двоим, звёзды падали в их руки.

Вечер пролетел быстрее скорости падающего метеорита.

– Вот мы и пришли, – тихо произнесла Нина, останавливаясь возле спального корпуса.

Леонид понимал: прояви от чуть больше внимания и натиска – и всё пойдёт банально просто, тем более как представитель руководства завода он жил один в люксовском номере. Но он этого не хотел. Зачем омрачать святость чувств. Всё наступит само собой.

– До завтра, Ниночка, – Леонид поцеловал её. – Тебе на третий, а мне... поближе к небесам, – неопределённо взмахнул он рукой. – Спокойной ночи. Для меня сегодняшний день был сказкой. Я хочу, чтобы он этой доброй сказкой и остался. До завтра. Встречаемся за завтраком, а потом пойдём на пляж до обеда. Что делать дальше, решим на море. Хочу съездить в Севастополь, Бахчисарай, посетить Ливадийский дворец, дворец графа Воронцова в Алушке, обязательно посетить Массандру с дворцом Александра III, «Ласточкино гнездо». Короче, всё и сразу, – засмеялся он.

Сделав утром зарядку, Леонид пробежался вдоль побережья, искупался и пошёл готовиться к встрече и завтраку.

В светлых брюках и футболке, источая умопомрачительный аромат дезодоранта, он вошёл в столовую, бегло оглядел зал. Нины не было.

– Наверное, дрыхнет без задних ног. Умаялась вчера. Надо было вчера всё-таки спросить номер её комнаты. Как это я упустил из виду? Ну, ничего, пусть поспит, – успокоил себя Леонид.

Он ел медленно, неторопливо пережёвывая пищу. Несколько женщин норовили завести с ним знакомство, но он так смотрел в их сторону, что те мгновенно распознавали в нём потерянного для них симпатичного мужчину.

Из столовой Лёня вышел последним. Сев под деревом на скамеечке, он терпеливо стал ждать. Время томительно тянулось.

Когда часовая стрелка остановилась на одиннадцати и ждать было уже бессмысленно, Леонид почувствовал, что произошло что-то скверное. И надо срочно принимать серьёзные меры. Но какие? Кроме имени и фамилии, он ничего больше не знал. И длинная белая коса, по которой все её должны запомнить. Он поспешил к дежурной на первом этаже.

– Извините, вы не могли бы мне помочь найти человека? Пропала девушка... Нина Сикорская. Договорились встретиться, а её до сих пор нет. Уж не случилось ли чего?

– В какой комнате она живёт?

– Я не знаю, – пожал плечами Леонид.

– Тогда что вы от меня хотите, чтоб я пошла по этажам и искала, не зная кого? Не мешайте, молодой человек. Выйдите на улицу и там найдёте сотню таких же, а может, и лучше.

– У неё коса белая, ниже пояса...

– Помню такую девушку. И что вы предлагаете?

Леонид удручённо побрёл к выходу. Вдруг его осенила светлая мысль. Он снова подошёл к дежурной.

– Извините ещё раз. А можете мне сказать, за сегодняшний день с нулей часов до девяти никто не выезжал?

– До чего настырный... Я заступила в восемь. При мне выехало семь человек. Так, – она открыла журнал. – С нулей, говоришь? Да, один человек. Из триста семнадцатой комнаты. В три часа ночи. Написано: «По телеграмме. Умерла мать».

– Её не Ниной звали?

– Ниной Сикорской.

– Дайте мне её адрес!

– Э, дружок, какой прыткий... Такой информации тебе никто не даст, даже начальник санатория. За такую добросердечность можно и с работы вылететь. Всё, иди. Не мешай работать.

Леонид вышел на улицу. Всё вокруг было как вчера, только вот краски куда-то улетучились. Мир стал сер и неуютен.

Он достал сигареты, глубоко затянулся. Навстречу шумно шли трое парней. Они весело о чём-то спорили.

– Ребята, – остановил он их, – вы спешите?

– Разве что на обед. А тебе что надо?

– Я вас приглашаю в ресторан. Пожалуйста. У моей любимой девушки мама умерла, а я... – он махнул рукой. – Не переживайте, деньги у меня есть... Мне нужна компания. Иначе я с ума сойду.

– Ну, если так, то... Вы как, ребята? – спросил один из них.

– В таком состоянии нельзя оставлять человека одного. Люди обязаны помогать друг другу. Пошли. Тебя как зовут?

– Леонид.

– Лёня, тут есть неплохая кафешка. И не очень дорого... И поест и выпить...

– Нет. Мы идём в ресторан. Я хочу проститься со всеми красиво, хотя, может быть, это слово сейчас здесь неуместно.

На следующий день он уехал к родителям.

– II –

1

Прошедший ночью дождь принёс долгожданную прохладу. Умытый город заносчиво блистал яркой листвой, хвастался зеркальным отражением нависшего неба и пением разбуженных птиц.

Трофимов приехал на вокзал с огромным букетом белых роз за сорок минут до прихода поезда. Получив справку о прибытии, он бесцельно побродил по перрону, купил журнал и побрёл в зал ожидания. В машину, оставленную на привокзальной площади, идти не хотелось.

Бездумно полистав странички с красивыми иллюстрациями, он начал было читать, но смысл явно не улавливался. Откинув в сторону ненужное занятие, он взял в буфете стаканчик кофе и вновь пошёл на перрон, закурил. Было заметно, как он нервничал. Это была не просто встреча хорошего знакомого, это ещё и была встреча с его любовью – первой, единственной и последней.

Объявили прибытие поезда. Струйки пота густо покрыли его лоб, рубашка предательски намокла.

Леонид быстрым шагом пошёл по платформе. Его глаза скользили по двигающемуся составу в поисках девятого вагона.

Наконец поезд остановился. Леонид подбежал к тамбуру, лихо радочно перекладывая букет из одной руки в другую, пристально всматриваясь в выходящих пассажиров.

– Здравствуйте, Леонид Сергеевич, – послышалось сзади.

– Доброе утро, – машинально ответил он, не отрывая взгляда от выхода.

Он ждал Нину. Двадцатилетнюю, с длинной белой косой и лучезарной улыбкой, как вдруг ток пронзил его тело. Он резко обернулся. Перед ним стояла худенькая женщина в строгом брючном костюме, с тросточкой в одной руке и небольшой сумочкой в другой. Её короткие, слегка седоватые волосы были аккуратно причёсаны. По внешнему виду ей смело можно было дать лет сорок. Она устало и застенчиво улыбнулась.

– Нина? – прошептал он, пугаясь и одновременно стесняясь своего голоса.

– Да. Это я. Изменилась? Не узнать? Жизнь, Леонид Сергеевич, будь она неладна...

– Это вам, Ниночка, – Леонид протянул ей розы.

– Спасибо, – она поставила сумку на перрон, взяла букет и прижала его к себе, погрузив лицо в цветы. – Вы знаете, Леонид Сергеевич, это второй букет, который мне подарили в этой жизни. И

оба раза это сделали вы. Ещё раз огромное спасибо, – она подняла голову. В её глазах заблестели слёзы. Ой, – встрепенулась она, – чего мы стоим? Пойдёмте. Все уже давно разошлись.

– Ниночка, давайте мне вашу сумочку.

– Чего-чего, а это пожалуйста, – засмеялась она смехом прежней Нины.

Сильно припадая на левую ногу, Нина двумя руками, как что-то самое ценное, хрупкое и дорогое, обняла букет, крепко прижала его к груди и гордо шла с ним, светясь от нескрываемой радости и счастья.

Трофимов с откровенным любопытством и тревогой смотрел на женщину. Необходимо было о чём-то говорить, но приготовленные слова радости встречи куда-то исчезли сами собой. Он чувствовал себя в очень неудобном положении.

Нина шла, погружённая в дивную сказку.

– Как доехали, Нина? – наконец прервал молчание Леонид.

– Что? Простите, не расслышала.

– Я спросил, как доехали?

– В целом нормально. Если убрать три «но», можно сказать – «отлично». Было душновато в купе, часто плакал маленький ребёнок, и бабушка неистово храпела. Вы даже не представляете себе, как было громко! Я и подушку клала на голову, и через наушники музыку слушала, и чуть ли не полотенце всовывала в уши... Ничего не помогает.

– Вот как раз это я могу понять. Для меня примером является тёща, которая периодически приезжает к нам, – засмеялся Леонид, радуясь тому, что найдена нейтральная тема для разговора. – У нас дома кошка живёт, так она её по лицу лапой бьёт. Даже животное не выдерживает этих децибел. Тем более я. Ты никогда не обращала внимания на взгляд мужчины, смотрящего вслед теще? Он её своим взором толкает от себя, – засмеялся Леонид, довольный своей шуткой. – А ещё есть подобный анекдот: «В третий раз закинул старик бабку в море. И в третий раз выплыла оттуда упрямая старуха».

Нина от смеха присела на корточки, оперлась рукой на Леонида.

- Потрясающе! – простонала она.
- Ниночка, я предлагаю сейчас поехать позавтракать. У вас сегодня день организационный. Спешить никуда не надо. Тем более, на нашем заводе все ваши капризы безропотно будут выполнены.
- Так уж и все?..
- Неужели я похож на обманщика?
- По внешнему виду разве можно определить человека? Судят по его поступкам, поведению...
- Разве у меня когда-нибудь было плохое поведение?
- Плохого не помню, а вот несносное...
- Побойтесь Бога, Ниночка... Так как насчёт завтрака?
- Усыпив мою безупречную порядочность и бдительность, я иду на компромисс сама с собой и соглашаюсь.
- Это по-нашему! – произнёс Леонид и вдруг выкрикнул на всю площадь: – Извозчика!
- Все посмотрели на них с изумлением.
- Ну вот!.. Узнаю прежнего Леонида... А мне карету.
- Слушаюсь, сударыня, – Трофимов открыл дверку чёрного LEXUSa. – Служивый! Отвези-ка нас в ресторанчик. Её светлость завтракать хотят!
- Как прикажете, Ваше превосходительство, – раздалось из кабины.
- Леонид Сергеевич...
- Простите, что вмешиваюсь в ход ваших мыслей. Меня зовут Лёня. А на «ты», если мне память не изменяет, мы перешли двенадцать лет назад.
- Ах эта девичья память...
- Отож...
- Лёня, предупреждаю сразу – я вегетарианка.
- Это всё там, – он махнул рукой в сторону востока. – У нас такое не проходит. Ты мой гость. Соппротивление бесполезно. Вот когда я приеду к тебе в гости, мы пойдём на лужайку и будем пастись, как бедные овечки.
- Годы идут, а человек не меняется, – засмеялась Нина. – Это замечательно. Тогда – вперёд!
- Извини. Я не выполнил традиционного ритуала встречи.

– Какого?

– Я не поцеловал тебя! – Он подошёл, нежно взял её за голову и страстно впился в губы. – А вот теперь – вперёд! – произнёс он задыхаясь.

2

Ресторан был пуст. В зале тихо играла лёгкая инструментальная музыка. Они сели за дальний угловой столик. Мгновенно подошёл официант, положил перед каждым меню.

– Молодой человек, на ваше усмотрение. Всего понемногу, но при этом не перегружая желудок. Бутылочку хорошего полусухого вина.

– Лёня...

– В каждом деле должен быть один командир. Иначе анархия. Командовать парадом буду я! А в завершение кофе «Американо» и мороженое.

– Мне чай. Кофе не надо.

– Значит, один кофе и чай.

Пока официант накрывал стол, Леонид закурил.

– Тогда я тоже покурю.

– Это уже по-взрослому. Раньше такого не было.

– Раньше много не было, – грустно произнесла она. – У меня давно всё по-взрослому. С двадцати лет.

– Ниночка, ты извини, что задаю тебе этот не совсем деликатный вопрос, но кроме того, что у тебя умерла мама, Царствие ей небесное, и ты уехала, я больше ничего не знаю. Давай помянем её, – он налил Нине вина. – Извини, Ниночка, меня всего трясёт, я, наверное, возьму себя коньячку. Официант! – крикнул он в зал. – Принесите двести грамм «Арарата». Не волнуйся, дорогая, – вновь обратился он к Нине, – я не пьяница. Просто всё нахлынуло...

Принесли коньяк.

– Пусть земля будет ей пухом. Вечная память.

Они выпили.

– Я на коленях стоял перед дежурной, чтоб дала твой адрес, но у них такие законы... Нет – и всё. С горя сильно напился, а на следующий день тоже уехал. Без тебя свет оказался не мил. Потом

был жуткий нервный срыв... А когда позвонила ты... У меня всё перевернулось внутри.

– Как же так... Я оставила дежурной для тебя письмо со своим адресом и телефоном... Даже денег дала. Разве тебе ничего не передали?

– Нет. Та дежурная, видимо, сменилась. А я принялся тебя искать лишь в одиннадцать часов. Думал, что ты устала и спишь. Не хотелось тревожить. До сих пор корю себя за то, что отпустил тогда тебя и не забрал с собой. Не будь этого, многое было бы по-другому.

– Прости, но вначале я плохо подумала про тебя, а потом сердце подсказало, что так ты поступить не мог. А у меня... Лёничка, налей мне коньячку. Сегодня я хочу тоже расслабиться. Вскоре такого мне больше никогда не доведётся изведать. Я хочу уйти в монастырь. Тс-с-с... – погасила она его возмущение. – Это уже решено и обговорено. Обратной дороги нет и быть не может. Давай выпьем за тебя. Единственного! За того и этого. За то, что ты был, есть и будешь. За мою первую и последнюю любовь. Любовь одного дня и всей моей жизни, – она достала платочек и промокнула глаза. – Давай, Лёничка, чокнемся и выпьем. Всего тебе хорошего, милый. Да хранит тебя Господь!

Сжавший горло спазм не дал Трофимову ничего ответить. Они выпили.

– А теперь я расскажу тебе о своей горькой жизни. Моя мама с детства болела сердцем. Порок. Ей даже запрещали рожать меня. Боялись – не вынесет. Но она очень хотела ребёнка. Так получилась я. Замуж мама не выходила, переживала, что со своей болезнью станет кому-то обузой. Летом, когда мы с тобой познакомились, маме от работы дали бесплатную путёвку, но она наотрез отказалась от санатория и уговорила меня поехать вместо неё. Я тогда училась в университете на факультете журналистики. Я была в санатории, когда вечером у мамы случился приступ. Её забрали в больницу. А около полуночи у неё разорвалась аорта. Во время похорон, на кладбище, а после дождя было очень скользко, у машины, стоящей на косогоре, когда снимали гроб с кузова, отказали тормоза и она покатила вниз. Отскочить я не успела, поскользнулась и упала. Заднее колесо и проехало по моей левой

голени. А мужчину задавило насмерть. Я сразу потеряла сознание. В памяти остался только жуткий хруст костей. Как меня доставили в больницу, как делали операцию, я не помню. У меня ампутировали ногу вначале до середины голени, а потом, когда начался остеомиелит, почти до колена. Девять операций. Собирались даже отрезать выше колена. Я не дала. Теперь вот хожу на протезе. И вместо белой – стала седой. В общей сложности семь лет по больницам мыкалась. За это время даже успела заочно окончить у нас в Пензе политехнический институт. Замужем не была. И детей нет. Да какие дети при таком состоянии? – она улыбнулась, как затравленный зверь. – Сто лет ничего не пила и мясного не ела. Даже опьянела.

– Нинуля, ты закусывай. Может, ещё чего-нибудь взять?

– Что ты! И так стол заставлен. Разве можно такое количество съесть? – она закурила. – А как, Лёня, ты живёшь?

Трофимов надолго задумался. Наконец он пожал плечами.

– Вот ты сейчас мне задала вопрос, а я не знаю, как на него ответить. Вроде бы всё есть. Одни люди завидуют, другие считают хорошим семьянином... Дети учатся в престижной школе, и жена трудится врачом в больнице... Но я в этом мире один. Совершенно один. С женой мы абсолютно разные люди. Два пассажира в одном купе. И это не пустая бравада. Она была моим лечащим врачом... Им и осталась. Знаешь, знакомство бывает проще завести, чем от него потом освободиться. Так получилось и со мной. Работе же отдаю себя целиком и полностью. Ты же в моей жизни есть и остаёшься чем-то святым, возвышенным и хрупким. Как одуванчик. Стоит он гордо, восхищая всех статью и красотой. А дунет ветерок... И один стебелёк торчит. Вот и мы с тобой. Расцвели в один день, а налетел ураган и изуродовал всё. Какой же всё-таки жестокой бывает порой жизнь... Давай, солнышко, выпьем за тот единственный день нашего счастья.

– За это можно, только чуть-чуть. И на этом с алкоголем завязываем.

– Хорошо. Как скажешь.

Они сидели молча. Каждый думал о своём. Мысли одного эхом отражались в мозгу другого.

– Лёничка, надо идти. Много хорошего – тоже плохо.

Они вышли на улицу. Солнышко уже клонилось к западу.

– Который час? – встревоженно спросила Нина.

– Пятнадцать минут третьего.

– Ничего себе! Теперь это называется позавтракали... И ужинать не надо. Быстро вези меня в гостиницу!

– Слушаюсь и повинуюсь. Только подсказки, в какую, а то я подзабыл.

– «Волга».

– Давай я тебя поселю в шикарную гостиницу. Исключительно за счёт заведения. Поживёшь, как белый человек. А то никакой фантазии. Сплошная проза.

– Но у меня там забронирован номер.

– Тебе нужна отметка «оттуда»? Будет. Давай документы. Серёжа, – обратился Трофимов к водителю, – держи. Потом заедешь в «Волгу», поставишь все нужные штампики и завтра привезёшь всё ко мне. А сейчас разворачивайся, едем в «Националь». Какие у вас, Нина... Извини, а ведь я не знаю твоего отчества. Как стыдно!

– Какая мелочь. Ивановна. Так мама записала.

– Нина Ивановна! Прекрасно звучит! Итак, как вам моё предложение?

– В жизни человека обязательно должна быть сказка. Ну, хотя бы один раз. И наяву. Я согласна, – счастливо махнула она рукой.

– Подожди секундочку.

Он достал телефон, набрал номер.

– Вера Тимофеевна, Трофимов. Позвоните сейчас в гостиницу «Националь» и забронируйте номер на Сикорскую Нину Ивановну. Ты на сколько дней к нам? – тихо спросил он у Нины.

– На четыре дня, – так же тихо ответила она.

– Вера Тимофеевна – пять дней. И деньги на их счёт переведите немедленно.

– Хорошо, Леонид Сергеевич. Всё будет сделано.

– Спасибо, Вера Тимофеевна.

– Лёня, наклонись, пожалуйста, – попросила Нина. – А то ты такой высокий, что мне не достать.

Леонид положил ей голову на плечо.

– Лёничка, я никогда никому не говорила этих слов, – зашептала она ему на ухо, – и уже не скажу. Только тебе. Я всю свою горькую жизнь любила и сейчас очень сильно люблю только тебя. Ты тот, кто снился мне часто. Тот, кем я бредила, кто помог мне выжить в этой жизни. Я очень рада, что мы с тобой наконец-то встретились. Это моё малюсенькое, неожиданное, несбыточное счастье. Слава моей бессоннице! Слава нашему телевидению, которое показывает тебя! Теперь я хочу тебя поцеловать!

4

Нина обошла номер.

– Вот это красотища! Где люди деньги берут? Я, правда, попала в сказку. Причём наяву. Спасибо тебе, милый. Ты – самый добрый волшебник на свете.

– Ниночка, ответь мне, пожалуйста, зачем ты уходишь в монастырь?

– Присядь, Лёничка, послушай. Сейчас я живу в относительном достатке. Пока ещё сравнительно молода и здорова. Но время летит. И сколько это время не убивай, оно, в конечном итоге, убьёт тебя. И завтра наступит завтра, а с ним и старость, со всеми её «прелестями». Если сейчас я справляюсь со всем сама, то потом кто мне поможет?

– Нина, давай я...

– Нет, Лёня. Об этом даже не смей думать. Ты тогда всем сделаешь очень плохо, и в первую очередь мне. То, что я говорю, не пустые слова, а суровая правда жизни. В монастыре я буду жить постоянно в коллективе таких же, как я, женщин, буду молиться Богу, грехи наши земные замаливать, здоровья для тебя у него просить, мира и душевного спокойствия. А когда наступит старость, будет кому стакан воды подать. К этому разговору возвращаться больше не будем. Решение принято окончательно. Возврата назад нет и не будет. Ты мне лучше скажи, когда тебе нужно быть дома?

– Сегодня никогда.

– Как здорово!

– Нина, как ты смотришь, если мы с тобой сходим в театр?

– Положительно. Только, – замялась Нина, – у меня не респектабельный вид для такого мероприятия.

– У тебя самый лучший вид. И ты самая лучшая и красивая женщина.

– Спасибо.

– Ниночка, принеси, пожалуйста, из холодильника водички, а я пока позвоню.

Трофимов опять набрал кого-то. Долго ждал ответа. Было видно, как он нервничает.

– Слушаю, – не сразу ответили в трубке.

– Это я хочу вас услышать, Мила. Вы у нас работаете или занимаетесь личными проблемами? Ещё одно такое ожидание – и можете себе искать новое место по душе.

– Леонид Сергеевич, извините, я в туалет выбегала.

– Вам должно быть известно, что у телефона всегда должен находиться человек. Вышла – предупреди секретаря или переключись на неё.

– Извините, я забыла.

– Завтра на десять тридцать с Митиным ко мне.

– Хорошо, Леонид Сергеевич.

– Посмотри, мне надо на сегодня два билета в театр. Но не просто, чтоб отвязаться, а что-нибудь стоящее...

– Одну секундочку, Леонид Сергеевич, – было слышно, как шелестит бумага.

– А ты крутой! Мне даже страшно стало, – Нина протянула бутылку «Боржоми».

– Леонид Сергеевич, во МХАТе идёт спектакль «Как Боги», а в Театре эстрады...

– Оставляем МХАТ. Позвони, закажи для меня два билета.

– Вам перезванивать?

– В другой момент я бы отказался, веря в исполнительность наших сотрудников, а теперь вынужден ждать вашего звонка.

– Хорошо, Леонид Сергеевич.

– Понимаешь, Ниночка, я должен быть уверен в том, что каждый мой сотрудник находится на своём месте. А если он не понимает этого – это его трудности. Пусть работает в другом месте.

В нас всех при рождении вживлён ген анархизма. И если дать ему развиваться, наступает крах всего, что, собственно, и происходит в нашей стране. Каждый делает, что хочет и как хочет. Может быть, я в какой-то мере диктатор. Но историей доказано: где правит диктат, там народ живёт хорошо.

Раздался звонок.

– Леонид Сергеевич, это Мила. Билеты заказаны. Начало спектакля в девятнадцать часов.

– Спасибо, Милочка.

– Леонид Сергеевич, извините, что отнимаю у вас время, простите меня, пожалуйста. Такое больше никогда не повторится. Если можно, не вызывайте нас с Митиным. Он меня тогда выгонит, – в трубке послышался плач.

– Хорошо. Будем считать, что конфликт улажен. Но предупреждаю...

– Я всё поняла, Леонид Сергеевич.

– Вот и славно!

5

– Ты знаешь, Лёня, я под огромным впечатлением от увиденного, – они тихо шли по вечерней улице, – поразила правдивость силы денег в деградации человечества. Боюсь, что не повторю дословно, но, по-моему, это звучит так: «Богатство в нынешней России – как дизентерия. Болезнь грязных рук». Как метко и точно! Спасибо тебе за доставленное удовольствие.

– Олигархи не очень чтут Полякова, автора пьесы. Уж слишком он правдиво говорит о них и их власти. Сильный писатель! Из почти современных сочинителей люблю его, Бондарева, Иванова, Проскурина, Астафьева... Не люблю детективы. Не знаю почему. Не получаю никакого удовольствия. И не запоминаю их. Всё равно что объявление на заборе. Прочёл и забыл. А во-вторых, один и тот же можно читать, как новый, буквально через месяц. Кстати, ты хочешь кушать?

– Что ты? Если бы ты видел, сколько всего в холодильнике лежит... Можно месяц в магазин не ходить.

– Богатые – люди привередливые. Теперь этот мир для них. Их грешно обижать. Поэтому...

– Лёничка, а ты богатый?

– Я – средний. Но ближе к богатому. И всё умом и упорством достиг.

– Молодец! Горжусь тобой.

– Спасибо.

– Лёня, а ты читал Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах»?

– К великому стыду, нет.

– В этой книге главная героиня, игуменья, матушка Манефа, живя в миру, родила дочку от любимого человека, за что и была отправлена в монастырь. Девочку воспитывали чужие люди. Через много лет она находит свою дочь. И та зеркально повторяет путь матери. В ночь перед постригом она отдаётся любимому, а утром убегает в монастырь... Книга безумно интересная. Почитай, пожалуйста. Получишь истинное удовольствие.

– Теперь обязательно прочту.

– Лёничка, сейчас послушай меня, не перебивая, иначе я собою и... Сегодня я нагрешила столько, что и жизни не хватит у Господа нашего вымолить эти грехи. Но я постараюсь! Думаю, он меня поймёт и простит. Понимаешь, Лёня... – Нина надолго задумалась. – Ты извини... Но я собираюсь поступить, как они, – заговорила она быстро, боясь, что кто-то её остановит. – Хочу, чтоб у меня осталась маленькая частичка тебя. Навсегда, понимаешь? Тем более что до этого у меня никогда не было никаких отношений с мужчинами. Думаю, Бог меня за это не осудит и сделает всё, как я желаю. А я этого всем сердцем хочу! Вот и всё, что я хотела тебе сказать. А ты вправе принять моё предложение или отказаться, – громко выдохнула Нина и, повернувшись, посмотрела в глаза Трофимову.

Его лицо излучало столько радости и тепла, оно светилось неподдельным счастьем и любовью, будто никогда не было этих лет разлуки, этой злосчастной цепочки несчастий и горестей, бед и страданий.

– Спасибо, милый. Ты только меня прости и не обращай внимания на моё увечье. Хорошо?

– Глупышка. Ты самая что ни на есть лучшая. Я тебя очень люблю и всегда любил.

– Тогда поедем скорее в гостиницу. Я ни на секундочку не хочу лишаться тебя. У меня так мало на всё это времени... Мне хочется за этот короткий период прожить целую жизнь. Ну не всю, конечно, это я погорячилась, – горько улыбнулась она. – Хотя бы лучшую её часть. А вон и такси. Тормози!

6

Сделав всё, Нина, не простившись с Леонидом, уехала, передав через секретаршу письмо.

Вечером Вера Тимофеевна принесла ему на подпись документы. Он машинально расписывался, вникая лишь в их суть.

– А ещё, Леонид Сергеевич, вам письмо.

– От кого?

– Не знаю. Женщина с тросточкой передала.

– Спасибо. На сегодня вы мне больше не нужны. Можете идти домой.

– До свидания, Леонид Сергеевич. Вы только просили напомнить, что завтра в десять вам следует позвонить в министерство.

– Я помню. Идите.

Дрожащими руками он разорвал конверт и принялся читать мелкий убористый почерк: «Милый мой, дорогой и любимый Лёничка! Спасибо тебе за всё, и в первую очередь за то, что ты воскресил меня, вернул веру в счастливую жизнь. Ты сделал всё, о чём я тебя просила. Теперь моя душа спокойна. Всю оставшуюся жизнь я буду молиться за тебя и просить у Господа нашего, чтоб дал тебе здоровья на долгие годы. И прошу тебя – не ищи меня. Не надо. Так будет легче и тебе и мне. Всего тебе, родной мой, самого доброго. И всегда помни, что я буду любить тебя. Любить всю жизнь! Я знаю, ты плачешь сейчас. Не надо, любовь моя. Мы с тобой встретились не для печали, а для вселенской радости. Прости, если я тебя чем-то обидела. Храни тебя Господь, мой дорогой, и прощай. Обещаю, если родится мальчик, обязательно назову его твоим

именем, а если девочка, то Любовью. Нашей Любовью! С нами остаётся память, в которой мы будем жить с тобой вечно. Твоя Нина».

Трофимов немедленно связался с кадрами пензенского завода, где ему ответили, что Сикорская Нина Ивановна уволилась перед поездкой в Москву. Но на этой командировке настояла сама. Там сделала всё, что ей было велено. И даже больше. По слухам, дом продала и выехала в неизвестном направлении. Больше о ней ничего не известно.

– У вас к ней какие-то претензии? – тревожно поинтересовались в кадрах пензенского завода.

– Нет-нет, всё в порядке. Хорошего работника потеряли. До свидания. Спасибо за информацию.

Трофимов опустил голову на скрещённые руки и так сидел до глубокой ночи. Потом выпил стакан коньяка, закурил и поехал домой.

Что-то в жизни его перевернулось и надломилось.

Мысль о поисках была бессмысленна.

Но эти прошедшие дни с их ощущением чего-то несказанно красивого и радостного, а может быть, и сказочного, теперь не покидали его никогда.

РЕАЛИИ ЗИМНЕГО ОТПУСКА

1

Знаменитейший в очень узких кругах Александр Пушкин, не тот, который породил «Барышню-крестьянку» и «Евгения Онегина», а командир управления артиллерийским огнём на эскадренном миноносце «Благородный», однажды произнёс сакраментальную фразу: «Отпуск всегда своевременен». Именно эта фраза и может быть эпиграфом к этому рассказу.

Грише Перегудову, капитану второго ранга, старшему помощнику командира корабля большущего ракетного крейсера, дали отпуск в январе. Самый последний тунеядец в этой жизни не будет отдыхать в эту пору. Даже для него такое время года – не сезон.

Грише всё это было глубоко «по барабану». Купив билет на самолёт, он облачил себя в парадную форму, с медалями и кортиком, надел шинель с фуражкой и, взяв в одну руку трёхлетнего сына Льва – худого, синего, беспрестанно сопливого мальчика, а в другую – громадного размера чемодан, к ручке которого двумя толстенными верёвками были привязаны детский горшок и крышка к нему, сел в такси и поехал в аэропорт. Рядом тихо сидела неимоверного размера жена. Путь их лежал в Поволжье. К теще.

Та жила в ста двадцати километрах от областного центра.

Тёща у Гриши находилась в самом расцвете сил и лет. Женщина, просто налитая виноградным соком. Красавица! И была она всего-то на четыре с небольшим года старше зятя. Гриша опытным глазом видел, что она в его сторону нет-нет да и поглядит. Любовь тёщи к зятю далеко не последнее дело в семейной жизни. Это народ давно подметил. От этого всем хорошо. И всегда мир в доме.

Тесть – мужичок тщедушный. Он больше предпочитал крепкие напитки, нежели работу и супружескую обязанность. И тоже души не чаял в зяте.

Все моряков любят: женщины, мужчины, старики и дети. Просто не влюбиться в моряка невозможно. От этого никуда и никому не деться.

Женился Григорий поздно, в тридцать пять лет. И случилось это совсем неожиданно. Он даже не сопротивлялся. То ли надоело гулять, то ли и вправду годы подошли, но больше всего ему понравилась трёхкомнатная квартира в самом центре Севастополя. Не всё же время спать в каюте, надо когда-то и собственную квартиру заиметь.

Вот так он здесь и остался жить.

А произошло это следующим образом. Как-то в ресторане он с офицерами обмывал своё новое звание. Сколько выпили, сказать трудно, но проснулся он в очень даже приличной квартире. Рядом лежала молодая, но достаточно упитанная женщина. Голова у Гриши разлеталась на части. Он огляделся. На прикроватном столике стояли две бутылки пива.

– Ничего себе сервис! – радостно подумал он.

Откупорив бутылки, залпом осушил их. Глаза просветлели. Мысли стали яснее. На даму он даже не посмотрел. Встал, обошёл квартиру, поглядел в окна. Всё очень понравилось.

– Пора жениться, – подумал он закуривая. – Где я ещё такое жильё найду? До службы три минуты ползти. Пора! Пойду хоть гляну, с кем жить буду!

Он вошёл в спальню, откинул простыню. Перед ним лежала огромная Даная, только с наивным детским лицом.

«Самое главное, что не крокодил. А всё остальное... – Он юркнул к ней и крепко обнял будущую супругу. – Как хоть зовут её? – мелькнула шальная мысль. – А, собственно говоря, какая разница. Для семейной жизни это не имеет никакого значения».

Свадьбу сыграли скромно (чего попусту всех кормить) в квартире жены Эльвиры (дал же Бог такое имя), без громких тостов и несбыточных пожеланий. А квартира эта досталась ей после прадеда, боевого адмирала, участника освобождения Севастополя от немецко-фашистских захватчиков.

Родственники навезли всего столько, что ели потом ещё месяца три. Даже, как это не жалко, всё же часть пришлось выкинуть. Испортилось.

Григорий не пил. Он сидел в белой форменной рубашке и флотских брюках по левую руку от жены, на случай, если вдруг придётся неожиданно отдавать честь. Для этих целей рядом лежала новенькая фуражка. А если честно, то и гражданского костюма у него никогда не было.

Кроме родителей брачующихся, была ещё пара свидетелей. Со стороны Григория – его лучший друг Женя, а со стороны Эльвиры – тощая, рыжая и конопатая Марина, тридцатилетняя разведённая дама, вся унизанная золотыми украшениями и драгоценными камнями, владелица супермаркета и ресторана.

Женя, когда узнал об этом, чуть речи не лишился. Но как-то сразу сориентировался и при первой возможности, поздравив жениха с невестой, объявил, что свидетель от свидетельницы не далеко падает, чем очень развеселил присутствующих.

– Марина! – продолжал он. – Вы меня просто покорили своей красотой и обаянием. Мои ноги так ослабли, что хочется рухнуть пред вами на колени, вечно стоять так и целовать ваши нежные, бархатные ручки. Хочу признаться вам в любви, нахлынувшей на меня так внезапно, как зарождается шторм среди ясного неба. Гриша не даст соврать, такое случается. Возьмите себе мою руку и истерзанное сердце. Только не гоните от себя. Я и так как щепка в безбрежном океане. Несут меня волны, а куда – не известно. Вокруг холод и пустота. Порой охватывает ужас и страх неизвестности. Ужасно хочется тепла и уюта. Не считите меня за какого-нибудь слизняка. Я личность сильная! Но и у сильных бывают слабости. Только их за внешней суровостью не всегда видно. Я предлагаю сейчас из одной свадьбы сделать две! А половину денег вер-

нуть молодым супругам. Отгуляем, а потом распишемся. Я – согласен. Решение за Мариной. К великому несчастью, за такого, как я, никто замуж идти не хочет, – он тяжело вздохнул.

Марина сидела тихо. По её щекам ручьём текли слёзы. Было видно, что её сердце покорено. И она уже была готова на всё ради этого человека, а в качестве свадебного дара презентовать ему свой огромный супермаркет.

– Почему это, Женечка, никто не идёт за тебя замуж? – поинтересовалась зардевшаяся тёща.

– На это, Зинаида Петровна, есть три веские причины. Они-то и мешают мне посмотреть в глаза своей будущей супруги.

– Какие же? Вы можете нам сказать?

– Сказать могу. Да разве это что-то изменит?

– Говорите. А вдруг?

– Обещайте, что не будете смеяться.

– Обещаем! Все обещают? – посмотрела она на окружающих.

– Конечно, – ответила за всех свекровь Маргарита Сергеевна, мать Григория.

– Если так, то слушайте. Первая и самая главная моя проблема – меня не любят женщины. Почему – не знаю, – он достал не первой свежести платочек и вытер им сухие глаза.

– Да что вы? В жизни не поверю. Такой представительный мужчина. Кого же тогда любить?

Григорий фыркнул.

– Гриша! – стукнула его в бок Эльвира. – У человека серьёзные проблемы, а ты... – зашептала она.

– Всё-всё... Молчу.

– Вот вы, Зинаида Петровна, с первого взгляда видно, как любите своего супруга, Сергея Витальевича. Вон какую красавицу народили, – показал Евгений на Эльвиру. – А я гол как сокол...

Сергей Витальевич пьяно улыбнулся и полез целовать жену сальными губами.

– Сиди уже, красавец, – оттолкнула она его. – И когда успел нализаться? Ведь только сели.

– Зинуля...

– Ещё слово – и выйдешь из-за стола.

Муж примирительно поднял руки.

– Извините, Женечка. Продолжайте.

– Храплю я, Зинаида Петровна. И так сильно, что штукатурка с потолка отлетает, стёкла лопаются, птицы на лету дохнут...

– Это, конечно, серьёзно. Но для настоящего мужчины это пустяк. Хуже, когда пьют беспробудно, – зло посмотрела она на своего мужа. – Вот это горе. Сейчас современная медицина храп лечит. Я сама читала. Так что не удручайтесь. Это не причина для печали. И что же последнее?

– Я стесняюсь о таком говорить.

– Женя, будьте мужественным до конца.

– У меня быстрое семяизвержение. Может, это женщин и отвергает?..

– Ого! – простонал Григорий, наклонив голову, чтобы не рассмеяться.

– Здесь нет ничего удивительного, – Зинаида Петровна уверенно вошла в роль психолога. – Вы моряк. На берегу бываете редко... Вы ещё мальчик! Вам сколько лет?

– Без двух месяцев тридцать один.

– Совсем юноша. Это пройдёт. Вот женитесь – и всё войдёт в норму.

– Извините все меня. Я так разнервничался, что меня всего трясёт. Можно я выйду на свежий воздух, покурю, – ни с кем не чокаясь, он выпил рюмку водки.

– Конечно, Женя, сходите, покурите. Я понимаю, какое у вас сейчас нервное потрясение.

– Гриша, – зашептала Эльвира, – пойди покури с ним тоже. Надо успокоить и поддержать друга.

– Хорошо, милая.

3

Друзья сели на скамейку в парке за домом. Закурили.

– Вот это ты выдал! – закатился Григорий. – Такого наплёл! И щепочку, и семяизвержение, и душевное тепло, и подгибающиеся ноги, и порванные носки... – он снова зашёлся от смеха. – Никогда не замечал в тебе столько артистизма.

– Тише ты, дурачок, а то услышат.

– Не бойсь, страстный соблазнитель женских душ. Сюда окна не выходят. Да-а-а... Всё мог предугадать, но такого...

– Поглядите на него... Он на роскошной квартире женится, а мне тоже хочется икру по утрам жрать, ездить на шикарной машине и пить не вонючий корабельный спирт, а выдержанный коньяк... А то, что она даже с красавицей рядом не стояла, не важно. Красотку мы в другом месте найдём. Лучше скажи, получится?

– Ты сомневаешься? Пять минут такой исповеди – и я бы сам в тебя влюбился. Сейчас дадим ей несколько минут, и она сама бросится тебе на грудь. И к кому? Об этом знаю только я и значительная часть прекрасного пола этого замечательного города. Пойдём уже. Она созрела и готова подставить тебе свои коралловые губы как символ девичьей любви, – истошно захохотал Григорий. – Но, если честно, я тебе завидую.

– Если сегодня выгорит, я покажу тебе такой класс, что если бы подобное услышал Станиславский, он рыдал бы от умиления.

А в это время в комнате говорили все, кроме будущей суженой. Она давно была на всё согласна. Вот только свадьба слишком скромна для неё. И она робко предлагала сейчас же переехать в ресторан. Но против были все. Мол, после росписи там и погуляем. А сейчас... Это всё на помойку?

Она обречённо, но счастливо махнула рукой:

– Хотите две свадьбы, играем две свадьбы.

Столы были мгновенно передвинуты, чтобы молодые сидели друг с другом.

Когда мужчины вернулись, всё сразу стало ясно.

Евгений с порога подбежал к Марине, поднял её на руки:

– Спасибо, милая, что поверила и не отказала, – он сладострастно её расцеловал, а потом повернулся ко всем: – Познакомьтесь! Моя супруга Марина.

Марина и плакала, и смеялась, и целовала своего нового суженого.

Торжество закончилось далеко за полночь.

4

Друзья обзавелись семьями. Теперь один полз до службы три минуты, второй тратил на это пять, но на крутой машине.

Первый утром пил пустой чай – позавтракать можно и на корабле, а другой неторопливо пережёвывал сервелат и бутерброд с чёрной икрой, запивая всё это натуральным молотым кофе со сливками.

Вскоре Григория назначили старшим помощником на крейсер, где он гнил, пил спирт, сходя на берег раз в неделю.

Евгений через полгода со службы уволился и стал перспективным бизнесменом.

Дороги друзей разошлись. И сходитья не собирались.

Один завидовал и злился, другому на всё это было глубоко наплевать.

Когда нет общности интересов и люди не понимают друг друга, они становятся абсолютно чужими. Причём – навсегда.

Почему ребёнок бросает игрушку и больше никогда не берёт её в руки, а лишь изредка может пнуть ногой – надоела. Так и у взрослых.

5

Поволжье встретило южан лютым холодом и метелью.

Григорий, исполняющий роль носильщика, тащивший выдавший виды чемодан и закутанного наследника, огромными шагами шёл к встречающим. Сзади, прерывисто дыша, плелась ещё больше располневшая Эльвира.

Навстречу гостям бежала тёща. Её лицо выражало бурный восторг.

– Здравствуй, Гришенька! – она сладко поцеловала его в губы, от чего дрожь прошла по всему телу зятя, а с головы порывом ветра снесло фуражку, которая весело покатилась по дороге. – Какой ты всё-таки отчаянный, Гришенька! Чай у нас здесь зима, а ты вон как вырядился, – она погладила его по вьющимся волосам, стряхивая с них налипший снег. – Давай мне сюда внучка и пошли скорее к машине. Серёжа, – крикнула она к мужу, – ты что, не видишь, что

у Гриши фуражку сдуло. Быстро догони и принеси её сюда! Дочь, догоняй! Я смотрю, ты совсем скоро разучишься ходить! Гриша, не давай ей есть! Она машину провалит. Здесь я тебя, дорогуша, на диету посажу. Вода и сухари! О пирожных, конфетах забудь. А это кого я на руках несу, Льва или бурундучка? Ты его кормишь или сама всё съедаешь? Садись на переднее сиденье рядом с отцом. На заднем ты всех раздавишь.

– Мама, что это такое? Набросилась сразу! Ни поздоровалась, ни поцеловала... Какая радостная встреча!.. Дочь приехала!.. Три года не виделись...

– Извини. Но я как тебя увидела, куда все хорошие слова подевались! Ты в зеркало на себя когда последний раз смотрела?

– Я даже разговаривать с тобой не хочу.

– Ишь, цаца какая... Чего стоим, Серёжа? Ждём, когда машину полностью заметёт? У меня ребёнок на руках. Давай поехали уже!

– Здравствуйте, Сергей Витальевич. А то мы с вами и не поздоровкались.

– Здравствуй, Гриша. Как долетели? Мы с матерью начали переживать. Погода стала ухудшаться.

– При посадке побросало и покачало нас сильно. Половине пассажиров было плохо. Даже Элечку стошнило пару раз.

– Гриша, кому ты рассказываешь? Всем всё равно.

– Доченька, извини. Открой «бардачок», я туда минералку положила. Я знаю, как после этого плохо бывает.

Эльвира достала бутылку.

– Гриша, ты пить будешь?

– Нет, спасибо. Я бы пивка с удовольствием...

– А я взял, – протянул бутылку Сергей Витальевич.

– Вот за это спасибо. А я вам водочки хорошей везу, – отхлебнув глоток, произнёс Григорий.

– За это благодарствую.

– Гришенька, ну расскажи нам, как там у вас в Севастополе дела?

– Да какие дела, Зинаида Петровна? Получил на корабле должность. А это – безвылазно сидеть. Эльвира ревнует, говорит, что гуляю на стороне и домой не хожу. Но надо года два выдюжить,

получить командира, а там... Тогда она пожалеет о тех денёчках, да поздно будет. Живём нормально. Эля, подтверди.

– То, что Эля живёт нормально, я и без тебя прекрасно вижу. Ребёнок в кроватке, а она продавликает диван перед телевизором... Ведро семечек, два килограмма конфет и гора пирожков, благо, ничего варить не надо. Мужа на корабле накормят. Жизнь превратилась в сказку. Она хоть с ребёнком гуляет?

– Мама, ты что, недопонимаешь? Зима, штормовой ветер, холод собачий...

– Гриша, я до лета её забираю себе.

– Здоровая мысль. Я через два месяца всё равно на полгода на боевую службу в Средиземное море ухажу. Здесь они будут под присмотром. Я об этом как-то и не подумал.

– Гриша, что ты выдумываешь? Не буду я здесь оставаться.

– Без мужа нечего в городе делать и нам поможешь. Рук не хватает. Так что... Потом со скуки встреча какая классная получится, – она радостно засмеялась.

– Мама...

– Не мамкай. Всё решено. Семечки я тебе найду, так и быть, – улыбнулась она. – Гриша, когда вернёшься, то не узнаешь жену. За тростинкой спрячется, не найдёшь. Ну, расскажи, как твой друг, Евгений? Чем занимается?

– Со службы уволился. Теперь она ему ни к чему. Весь в бизнесе. За всё это время видел его два раза. Детей нет. Для чего они им? И так жизнь сладкая. Зачем заморачиваться?

– Значит, расстались? Жалко.

– Элька, а Маринка к тебе тоже не заходит?

– Заходила один раз, когда я в роддоме лежала, а второй раз – домой. Уже Льву полтора месяца было. Ничего плохого сказать не хочу, подарков навезла целую машину. Коляску... Одних памперсов тысячу штук!

– Следовательно, откупились. Кто вы для неё теперь? Отец, торозни, городского хлебушка купим.

– Я сбегая. Сколько и чего брать? – засуетился Григорий.

– Три булки серого и два батона. Подожди, я тебе деньги дам.

– Вы считаете, что я в отпуск без денег приехал?

– Гриша, фуражку хоть надень или шапку возьми у отца.

– Я быстро. Даже уши отклеиться не успеют.

Григория не было долго. Наконец он вышел с двумя огромными кулками.

– Гриша, что ты там долго делал? – спросила Эльвира. – Мы тут все переволновались.

– Взял то, что тебе категорически запретили, – протянул он Эльвире большущий кусок торта. – А это вам, мама, – протянул он второй кусок теще.

– Спасибо, Гриша. Ты нас балуешь.

– Ещё купил книжку Пуришкевича про смерть Распутина. Много слышал о нём в передачах Радзинского и читал об этом человеке тоже много. О нём говорят вокруг да около, намекают, а конкретно никто не сказал, что революцию в России подготовил именно он... Так что коммунисты вместо Ленина должны были памятники Распутину ставить.

– Гришенька, ты пива не брал? – поинтересовалась теща.

– Взял. Четыре бутылки.

– Открывай. Давай тяпнем. А торт я дома с чаем съем. Что-то у меня платье промокло. Ваш Лев, кажется, обделался. Элька, ты меня ему подгузники перед выходом из самолёта?

– Нет. Не успела.

– Дома получишь! Отец, включи печку на всю мощь. Не дай Бог простудится ребёнок! Гриша, ты уже открыл? Давай за всё хорошее. Смотрю, ты дорогое пиво взял. Мы такое здесь не пьём.

– Григорий, дай попробовать, – попросила Эльвира.

– Дочь, у тебя в «бардачке» водичка лежит. Привыкай.

– Я уеду отсюда.

– Конечно, уедешь. Только летом. Думаешь, оставлю тебя у своей сиськи? И закончим на этом. Поживёшь, матери поможешь. Не переломишься. Давай, зятёк, чокнемся да на брудершафт выпьем, – засмеялась она. – А ведь не получится. Ваш грозный Лев разлётся как у себя дома. Придётся пить без куража. Вот и мост проехали. Скоро дома будем.

6

– Ребята, раздевайтесь – и в баню. А я пока с вашим сыном разберусь и на стол накрою.

– Эля, представляешь, сейчас попаримся – и на снежок, а потом снова в парную. Найди мне чистое белье, – Перегудову не терпелось скорее насытиться раскалённым паром.

Вскоре молодые, истекая потом, лежали на полках парилки.

– Ну, – скомандовал Григорий, – а теперь на снег. Пошли!

– Гриша, я боюсь простудиться.

– И думать даже не смей. Это здоровье в чистом виде. Пойдём, я тебе покажу, как это делается.

Они подошли к двери. Григорий резко распахнул её и изо всей силы толкнул Эльвиру в сугроб, а затем прыгнул сам. Оба невероятно заорали.

– Что тут у вас? – вышла на порог тёща.

– Он хочет меня простудить! – заверещала Эльвира.

– Тебя простудишь... А теперь обтереть друг друга снежком и снова в парилочку, – Зинаида Петровна зашла в дом. – Долго не задерживайтесь. Всё уже на столе! – прокричала тёща.

– Мамуля, всю водочку из сумки достаньте и в снежок заройте. Пусть чуток замёрзнет! – прокричал Григорий. – А мы ещё минут двадцать-тридцать пожаримся. Льва пока покормите, чтоб за столом не мешал.

– Гришенька, уже всё сделала и спать уложила.

– Вот за это я люблю вас.

– И я тебя тоже! – радостно засмеялась она.

7

Через сорок минут все собрались на кухне.

– Ну, садимся, что ли? Так хочется уже выпить за дорогих гостей, аж зубы сводит, – поторопил тесть.

– Одна секунда! – Григорий встал. – Наши вам подарки. Вам, Сергей Витальевич, настоящие английские джинсы. А вам, Зинаида Петровна, вот это платье! В Греции покупал. И большая просьба – наденьте его сейчас. Украсьте наш стол.

– И я тогда джинсы надену, – твёрдо заявил Сергей Витальевич.
– Не заляпай их только, – строго предупредила Зинаида и убежала в спальню.

Через минуту она влетела на кухню в красно-белом платье с открытым вырезом. Её щёки от гордости были пунцовыми.

– Гриша... – и она заплакала.

– Значит, угодил! Теперь приглашайте за стол.

– Гриша, а джинсы меня не сильно обтягивают?

– Они же не должны висеть как на колу. В них вы настоящий мачо. Даже мужское достоинство подчёркнуто.

– Скажешь тоже...

– Ой, не смешите меня, девки... Этому достоинству два раза в туалет сходить. Спасибо вам, дети, – и она поцеловала Эльвиру и Григория. – И правда, давайте садиться. Всё, наверное, уже остыло.

Сидели весело, долго, до позднего вечера.

Проснулся Лёвочка.

– А вот и наш Геракл! В кого он такой дохлый? Иди садись к дедушке, он тебя покормит. Серёжа, у меня в шкафу церковное вино лежит. Дай ему столовую ложечку. Надо спасти пацана. И мать тоже. С завтрашнего дня, Элечка, будет всё по-другому. Так что сегодня наедайся, красавица моя. Ребята, что хочу сказать: у нас нет таких кроватей, как в городе, Ленин и Крупская с нами, поэтому отец сколотил вам на полу огромный ящик. Не волнуйтесь, дуть не будет, зато очень просторно и мягко. Сама проверяла. А в самом низу душистого сена положили. Не ложе, а добрая сказка. Только ночью вставайте аккуратно, чтобы не упасть и голову себе не разбить. А этот «гигант мысли», – кивнула на Льва, – будет спать со мной. А дедушка с вами, – залилась она заразительным смехом. – Чтоб не баловались, – и снова счастливо прыснула.

8

Как застоявшийся конь, Григорий полностью отдавал свою энергию хозяйству. Он очистил сарай, напил и нарубил дров... Для отдыха и часа не было.

Отпуск медленно приближался к концу. Оставалось без малого меньше недели.

– Серёжа, мы хуже свиней, – всполошилась Зинаида. – Грише скоро ехать, а тётку Маланью так и не провели. Сходи в совхоз, попроси лошадь, на машине сейчас ехать опасно. Как проснёмся, так и поедём, а к вечеру вернёмся.

– Твоя правда, Зина.

– Мама, зачем туда ехать?

– Аль ты совсем запамятовала, что она тебя крестила?! И подарок надо ей взять какой-нибудь. У меня припасён комплект постельного белья. Ей понравится.

– Я и забыла совсем.

– Ну, вот и сговорились. Серёжа, а ты всё реши сегодня, пока светло.

– А можно я с вами пойду, Сергей Витальевич?

– И охота тебе, Григорий, по морозу шататься. Я и сам справлюсь.

– Да мне по посёлку пройти хочется, воздухом подышать. Когда ещё в следующий раз снегом похрущу? Он там у нас только во сне бывает.

– Тулуп надевай и валенки. И денег для сугрева прихвати, – прошептал тесть.

– Батя, мне даже совестно от вас такое слышать. Уже взял.

– Молодец! Уважаю.

Они вышли на улицу. Мороз был так крепок, аж перехватывало дыхание.

– Для начала в кафе, а потом всё остальное. Успеем всё сделать?

– Конечно, успеем!

– Тогда ускорили шаг.

В кафе было жарко.

– Девочки, у вас есть ровно три с половиной минуты на то, чтобы нам налить по двести грамм водочки и принести по порции пельменей. Сделаете быстрее, получите по шоколадке, – Перегудов почувствовал себя в своей стихии.

Через полторы минуты у них всё стояло на столе.

– Вот это уважение! Будешь рассчитывать, посчитаешь шоколадки, – улыбнулся официантке.

– Всем?

- Конечно, всем.
- Так нас пять человек!
- Ты хочешь, чтобы я кого-то из вас обидел? К ним добавишь ещё две. Надо жену не забыть и тещу.
- Господи, ну почему у нас нет моря? Обязательно бы замуж за моряка пошла. Какие ребята!.. – кокетливо хохотнула официантка.

9

Как оказалось, проблем не было вообще. Директор посадил гостей за стол, позвонил на конюшню, велел запрячь самую лучшую лошадь в крытые сани, набросать побольше душистого сена и положить четыре новых тулупа. И всё это через двадцать минут должно стоять у дверей конторы. Потом открыл сейф, достал бутылку и торжественно водрузил её на стол.

– Борис Ильич, может, не надо? – запричитал тесть. – Мы уже с зятем приняли на грудь перед приходом сюда.

– Ко мне моряк в гости пришёл, а ты из меня хочешь сделать жлоба? Не выйдет. Можешь не пить. Заставлять никто не будет.

Вернулись домой Григорий и тесть чуть тёплые. Кое-как распрягли лошадь, загнали её в стойло и, как снопы, повалились спать.

– Чуюло моё сердце, нельзя их было отпускать двоих. Вот и результат. Ничего, за ночь отойдут. Поставь, дочка, им на стол две банки кислого молока.

10

Проснулись все хмурые. Одни с жуткого похмелья, другие от созерцания увиденного.

- Где это вас угораздило так вчера надраться?
- Директор угостил, – честно глядя заплывшими глазами, ответил Сергей Витальевич.
- Вот так вот взял и угостил?
- Представь себе. У меня, говорит, моряк в гостях, а я...
- Хорошо. Если солгал мне, я тебя поколочу.
- Зуб даю...
- Есть будете? Или чаю крепкого попьёте?

– А кроме чая, больше ничего нет? – не поднимая глаз, спросил Григорий.

– Лично для тебя, Гриша, имеется, – Зинаида налила ему полстакана самогонки. – А все остальные свободны.

– Теперь хоть на дно океана. Витальевич, вы куда?

– Лошадь запрягать. А Эля пусть готовит подарки и внука потеплее оденет.

– Сергей Витальевич здоровье не поправил. Болеет... – Гриша жалобно посмотрел на тещу.

– Ему не положено.

– Жестоко.

– По-другому нельзя.

– Я пойду ему помогу.

– А есть не будешь?

– Нет.

Григорий выбежал во двор. Витальевич, ничего не видя, запрягал лошадь.

– Сергей Витальевич, я вам лекарство принёс, – и Гриша протянул тестю чекушку.

– Вот за это спасибо, зятёк! А я умирать собрался. Где ты её взял?

– Вчера купил. Не помните? Пейте сами, я уже похмелился.

Тесть, пригнувшись за сани, тремя глотками опорожнил бутылку.

– Теперь зови баб! – бодро скомандовал он. – Пора ехать!

11

Завернувшись в шубы, все расселись по местам. За возницу сел Сергей Витальевич. В середину возка посадили тещу с внуком, ну а по краям уселись Григорий и Эльвира.

Отъехали не больше километра.

То ли тесть заснул, то ли лошадь сама по себе споткнулась, но как результат – лопнула подпруга.

Сергей и Григорий ходили вокруг лошади, приседали, тихо матерились.

– Вы долго здесь собираетесь маяться? – заорала тёща. – Или все мозги пропили? Либо связывайте эту долбаную подругу, либо рысцой в совхоз за новой.

– Связать можно, – тихо промямлил муж, – только чем? Верёвки не взяли.

– Портками своими...

Тёща, отдав дочери внука, слезла с саней, быстрым шагом подошла к мужу и со всего маха ударила его в лицо. Кровь из носа ручьём побежала на снег.

– За что, Зина?

– Было бы за что – убила. Выпрягай, паразит, лошадь. Дальше никуда не едем. Сани вдвоём толкать будете. Наградил Бог... Запомни: водка для тебя теперь, как пуля для преступника. И быстрее шевелитесь. Ребёнок на руках. Моли Бога, чтобы не заболел... Тогда точно начнёшь завидовать мёртвым!

С трудом пополам освободили лошадь, вожжами привязали её к телеге.

– А теперь, Гришенька, ты берёшь слезы, разворачиваешься и волочёшь сани домой, а я со своим верным мужем толкаем сзади. Эй, ты, жертва солнечной активности, хорошо меня слышишь? – зло рыкнула она на супруга. – Толкаешь, а не спишь. Элька, ты сиди в санях. Внука мне не заморозь.

И процессия медленно двинулась в сторону дома.

Через десяток метров Гриша снял тулуп, потом фуфайку, дальше рубашку и шапку. В огромном облаке едкого пота его не было видно.

До посёлка добрались относительно хорошо. Но дальше начался цирк. Прохожие орали кто во что горазд.

– Зинка, сколько стоит прокатиться?

– Ты зятя для этих целей такого здорового выбирала?

– А что лошадь не посадите? Пушай прокатится!

– Надо в поселковый совет сходить. Пусть на лето рикш завезут. На бензине сколько экономить будем!

– Зинуля, за вспашку огорода весной сколько брать будешь?

Смех стоял такой, что проезжающего трактора не было слышно.

Григорий бросил слезы:

– Хорош! Повеселили народ и хватит. Пешком дойдёте. А вы, Сергей Витальевич, решите вопрос с лошадью. Я по своим делам ушёл. Буду не скоро.

12

Вернулся Гриша ночью вусмерть пьяный.

– Пакуй вещи, – бросил он жене билеты, – через три дня улетаем.

– Как же так, Гришенька, она же собиралась остаться, пока ты в море... – запричитала тёща.

– Собиралась, да раздумала.

– Мы и худеть собрались.

– Там похудеет на двадцать килограмм. А не похудеет – разведусь! Ясно?! – прорычал он грозно и не раздеваясь лёг спать.

Утром никто не вспоминал вчерашний день. Все молча собирали вещи.

Дни перед отлётом прошли в полной тишине. Тёща что-то пекла, жарила, готовила. Тесть спозаранку и до позднего вечера был на работе. И только Григорий не знал куда себя деть. На улицу он больше не выходил.

Наконец наступил день отлёта.

Перед дорогой, как полагается, сели за стол, потом обнялись и расцеловались, ну и, конечно, поплакали.

– Три часа на дорогу хватит за глаза и за уши, – утвердительно сказал тесть.

Григорий снова надел форму, взял невероятного размера чемодан, к ручке которого двумя толстыми верёвками были привязаны детский горшок и крышка к нему, трёхлетнего сына. Молча сели в поданную машину.

В каждом деле учитывается ефрейторский зазор, особенно если это касается пути. Лучше два часа посидеть на вокзале, чем на три минуты опоздать. И закон этот надо неукоснительно выполнять. Иначе...

Вначале долго не заводилась машина. Всё в ней вдруг взяло и замёрзло. Это, естественно, у всех, включая и Льва, вызвало приток свежего адреналина в крови.

Но, наконец, выехали. Тесть пытался ехать на запредельной скорости, но встречные машины этого не давали. Узкая колея была рассчитана на одностороннее движение. Приходилось часто останавливаться и пропускать встречный транспорт.

Сорок километров тащились час! Наконец вышли на главную трассу. Но на ней было так скользко, что один раз машину снесло в кювет. Хорошо что сзади ехала грузовая машина и вытащила их, а то бы сидели неизвестно сколько.

– Дядя, резину поменяй, а то застрянете и повымерзнете все.

– Знаю я, – утвердительно кивнул Серёжа, – а вот деньги где взять на эту резину?

Каждой украдкой поглядывал на часы, понимая, что они начинают запаздывать.

Въехали в город.

– Виталич, гони! Знаки, переходы, светофоры для тебя сейчас просто не существуют. Хоть по тротуару езжай. Я сегодня должен улететь! Кровь из носа! Жми на клаксон. Скажем, роженицу везём.

13

К аэропорту подъехали, когда посадка была давно закончена, а самолёт выруливал на взлётную полосу.

Григорий, с ребёнком в одной руке и чемоданом в другой, неистово гремя волочившимися за ним горшком и крышкой, со стремительной скоростью пронёсся через турникет.

– Товарищ военный, вы куда? – прокричала девушка, стоявшая на контроле.

– Задержите самолёт на Симферополь! Билеты сзади ползут. Мне надо срочно улететь! – кричал Григорий, стремительно мчась по аэродрому, создавая такой ужасный шум, что вокруг ничего не было слышно.

– Какой самолёт? Он уже на взлётной полосе.

– Война началась! Без меня не могут выйти в море, чтобы геройски затонуть.

– Какая война? Нас даже никто не предупредил, – растерянно прошептала девушка. – Безобразие какое-то. Борт 746, прекратить

взлёт! Заберите моряка с ребёнком и женой. Он орёт о какой-то войне.

– «Земля», прекращаю движение. Жду пассажира.

Чемодан расстегнулся, вещи рассыпались по взлётному полю, но Григорий на это не обращал никакого внимания. Он стремительно нёсся к своей цели.

Самолёт остановился. Спустили трап.

– Моряк, ты своим горшком наделал столько шума, даже мне показалось, что случились неполадки с шасси, – сказал выглянувший из двери лётчик. – О какой войне ты говоришь? Давай садись быстрее.

– Между Израилем и Палестиной... Как вас ещё остановить?

– Молодец! – хмыкнул пилот. – Жена где?

– Вон ползёт.

– Она что, без ног?

– Скорее без головы. Чемодан во время скачек раскрылся, и она собирает вещи по взлётному полю. Закрывай дверь, полетели без неё. Там новую себе найду.

– Герой! Люблю людей с юмором. Для таких и коньяк не жалко. Будешь? – спросил лётчик.

– Бутылку и без закуски.

– Тогда клади ребёнка в кресло и заходи к нам. А супруга пусть собирает свой скарб. Держи, – пилот протянул ему бутылку армянского коньяка. – Но только вначале свежий анекдот.

– Элементарно! «Один мужик говорит другому: «Давай купим водки и смешаем её с соком». «С каким соком?» – удивляется второй. «С желудочным!»

– Классный анекдот, – засмеялись все. – Бутылка по праву твоя. И жена уже влезла. Можно взлетать.

В приподнятом от выпитого настроения Григорий растянулся в кресле, обнял супругу и поцеловал.

– Классно отдохнули, правда? Всё было. И хорошее и... очень хорошее. Главное – адреналин! Без него моряк чахнет. На следующий год снова поедем. И тоже зимой.

ПЕЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Ну почему у нас всё всегда именно так?!

Мало мы берём хорошего из прошлого. А вот плохое само собой липнет к нашему телу, про душу я вообще молчу. И ходим мы со всем этим как прокажённые, принимая струпы за родимые пятна.

Теперь даже умереть страшно. Жить, оказывается, куда дешевле!

Почему так? Да просто оскотинились мы все! Больницы сокращают, аптеки строят... В водке – захлебнуться можно! Что в рот ни возьмёшь – всё отравя. А денег у простого смертного нет. И милосердия ни у кого нет, даже у пособников смерти. Люди в белых халатах с лёгкостью продали душу дьяволу за тридцать серебряников. Полагаю, что Бог с ними разберётся. А если нет – будет обидно! Причём – всем! Прыщ выдавить – и то тянут из кошелька последний рубль!

Заболела бабушка. Может, от старости, может, от жизни... Что не съест – рвёт её. И с алой кровью. Язва старая открылась или новая от «калорийной» пищи образовалась. Разбираться надо.

Кто сейчас такое будет делать?

Нет таких в нашей теперешней жизни.

В селе лишь медсестра без лекарств. Правда, иногда, по настроению, и улыбнуться может. А вот добрых слов при рождении для неё не нашлось. Так и ходит со складкой между бровей, ядом дыша.

Ей бы скот на бойне бить, а она в благородных числится...

– У меня транспорта нет! – категорично заявила она. – Ищите машину.

И помочь бедной старушке некому. Сыны лет уж десять как самогоном отравились...

Но мир не без добрых людей. Сосед, Филиппович, посадил её в свой старенький «Запорожец» и повёз в районную больницу, что в двадцати километрах от села.

Хирург брезгливо пощупал живот.

– Оперировать надо, – произнёс он и огласил баснословную сумму, от которой даже Филиппович матюгнулся.

– Сынок, где же я возьму такие деньги? У меня пенсия минимальная. Зато дояркой в совхозе четверть века проработала. И орден есть!

– Тогда пусть полежит у нас. Может, и пройдёт само собой, – заявило соседу будущее светило отечественной медицины.

Оно тщательно вымыло руки и ушло.

Бабушка провалялась пару дней без ласки, внимания и человеческого отношения да и отдала Богу душу.

Теперь уже делать нечего. Сельский совет сразу проявил гуманность. Гроб сколотили, достали и под вечер отправили грузовую машину, чтобы забрать тело из морга. И денег дали, чтоб там помыли, причефсали и придели усопшую.

– Привезёте – сразу в дом заносите. А утром разберёмся, – командовал не совсем трезвый председатель сельского совета.

Поехали два закадычных друга, Михаил и Виктор.

Двадцать километров – максимум тридцать-сорок минут ехать. Туда и назад – час.

Но нет. Это иллюзии. Такое только в учебнике физики возможно. В жизни, оказывается, всё иначе.

По трассе двигались быстро, но вот три километра по просёлочной дороге, что аккуратно посередине пути, – просто одна мука. Не ухабы, так ямы, заполненные грязью и водой. Машина чуть ли не на борт ложится. Два раза застревали.

Соверши здесь свой путь великий Гоголь, матом бы написал о дураках и дорогах, впад в беспамятство от такого сотрясения!

В морг приехали, когда город начал погружаться в непроглядную тьму.

Санитары, немного покочевряжившись, всё ж за бутылку обрядили усопшую, положили в гроб, накрыли крышкой и помогли погрузить в кузов.

Дорога назад друзей не прельщала.

– Витёк, без бутылки не поеду. Во-первых, вспомни, кого везём. Во-вторых – лесом! Не знаю, как тебе, а у меня мороз по коже бегаёт. То и дело в туалет гоняюсь. А потом...

– Какие разговоры, дружище? Сейчас по пути магазин будет. Там и возьмём. Я тоже неуютно себя чувствую. Малость жутковато! А как выедем из города, так и разоведемся.

– Прописные истины глаголешь, Витяня. Тогда в добрый путь! Помогай нам Господи! – и Михаил перекрестился.

Углубившись в лес, друзья не спеша «раздавили» бутылку под кусочек чёрствого хлебушка и уже в приподнятом настроении двинулись в сторону дома. Дорога быстро летела навстречу в свете горящих фар. И участок этой самой долбаной дороги проскочили без происшествий. Так, пошвыряло немного...

Вскоре подъехали к бабкиному дому.

– Давай быстро её выгрузим да поедим ко мне. Ещё по стаканчику тяпнем, – Михаил чувствовал себя уже героем.

Они быстро открыли кузов – и их глаза от увиденного провалились в череп. Пустой гроб лежал на боку, крышка валялась в другой стороне, а тела нигде не было.

– Ё-ё-ё-ё... – простонал Михаил и со всего маха сел на пятую точку, обхватив голову руками.

– Чё ёкать-то? Гнал как бешеный... И вот – результат! Вставай! Поехали искать. Кроме как на просёлочной, нигде потерять не могли... А то завтра нам председатель яйца откусит.

Михаил поднялся и с трудом полез в кабину.

– Не торопись уже. Спать явно сегодня не придётся. И фарами покручивай. Я справа смотрю, ты слева.

До ям и канав доехали благополучно.

– А теперь вылезает, – скомандовал Виктор. – Ты по одной колее, я по другой.

Они медленно пошли по дороге.

– Я сказал по колее идти, а не рядом! – на весь лес завопил Виктор. – Вымазаться боишься? Отмоешься. Под ноги и по сторонам смотри. Слава Богу, что Луна взошла.

Так они брели километра два.

– Вить, по-моему, это она. Волосы торчат из воды.

– Где?

– Да вот...

Из глубокой ямы, с грязью и водой, и правда выглядывало что-то похожее на клочок волос.

– Пошарь рукой, она?..

– Я боюсь...

– Отойди, пока я тебе морду не расквасил. В благородство решил поиграть? Такие же аристократы бабку угробили и спят теперь сном праведника. Учиться надо было хорошо, Витенька! Теперь бы тоже спал.

Виктор запустил по локоть руки в жижу.

– Она, – утвердительно сказал он. – Я возьму под руки, а ты бери за ноги... И вытащим на обочину. Ты на машине подъедешь, в кузов её и погрузим.

Они нагнулись.

– Давай уже быстрее... Не век же здесь находиться, – зло выругался Виктор.

– Витёк, у неё ноги хрустят и гнутся, – прошептал Михаил, и из его рта фонтаном наружу забила водка с кусочками непережёванного хлеба.

– Хреново, если и тебя завтра придётся везти в психушку. Уйди, я сам посмотрю.

Виктор опустил руки, погружая грудь в грязь, долго шарил ими по дну.

– Трактор, сука... Помнишь, что тебя пропустил на косогоре? Это он ей ноги перемолотил. Теперь нас либо посадят, либо вместе с ней прикопают...

У Михаила снова начался приступ рвоты.

– Короче. Вижу, толку от тебя как с козла... Иди за машиной. А я тут сам справлюсь.

Когда Михаил подъехал, на обочине лежал огромный бесформенный комок грязи.

– Сейчас ты, Миша, не Миша, а девственница Маша, лезешь в кузов, гроб сдвигаешь к кабине, а её положим с краю. Потом немедленно едем на речку и отмываем её как следует, кладём в гроб, а его забиваем гвоздями. Понятно?

– У меня ни молотка, ни гвоздей...

– Значит, в гараж, милый, поедем. Там всё и сделаем. А скажем, что забили в морге. Мол, разлагаться начала. В дом вносить не будем. На табуретках во дворе поставим. Пусть вода стекает. Ты понял меня? Грузимся и... пулей! Не вздумай больше блевать, а то я тебе точно харю начищу. Зачем я согласился ехать? А чтоб тещу свою не видеть? Теперь каждый день её в гланды целовать стану.

Начало светать, когда их вызвал председатель сельского совета. Он явно был с большого похмелья.

– У меня к вам сразу несколько конкретных вопросов, – начал он, багровея, загибать пальцы. – Почему гроб забит и такой грязный? Почему он мокрый? Почему на улице стоит и под ним сыро? Почему...

– Сергеич, – по лицу Виктора забежали желваки. – Тогда у меня тоже несколько вопросов, – и он стал загибать пальцы: – Почему бабка померла? Почему за деньги лечат? Почему дождь по дороге пошёл, все до нитки промокли? Почему она так быстро стала разлагаться и в морге её заколотили? Где у нас найти такую власть, которая бы замостила три километра дороги? Или денег опять нет? Тогда куда делись? Сынок машину на зарплату купил или из государственного кошелька хапнули? И желания нет ни у кого ничем заниматься, кроме... Хотя бы одна тварь из начальников там утонула! И красной ткани в сельсовете нет, чтоб гроб обить? Опять «в нищих и сирот» играть начинаете?

– Не кипятись, Виктор. Всё сделаем. Про дождь я не знал. Правильно? А дорога – на границе с соседним районом стоит. Половина наша, половина их.

– Всю жизнь всегда и везде всё делите... Своё бы кто сделал, а потом на других показывал пальцем.

– Всё! Иди! Похороним, как положено. Михаил, то ли я тебя давно не видел, то ли ты сильно поседел?..

– Это он в блондина решил перекраситься, – хмыкнул удаляющийся Виктор.

ЦЕЛИТЕЛЬНИЦА

С оторванным ухом, прокушенной ногой, вырванным клоком кожи на спине и весь в крови, Самсон под утро приплёлся домой после трёхдневного бесцельного брожения в ватаге собачьей свадьбы.

Он был маленькой белой пушистой собачонкой. И выглядел со стороны очень несчастным. Но даже он хотел оставить свой след на земле. Как говорят весёлые люди: «Люблю участвовать в групповом сексе. Там сачкануть можно». Так и Самсон – бегал по зову матушки природы, пока не попал под сильную раздачу.

Он долго скулил под окном, пока хозяйка не увидела это горемычное животное. Заохав, Полина впустила Самсона в дом и причитая начала расстилать на кухонном полу газеты, достала вату и стала искать хоть какое-нибудь лекарство, чтоб замазать псу раны. Не зря в народе говорят, что сапожник всегда без сапог. Так и в доме врача (муж работал в больнице хирургом) ничего, кроме спирта, не было.

Наконец она вспомнила, что в кладовке вот уже года два стоит в литровой банке зелёнка. Зачем он её тогда приволок? Она всё

порывалась выкинуть банку, но что-то её удерживало. И вот – пригодилась.

Полина надела перчатки, села на газеты и, зажав Самсона между колен, приступила к обработке боевых ран, беспрестанно твердя о дурной кобелиной породе.

Всё шло хорошо. Самсон, наклонив морду, стыдливо слушал справедливые слова и стойко переносил все лишения собачьей жизни. Но когда дело дошло до обработки уха, не выдержал и от нестерпимой боли взмыл вверх, выбив банку их рук хозяйки. Теперь он, лицо, руки и грудь Полины, а также пол вокруг них напоминали свежесть первой весенней травы.

В это время раскрылась дверь и на кухню вошёл сосед Семён Васильевич, мужик во всех отношениях ценный... Поправить, отремонтировать – запросто. Но одна беда – любил выпить. Было хорошо заметно, что и сейчас пребывал в состоянии жуткого похмелья. Он тупо, с выпученными от удивления глазами созерцал увиденную картину. Ступор буквально сковал его. Васильевич прекрестился.

– Смертушка за мной пришла. С белочкой! – пошептал он и пятясь вышел.

С этой минуты соседа никто и никогда пьяным больше не видел. Он даже от пива отказался.

Пёс Самсон поправился, но ещё долго ходил по двору зелёный. В собачьих свадьбах больше не участвовал.

Полина из дома не выходила с неделю, всё приводила себя в порядок. После чего стала писаной красавицей.

ВСТРЕЧА

1

Жизнь непредсказуема...

На её бесчисленных тропах теряются государства и народы... А о людях и говорить не приходится. Такое бывает и с закадычными друзьями.

Но, случается, и в стоге сена иголку находят.

Идёшь по каким-то делам... И вдруг раз – вот он, хлопает тебя по плечу.

Но об этом чуточку позже.

Владимир, отслужив ратную службу на кораблях сурового Северного моря, ушёл на заслуженный отдых. Красоты Заполярья его никогда не прельщали. Но ностальгия по родным местам основательно не давала покоя. Семья, поразмыслив о сущности бытия, продала жильё, распрощалась с серым северным пейзажем и переехала жить в родную Пензенскую область. Огромный дом, доставшийся в наследство после смерти родителей, с громадным приусадебным участком и земельными угодьями, встретил семью отставного офицера по-доброму. И зажили Пономаренко просто припеваючи.

У Владимира к работе была просто мёртвая хватка. И решил он себя попробовать в фермерском деле. Земля была, кое-какая техника от отца осталась да прикупил кое-что. Дело и пошло. И хорошо пошло! Вскоре он стал очень преуспевающим фермером, хотя для этого приходилось трудиться в поте лица. Дни и ночи. Но это нисколько не удручало, а даже наоборот. Трудового человека всегда почитают. А чего не уважать, коль и сам работает, и о других не забывает.

2

В последнее воскресенье июля, как раз в День Военно-морского флота, в соседнем городке, родине лучшего друга, с которым они вместе шесть лет утюжили морские просторы и с которым не делились много лет, проводилась республиканская выставка отечественной сельхозтехники. И что хорошо – почти рядом с домом, без малого пятьдесят километров. Владимир такие мероприятия не пропускал. Можно и купить что-то дешевле, и с производителями договориться.

Жена ехать отказалась. Ну чего без толку толкаться среди железок и мужиков? Вот если бы одежду привезли или посуду – было бы совсем другое дело.

Встав пораньше, Владимир объехал своё хозяйство, дал нужные распоряжения и покатил домой.

Основательно позавтракав, он принял душ, переделся во всё светлое, сел в недавно купленный красный Nissan и через полчаса был на месте.

Огромное поле было наводнено техникой и народом. Многие знали друг друга не только в лицо. И как не знать, если одну землю пашешь.

Владимир приценился к комбайну. К осени бы купить надо. И трактор лишней не помешает. Потом его сильно заинтересовал ангар-свинарник. А чего бы и нет? Пора расширяться. И главное – есть где поставить. Корма свои, почему не взять?! Мясо – дело прибыльное. Со временем можно и коровок завести.

Походил, пощупал, послушал рекламодателей и реальных производителей да и купил. И со строителями договорился. Через

пару недель начнут. И даже заказал поросят у знакомого фермера из-под Воронежа.

– Кто это у нас такой предприимчивый? – раздалось сзади. – А мне говорят: «Владимир Андреевич Пономаренко. Фермер местный. Хозяйство ведёт – дай Бог каждому, несмотря на то, что всю жизнь на флоте прослужил!» Дай, думаю, подойду, поздороваюсь. Авось не прогонит. «Проведите, проведите меня к нему, я хочу видеть этого человека», – захрипел мужчина голосом Высоцкого и дико захохотал.

Владимир резко повернулся и ахнул. Перед ним, тоже в светлых брюках и бежевой футболке, стоял Славка Соколов, повзрослевший, но такой же стройный.

– Славка, чертяка, ты откуда здесь взялся? Вот это сюрприз! С праздником тебя!

Они бросились друг другу в объятия.

– И тебя, Володя, с Днём Военно-морского флота!

– Ёлки! Сколько лет прошло... Как я рад! – Владимир обхватил Вячеслава руками и закружил.

– Вовка, дурак, задавишь! Пусти, слон!

– Слава, рассказывай, что ты здесь делаешь? И вообще, где ты? Откуда?

– Чтобы тебе сразу стало ясно и больше к этому вопросу никогда не возвращаться, отвечаю на последний вопрос. Осмотрись вокруг себя.

Владимир завертел головой.

– И что?

– Ты людей наблюдаешь?

– Да. И какое это имеет отношение к моим вопросам?

– Так они все, включая и нас с тобой, буквально из одного места вышли. Понял, салага? – Соколов засмеялся.

– Узнаю! А дальше?

– Опять попрошу тебя оглядеться. Только теперь на людей внимания не обращай. Что видишь? Пойдёмте, Владимир Андреевич, не стойте истуканом на месте.

– Тракторы, сеялки, веялки... И что?

– О! – Вячеслав поднял палец. – В наблюдательности вам никак не отказать!

– Не берут тебя годы. Как был шалопаем, так им и остался. Так держать!

– Какие мы важные, – закачал он головой. – Запомни и в почёте склони голову. Я организатор и хозяин этой выставки.

– Ого!

– Вот тебе и «ого». Говори, только быстрее, что тебе из всего этого нужно. Умоляю, только всё не забирай. Лишь то, что нужно позарез, а то я знаю твои загребушие ручонки. А через неделю мы закрываемся, приедешь и заберёшь оставшееся. Говори быстро! Нас шашлык с коньяком ждут.

– Крут! Пошли. Вот, вот и вот, – ткнул пальцем Владимир на комбайн, трактор и плуг, плутовато взглянув Вячеславу в глаза.

– Хорошо, – спокойно ответил тот и что-то записал в блокнот. – Григорий Николаевич, – позвал он представительного мужчину. – Возьмите, – протянул он бумагу, – пометьте, что это не продаётся, но договоры на них заключать.

– Хорошо, Вячеслав Михайлович. Просили передать, что стол накрыт.

– Оперативно! Спасибо. Уже идём.

– Слава, я сегодня за рулём. Пить не буду. Сейчас позвоню домой, чтобы жена приготовила всё и ждала нас.

– Эко, какой ты запуганный стал! Не пойдёшь? Не надо. Езжай. Но отсюда ничего на шару не получишь. Я эти пятьдесят километров с закрытыми глазами проеду, а ты...

– Там пост ГИБДД поставили.

– Ментов испугался, моряк? Вова, извини, но я сегодня ночью в столицу улетаю. Приеду лишь на закрытие. Вот тогда, ты на тракторе, я на комбайне, и поедем к тебе. А сегодня, увы... Сегодня ты у меня в гостях. И без разговоров. Пошли. Шашлык стынет.

– Ты из меня, законопослушного гражданина, делаешь преступника. И я этому почти не противлюсь. Пошли уже!

Они, обнявшись, не спеша пошли к палатке, где было специально отгороженное место для дорогих гостей.

– Давай, Володя, выпьем за встречу. И за праздник. Именно этот день приготовил нам с тобой такой сюрприз. Сколько лет не виделись!.. Ужас!.. И надо же было... И где?.. Я в шоке!.. – они чокнулись и выпили.

Мягкий и сочный шашлык только дразнил их аппетит.

– Володя, ещё по одной – и начнём вечер воспоминаний, – командовал Вячеслав.

– После высших специальных классов ВМФ в Питере мы с тобой и расстались. Ты поехал на Восток, а уж я потом на Север.

Вячеслав зашёлся лающим смехом.

– Ты чего?

– Вспомнил, как по приезду на классы, я же на год раньше тебя поступил, нас построили на плацу и начальник строевой части решил с нами познакомиться. У вас, наверное, тоже так было... Помнишь, как стояли? Сначала старшие офицеры, а потом уже мы, младшие. Я как раз по своему росту начинал эту шеренгу и стоял рядом с капитаном третьего ранга. Подходит этот начальник, капитан первого ранга, пристально смотрит в глаза, а ты должен ему представиться. Да, помнишь ты всё... Так вот, подходит он к этому офицеру, а тот серьёзно ему заявляет: «Зовите меня, товарищ капитан первого ранга, Олег». Тот чуть от такой борзости не подпрыгнул. «Я фамилию вашу хочу услышать!» – побагровел начальник. «Любимый», – нежно говорит капитан третьего ранга. «Что? Ваше удостоверение личности!» Тот подаёт. Начальник строевой части открывает, читает, крикает и отдаёт ему документ. «Молодец, Олег! Далеко пойдёшь!» Строй от хохота чуть на колени не упал, – снова засмеялся Слава. – Извини, Володя. Слушаю тебя.

– На Севере определили на должность командира ракетно-артиллерийской боевой части, через три года назначили старшим помощником, уже на другом корабле. От академии и должности командира отказался. В звании капитана второго ранга уволился. В Мурманске дали трёхкомнатную квартиру. Через три года решили с Люсей вернуться на родину, в нашу Пензенскую область. В Мурманске квартиру продали и купили в Воронеже дочери хоро-

ший дом. Она технолог на заводе. А сын Лёшка, ты его должен помнить, в Питере. Закончил экономический. Очень сильно раскрутился... Имеет сеть магазинов и ресторанов. Ну а я фермерствую. Спасибо отцу, Царствие ему небесное, технику оставил, земли сто двадцать пять гектар... И в аренду люди почти столько же дали. Короче, кручусь по полной. Посёлок немного поднял. Асфальт, Дом культуры, деревья посадил, свет на улицах горит и по мелочам ещё кое-что. Человек должен память добрую после себя оставить. Ненавижу однодневной жизни.

– Молодец, Вовка! Уважаю! После выставки кое-что ещё тебе дам. Помочь другу – святое дело! А потом ты покажешь мне своё хозяйство. Будем делать его образцово-показательным. Делегации станем к тебе возить... Пусть учатся, как надо хозяйство вести.

– Слава, зачем? Не люблю я показуху.

– Молчи и слушай. На Тихоокеанском флоте я попал сразу в штаб дивизии надводных кораблей. Когда начались в стране крутые перемены – уволился. С Мариной мы ещё в Севастополе развелись. Это ты знаешь. Она там и осталась жить. Сын окончил Одесскую мореходку. Ходит штурманом на сухогрузе. Жениться не хочет. Говорит, что и без этого всего хватает. Я, если честно, второй раз очень удачно женился. Жена – дочь одного босса в правительстве. Заочно закончил сельскохозяйственную академию. Работаю в Министерстве сельского хозяйства.

– Ничего себе! Разрешите ослабить заднюю ногу.

– Отставить! Не напрягаемся. Дышим ровно и легко. И ни в коем разе не завидуем. Всё равно на небе на всех звёзд не хватает. Лучше давай, Вова, поднимем третью – за тех, кто в море! Пусть им служится легко и не сильно качает! Честно сказать, если бы жизнь начать сначала, я, наверное, не пошёл бы этим путём. Хотя?.. Не было бы флота, не было бы и меня сейчас такого. Давай, друг... Очень рад тебя видеть!

Так они сидели, погружённые в свою далёкую молодость, овеянную штормами и опалённую знойными ветрами. И время шло вспять. И глаза горели прежним огнём. И сердце выстукивало ритм далёкого флотского горна.

– Слава, а помнишь, доктор у нас на корабле был? Уникальная личность! Не мог спокойно на мир смотреть. Вечно его тянуло куда-то вляпаться. Если честно, фамилию забыл. В кают-компании за столом все любили поговорить с ним. А он выдавал такое, что от смеха можно было и со стула свалиться. Как-то командир, чтобы занять себя между первым и вторым, спрашивает начмеда: «Доктор, какие по вашим каналам новости?» «Сокращение штатов на десять процентов намечается, товарищ командир», – отвечает он, не отрываясь от тарелки. «Где, у кого?» – заинтересованно и в то же время растерянно спрашивает командир. «А вы не слышали? Техас, Алабама, Мичиган и ещё парочку. Названия запомнил». «Что ты несёшь? Какая Алабама? Ты не пьяный? Откуда такие сведения?» «Хайкин во сне бредил. Он же у нас разведчик... Я думал, правда». Офицеры от хохота просто легли в тарелки. Ты в это время, по-моему, в отпуске был. Командир, как всегда, шутки не понял и старпому: «Александр Николаевич! У меня складывается впечатление, что офицеры, да и личный состав тоже, стали отвыкать от воинской службы. Спланируйте на субботу строевые занятия. Пусть немного мозги растрясут. А то у некоторых и помешательство может наступить».

– Ой, подожди, я тоже вспомнил, – засмеялся Вячеслав. – Кому же был задан вопрос? Кажется, тоже доктору. Короче, командир спрашивает его: «Жена пишет?» «Конечно». «А вы ей?» «Только сегодня написал». «О чём, если не секрет?» «Нет. От вас секретов не имею. Написал, чтобы, идя по улице, смотрела только на асфальт». «Зачем?» – удивляется командир. «Потому, как приду с боевой службы, смотреть будет преимущественно на потолок». Штурман так засмеялся, что даже громко пукнул. Лицо командира налилось багрянцем, а они, помнишь, сидели рядом. Он молча встал и вышел из кают-компании. За ним последовал штурман, такого же цвета, утопив нижнюю челюсть в глотку.

– Помню. Это точно было с начмедом. Когда командир вышел, старпом, вспомнив всех родственников доктора, сказал, что зашьёт ему рот. В ответ тот изрёк, что теперь перед приёмом пищи, в целях безопасности, штурману будет вставлять газоотводную

трубку. Хочу отметить, что наш доктор был молодец! Сколько в море операций сделал!.. На все руки мастер. Всё умел: зубы рвать, вывихи вправлять, животы резать и даже гонореей лечить. Вот у меня тоже был случай. Как-то пошли мы с товарищем во Владивостоке в ресторан. Зачем моряк идёт туда? Чтобы найти для себя утеху на ночь. Господи, кому я это объясняю? Ты и без меня всё прекрасно знаешь. Вышел оттуда, разумеется, с дамой. Представь: высокая, потрясающе красивая и в то же время удивительно глупая блондинка... Я, Володя, вывел для себя аксиому: чем красивее женщина, тем она глупее. Ты запоминай, когда я говорю, а лучше записывай, чтоб не забыть.

– Тоже мне доморощенный философ...

– Слушай дальше. Тишина, тепло... Идём не спеша по Корабельной набережной. Говорить не хочется. Одна мысль – скорее бы прийти к ней домой. У причала стоит парусник. Откуда он взялся, до сих пор не знаю. Она меня спрашивает: «Славик, а зачем у него такая высокая мачта?» «Вообще-то, – отвечаю я ей, – это является государственной тайной. Но за поцелуй я могу тебе её открыть». Она как будто ждала этого. Так впиалась в мои губы своим пылающим ртом, что я чуть не задохнулся. Утолив первые симптомы начинающейся жажды нахлынувшей любви, она прошептала: «Так зачем ему мачта?» «Когда у него в море заканчивается бензин, моряки используют её как шест, отталкиваясь от дна». «Здорово! А кто это придумал?». «Были такие братья, по фамилии Черепановы. Они, когда кончалась топка в паровозе, тоже толкали его мачтой. А моряки украли у них это изобретение и приспособили подобное на яхтах». «Ой, как интересно! И откуда ты всё знаешь? Давай ещё поцелуемся!» Жанна Васильевна! – вдруг крикнул он.

Бесшумно возникла опрятно одетая в белоснежный халат женщина, лет сорока – сорока пяти.

– Голубушка, вы иногда заглядывайте к нам. А то сидим здесь всеми забытые и брошенные.

– Извините, Вячеслав Михайлович. Я не хотела вам мешать.

– Перекройте стол.

– Что, скажите, принести?

– Не знаю, как Владимир Андреевич, а я бы окрошки сейчас поел. Несите две порции! А остальное – в том же духе. И рыбки красненькой...

– Подождите, пожалуйста, несколько минут, – и она так же бесшумно исчезла.

Друзья сидели долго, вспоминая своё флотское былое, настоящее и строя планы на будущее. Наступила ночь. Тревожась, несколько раз звонила жена Владимира. Но теперь сдвинуть его с места было невозможно.

Около полуночи сильно пьяные и безмерно счастливые друзья стали прощаться.

– Володенька, через три с половиной часа я взлетаю. Ехать до аэропорта часа два. Ну и там... Встречаемся через неделю здесь, а потом едем дня на три к тебе. Не забудь захватить с собой водителей. И звони. О! Пришла гениальная мысль. Новый год встречаем на Красной площади! Как тебе такое предложение?

– Гениально! Принимается, – Пономаренко сильно качнуло.

– Дружище, а вы набрались, однако. Мы тебя сопроводим до поворота, а уж там сам, аккуратненько. Смотри, за рулём не усни. Жанна Васильевна, принесите ему пару бутылочек «Нарзана». Держи, брат! В пути незаменимая вещь. С полицией не бузи. Давай, Вова, обнимемся – и в путь-дорожку.

3

Доехав до развилки, друзья вновь обменялись рукопожатием и выпили «на коня».

Владимир неспешно продолжил свой путь.

Дорога была пуста. Изредка попадались машины, и те ехали в том же направлении.

Перед поворотом он остановился, вышел из машины и жадно выпил воду. Теперь надо было аккуратненько миновать пост ГИБДД и оживлённый перекрёсток, а там три километра – и дом. Дежурили здесь всегда городские. Откуда им знать почти знаменитого человека этих мест? Эх, если бы свои...

Владимир включил первую скорость и, управляя рулём через открытое окно, медленно пошёл рядом с еле ползущей, как черепаха, машиной.

Из будки вышел капитан, представился, потребовал у Владимира документы.

– Что произошло? – спросил он.

– Что-то с мотором... Завтра разберёмся, – выдохнул потный Владимир в сторону капитана.

– О-о-о-о... Так мы пьяны... Ещё и за рулём. Будем составлять протокольчик! Машину катим к стояночке.

– Да, пьян. И что? Я еду? Я машину толкаю. Какой протокол?

– Действительно. И не придерёшься. Откуда путь держим?

Владимир назвал ближайшее село. Он чувствовал, что начинает трезветь.

– На дне рождения у кума был. Думал, заночую. Позвонила жена. Коровка растелилась. Просила срочно приехать. А машина, вот... – и он пнул ногой колесо.

– Далеко ещё?..

– Три километра...

– Если не спешить, к утру успеешь, – засмеялся капитан. – Может, у нас оставишь машину, а сам пешком?.. Завтра заберёшь.

– Не могу. На неделю уезжаю в Пензу. Кого я сейчас найду, кому доверенность напишу?.. А тягач придёт, вы что, её отдадите без меня?

– Трезво мыслишь. Ну, давай, толкай дальше, – капитан пошёл в домик.

– Спасибо.

Владимир продолжил свой нелёгкий путь.

«Фу, пронесло! – радостно подумал он. – Сейчас через пару сотен метров поворот... И поминай как звали!» – он облегчённо закурил.

До спасительного зигзага удачи оставалось метров десять, когда позади послышался рокот мотоцикла.

«Кто-то едет. Может, наши? – обрадованно повернулся Пономаренко и ахнул – сзади его догонял милиционер. – Блин... Вот это непруха...» – он выругался.

– Ну что, джигит, не уморился ещё? Начальник послал сопроводить тебя. Машина крутая, дураков в наше время хватает... Короче, я выделен для охраны. Но сам понимаешь, такие вещи бесплатно не делаются. Бензин, амортизация...

– Сколько? – Владимир закурил, протянул пачку сержанту.

– Пять тысяч, – не моргнув глазом произнёс тот.

– Даю десять, но еду сам.

Сержант ненадолго задумался. Перспектива наживы вскружила голову.

– Двенадцать.

– Не возражаю. Держи! – Владимир достал кошелёк и отсчитал деньги.

– Только я до дома сопровождать буду.

– Решение мудрое и самое главное – правильное.

Через двадцать минут они подъезжали к Володиному двору. Сержант посигналил, развернулся и поехал обратно, а Владимир, оставив машину на улице, забрался на сеновал и, упав в пьянящий настой сена, мертвецки уснул.

Сегодняшний день для него был богат непредвиденными обстоятельствами, радостными и не очень. Эта последняя мысль озарила его лицо лучезарной улыбкой.

СЮРПРИЗЫ ЖИЗНИ

Нас постоянно заверяют в том, что жизнь время от времени преподносит свои сюрпризы. Причём не всегда приятные.

Может быть. Спорить не буду.

Но несмотря ни на что, мы продолжаем учиться на собственных ошибках. Уж так, наверное, устроены. Не можем обойти или поднять грабли. Обязательно должны на них наступить.

А ведь наш народ подмечал, фиксировал и предупреждал о последствиях. Против его мудрости и прозорливости разве надлежит перечить?

Ну кто что-либо может сказать против такой аксиомы, как: «Семь раз отмерь, один раз отрежь», «Любишь кататься, люби и саночки возить» или «Сделал дело – гуляй смело»?

Никто. На себе испробовали. И нам советовали. А нам – «Хоть об стенку горох!»

Стояла испепеляющая жара. И это в конце весны. В огороде всё сохло буквально на глазах. Несчастливая рассада к вечеру бездыханно валилась на землю, моля о пощаде.

И что делать? Надо спасать! Иначе зимой ни огурцов, ни помидоров, ни перца, ни картошки... Ничего.

А на рынке всё дорого, так что и купить не сможешь. Слишком мала зарплата у сельского жителя, чтобы по рынкам расхаживать. Ещё и одеться надо, и обуться.

А дети... Растут как на дрожжах. Не успеешь глазом моргнуть, как в рубашку не влезают и ботинки малы...

А коммунальные услуги...

Рынок предназначен для городского жителя, а селянин вспоминает о нём лишь перед Новым годом да Рождеством.

Вениамин сегодня целый Божий день крутил баранку по нашим непростым дорогам и шёл домой с мыслью хоть на полчаса принять горизонтальное положение, прекрасно понимая, что это положение он примет ближе к полуночи. Как хорошо, что завтра выходной! Можно подольше поспать.

Хозяйство большое и требует к себе постоянного внимания. Иначе все и всё повымирает.

Жена – сельская учительница. Её главная задача – обучение подрастающего поколения. Всё остальное как бы прилагается.

Сейчас она сидела над огромной стопкой тетрадей, которые к утру должны быть проверены. И так каждый день.

Ещё она чрезвычайно любила руководить, иногда даже очень и очень громко, создавая не совсем здоровую обстановку в семье.

Надо заметить, что у учительниц словесности не должно быть семьи. Их профессия к этому не располагает. В доме они могут быть лишь надсмотрщиками или палачами. И не больше. С такими данными эти обязанности им бы оченьгодились во времена инквизиции.

Вениамин вошёл в дом. Супруга сидела на кухне за столом и, сосредоточенно выпятив вперёд пухлые губы, усердно проверяла творения своих учеников.

– Вень, – произнесла Валентина не поднимая головы, – сходи заberi Тишу из садика. Я не смогла, много работы. Курам нарви травки, у свиней почистить надо. И не забудь покормить их. Воды всем налей. Сегодня полить надо. Сам видишь, какая сушь на дворе. Не стой истуканом. Иди, работай и не мешай мне. У меня и без тебя голова кру́гом.

Вопросов об усталости супруга, не голоден ли он, даже не возникло.

Вениамин молча вышел во двор, устало опустился в кресло, что стояло под грецким орехом, и, вытянув натруженные ноги, перекурил. Потом резко встал, матюгнувшись и не торопясь пошёл за сыном в садик. Жизнь во всех её проявлениях, несмотря ни на что, продолжалась. Но краски сегодня в ней были совсем даже не радужные.

Забрав сына, он по дороге выпил бутылку пива и направился домой, где предстояло кормить, поить, чистить и делать всё, что свойственно каждому сельскому жителю. А чтобы ребёнок не путался под ногами, он сунул его в загон для кур.

Жена не могла сидеть просто так. Периодически выглядывая во двор, она ревностно следила за работой мужа, давая ему ценные указания.

Начало смеркаться, когда Веня вошёл в дом.

– Управился? – поинтересовалась супруга.

– Управился. Сегодня кормить меня будут или перед сном воды попить?

– Макароны на плите, разогрей и ешь. Под чайником зажги... И поставь сразу ведро греть, Тимофея купать будем.

Но только Вениамин положил себе в тарелку макароны, как последовал очередной вопрос:

– Ты огород уже полил?

– Утром пораньше встану и полью. Сегодня устал. Сил больше никаких нет.

– О каком утре ты говоришь? Завтра тебя пушкой не разбудишь. Поставь брызгалку, пусть пару часов пополивает. Спать ложиться будем – выключишь.

Зло бросив тарелку на стол, он пошёл к двери.

– Что за психи, Вениамин? У соседа учись. Он взял и полил без лишних разговоров. Тарелки швыряет... В больницу сходи, успокоительного попей, полегчает. Как видишь, я пиво не пью и в компьютер не играю. Ты на картошку смотрел? Или продолжаем врон считать? На ней уже листьев нет. Всё жук сожрал, личинки от сытости висят, как помидоры, – супруга, забыв о непроверенных сочинениях, раскалялась не на шутку. – Зима придёт, только жрать и давай. А нечего будет. Мы летом курили и пиво пили... Иди,

поливай, с голоду не подохнешь. Работничек!.. – и она бросила ему в спину пару слов из ненормативной лексики. – А ты чего стоишь, глазами лупаешь? – повернулась она к сыну. – Снимай штаны! Ты разве не чувствуешь, что они совсем промокли? Всё я должна делать, за всем следить!..

Вениамин, скрипя зубами от досады и лютого голода, вышел во двор. На безоблачном небосклоне висела огромная Луна, освещающая серебристым светом свою вечную спутницу – Землю.

Снова закурив, Веня достал из гаража шланг и растянул его. Приладив к концу распылитель, воткнул в центре огорода длинный кол и привязал к нему это нехитрое сооружение. Давление воды для полива оказалось очень слабым. Чтобы достичь хоть малого успеха и угодить беспокойной жене, он через переходник рядом поставил второй кол с распылителем.

Включив воду, Вениамин с чистой совестью пошёл домой. Наскоро поев и помыв ребёнка, он лёг в кровать. Ноги гудели, спину ломило. Он нежно прижал к себе сына и мгновенно уснул.

Жена, сгорбившись над столом, продолжала проверять сочинения у светлого будущего страны, отделяя горе от ума и ум от горя.

Веня сквозь крепкий сон почувствовал, как супруга перенесла сына, а потом, что-то бурча себе под нос, легла рядом, и у его уха мгновенно раздался её богатырский храп. Больше он ничего не слышал. Бог сновидений Морфей погрузил его в своё сказочное царство.

Солнце ещё даже не собиралось показываться из-за горизонта, когда село пробудилось от истощающего женского крика, рвущегося из глубины души. Так волчица оплакивает гибель своих детей, так голосили японские женщины после взрыва атомных бомб в Хиросиме и Нагасаки, так орёт ревун на корабле... Затем в ход пошли слова, доставшиеся нам в наследство от татаро-монгольских завоевателей.

Народ в чём был начал выбегать из домов, спрашивая друг друга, что произошло. Страдающие сердечными заболеваниями сосали валидол. Жуть, страх и пугающая неизвестность витали вокруг. Все спешили туда, откуда доносились эти мученические крики.

Картина, представшая односельчанам, не являла ничего красочного. Посреди огорода, залитого сплошь водой, в ночной рубашке бронзового цвета, по колено в воде, в кровавых лучах только что выглянувшего солнца, стояла их учительница Валентина Викторовна и рыдала, выдыхая в атмосферу слова, далёкие от литературных. Рядом с ней в тёмных, не первой стирки и свежести трусах, слегка обнажающих коленные чашечки, стоял Вениамин, низко склонив голову. Он нервно сучил ногами, создавая под собой бурун из грязи и воды. Невдалеке от них весело плескался их трёхлетний сын Тимофей, до которого в настоящее время никому не было дела. Вся их рассада теперь покоилась на дне этого искусственного водоёма.

Мы всегда стараемся всё сделать лучше, но получается, как всегда. Как выяснилось, Вениамин в надежде, что за час-полтора огород насытится влагой, напрочь забыл выключить воду. Ночью сильный напор воды вырвал распылители из шлангов и она мощным потоком хлынула на огород, находящийся в низине, и вскоре покрыла его собой.

Под утро жена проснулась от естественной потребности сходить в туалет. Ёжась от утренней прохлады, Валентина вышла на улицу. Было ещё темно. Её внимание привлек непонятный шум воды в огороде. Подойдя ближе, почувствовала, как сердце ушло в пятки, кровь прилила к голове, а из глотки вырвался вой человеческого огорчения и страдания. Стало ясно, что урожая в этом году не предвидится.

В толпе любопытных кто-то залился весёлым смехом. Но его тут же одёрнули. Каждый сердцем понимал горе этой семьи.

Расходились тихо и по одному.

Вскоре Валентина с Вениамином развелись. Наверное, в их жизни это была последняя капля, разрушившая до основания плотину семейной жизни.

Он уехал к матери, а она, уволившись из школы, собрала скудные пожитки, заперла дом и укатила к сестре в город. Больше её в селе не видели. Говорят, вышла замуж и уехала с новым мужем на север за длинным рублём.

А в её доме поселились новые жильцы.

ПРО ДЕВОЧКУ ОЛЮ

Девочка Оля, пучеглазое, настырное, вечно всем недовольное создание с жёсткими, торчащими во все стороны волосами и вечно закушенной верхней губой, готовилась к своему выпускному дню из детского садика. Для неё это был самый светлый и желанный праздник, отчего она в последнее время пребывала в приподнятом настроении.

Надо сказать, что детский сад Ольга люто ненавидела.

Во-первых, потому, что там каждое утро давали манную кашу и кипячёное молоко, которое вызывало у неё рвотный рефлекс. Кашу она кое-как съедала, а молоко выливала в фикус, стоящий рядом с её столиком. Когда это замечали, она тут же отправлялась в угол за занавеску, а все остальные дети шли играть.

Но и тут Оля находила себе занятие по душе. На занавеске, по краям которой шли большие кисти, она, закусив до крови губу, с остервенением вязала узлы, которые развязать было уже невозможно.

Чтобы не стоять в этом ненавистном ей углу, она и с молоком быстро решила проблему. Рядом с ней сидел упитанный и очень

добрый мальчик Вася Каниболоцкий. Он всё всегда кушал с аппетитом и даже иногда просил добавки. Девочка сразу это заметила. Во время прогулки она подошла к нему и поставила вопрос ребром. Утром он должен сразу выпить её стакан молока, а потом уже свой. В противном случае она его побьёт.

Вася и не противился. Быть побитым, да ещё и Ольгой, не входило в его планы. Узлы на шторах стали вязаться всё реже и реже.

А ещё Оля не любила воспитательницу Валентину Фёдоровну, женщину огромных размеров, которая чаще всех наказывала её за постоянное непослушание. Но и девчушка не оставалась в долгу и беспощадно мстила Валентине Фёдоровне, как мстят дети своим обидчикам.

После обеда наступал тихий час и послушные дети погружались в сладкий сон. Ольга же не спала, ждала момента, когда уснёт Валентина Фёдоровна.

Когда щёки воспитательницы расплзались по подушке, а челюсти раздвигались во всю ширь, в комнате раздавался душераздирающий храп. Вредная девочка тихонечко вставала, ловила в столовой муху, отрывала ей одно крыло и, подкравшись на цыпочках, мастерски бросала её в широко раскрытый, клокочущий рот. Через пару секунд она уже лежала в постели, притворившись крепко спящей.

Валентина вскакивала, хрипела, хрюкала, плевалась во все стороны и жутко материлась.

А строптивую девочку в это время давил смех, от которого кровать ходила ходуном.

Разъярённая Валентина Фёдоровна срывала с воспитанницы одеяло, давала увесистый шлепок по заднице и тащила за руку в чулан, где Ольга сидела в полной темноте с пауками, тряпками и ведрами до самого полдника.

Очень часто после завтрака, когда детей выводили гулять, Оля пролезала под воротами, отчего трусы превращались из белых в грязно-серые, и уверенным, но быстрым шагом направлялась к прабабушке.

Бабушка была очень старенькой, и приход правнучки её очень радовал.

– Ты чего ко мне так рано пришла, внученька? Аль что случилось? – спрашивала старушка.

– Карантин, бабушка.

– Какой ещё карантин? – не понимала она.

– Мясо вчера забыли убрать в холодильник, оно и провоняло. Конюха в милицию забрали.

– Что ты мелешь? При чём здесь конюх? Разве он мясом занимается у вас в детском саду?

– Бабушка, как ты не понимаешь, он не он, а кого-то надо было забрать, его и повязали.

– Господи, спаси и сохрани, – крестилась бабка Меланья, – кругом одна несправедливость и беда. И везде, паразиты, крайнего найдут.

– Бабушка, если меня здесь будут искать, скажи, что я не приходила сегодня.

– Хорошо, внученька. Вон твоя коробка с тряпками, а ножницы и иголки с нитками в комод. Достанешь сама или помочь? А я пошла стирать.

– Достану, бабушка. Ты занимайся своими делами и на меня не обращай внимания.

– А ты кушать не хочешь? А то я себе манную кашку сварила. Вкусная получилась.

– Не хочу. Конфет у тебя нет?

– Есть мармеладки. Будешь?

– Буду. Неси.

Ольга высыпала из коробки на пол разноцветные лоскутки и начинала кроить и шить куклам платья.

В доме стояла гробовая тишина. Бабушка, занявшись своими делами, напрочь забывала о правнучке, а Оле этого и надо было.

А в это время все работники детского сада носились по селу в поисках пропавшего ребёнка.

Наступал вечер, и приходила грозная мать. Она нещадно бранила дочь и волокла домой, где ставила её в угол за занавеску, на которой тоже начинали появляться узлы.

Когда возвращался отец, а Ольга была его любимицей, наказание отменялось, все садились за стол и начинали ужинать. Стар-

ший брат Славик, ему уже исполнилось одиннадцать лет, несколько раз пытался рассказать о новых приключениях сестры, но каждый раз получал от неё щипок за мягкое место.

После ужина отец доставал баян и начинал играть.

– Ольша, – говорил он, – пляши!

И та весело плясала, тряся непослушными волосиками, одну руку поставив на бок, а другой оттянув подол платья.

Наконец объявили, что через полторы недели, в субботу, старшая группа будет выпускаться из детского сада. По этому случаю планируется концерт, который начнут разучивать и готовить уже сегодня. В день выпуска все должны прийти с родителями, подстриженные, красивые, с букетами цветов для воспитателей, нянь, поваров и остальных, кому захотят вручить. И ещё надо сдать деньги, один рубль и двадцать копеек, на альбом и индивидуальную фотографию. Придёт фотограф и будет всех фотографировать.

Для этого торжественного дня мама пошила Ольге очень длинное, как у монашенки, с перспективой на несколько лет, коричневое вельветовое платье с двумя просто огромными пуговицами на груди.

Платье сразу не понравилось Оле, но с ним она решила расправиться позже. С матерью по этому поводу спорить бессмысленно.

За день до торжественного дня мать, уходя на работу, строго предупредила Ольгу, чтоб та никуда не исчезала. Она отпросится с работы, и они пойдут в парикмахерскую.

Затея с парикмахерской не вызвала бурного восторга в мятежном мозгу Оли. Конечно, ей хотелось быть самой красивой в группе. И чтобы все без исключения мальчишки глядели только на неё. А что в этой парикмахерской? Подстригут под «болванчика» – и страдай всю жизнь. Потом ничего не отрастёт и в школу такой страхолудиной идти надо. А в школе Ольга очень хотела учиться.

В тот день она проснулась рано, слышала мамину возню на кухне и в прихожей, но вида не подавала, что проснулась. Наконец всё затихло. Дождавшись, пока Славка тоже уйдёт на улицу, она тихонечко встала, сбегала в туалет и, быстро одевшись, помчалась к бабушке. Оля за ночь продумала всё. Чтобы выглядеть потрясающе красивой, она сделает причёску себе сама! В этом ничего сложного нет. Красоту ничем нельзя испортить!

– Внученька, что опять у вас произошло? – встревоженно спросила бабушка. – На тебе лица нет.

– Бабушка, ничего не произошло. У нас перегорел свет. Завтрак переносится на обед. Свари мне лучше два яйца, а всё остальное я сама сделаю.

– Шас, Ольша, я тебе яичницу с колбаской сделаю и хлебушек маслицем помажу. Будешь?

– Буду.

Наскоро позавтракав, Ольга намочила волосы, сунув голову в ведро, и пошла в зал.

– Внучка, ты что это собралась делать?

– Бабушка, не приставай, потом покажу.

Она вошла в зал и заперлась. Взяв расчёску, большие портняжные ножницы, Ольга села близко к встроенному в шифоньер зеркалу, закусила верхнюю губу и приступила к наведению невероятной красоты.

Сначала расчёской она подняла вверх все свои волосы и стала их безжалостно кромсать. Сзади, хотя это и было сложно, кое-что выстричь она всё-таки успела.

Оглядев себя со всех сторон и оставшись довольной, Ольга в приподнятом настроении вышла в кухню.

– Как я тебе, бабушка? – спросила она, поворачиваясь в разные стороны.

Бабушка как стояла, так и села на сундук, вытирая краешком платка выступившие слёзы.

«Значит, понравилось», – подумала Ольга, направляясь к выходу.

– Бабушка, я волосы в зале не убрала. Подмети, пожалуйста, – и она вышла на улицу.

– Ольга! – увидев её, заорали пацаны, игравшие в футбол. – Вставай на ворота! Мы уже 2:0 проигрываем.

Придя под вечер домой, вся в пыли и грязи, с ссадинами на коленях и локтях, Ольга походила на беспризорного мальчугана в рваном девичьем платье.

Мать просто потеряла дар речи. Потом её будто прорвало:

– Что ты с собой сделала, ведьмина дочь? На кого ты теперь похожа? Завтра же фотографироваться. Или ты про это забыла?

Что с башкой своей дурной натворила? Я тебя сейчас побрею наголо! Раздевайся, мыть буду, замарашка. И в кого ты такая упрямая удалась?

Ольга стояла и бесчувственно смотрела на мать. Она только громко всхлипывала, сдерживая подступающие рыдания.

Вымыв дочь, мать посадила её на табурет и принялась ровнять волосы, хотя ровнять там было уже нечего.

Утром мать, крепко держа «ведьмину» дочь за руку, быстрым шагом направлялась в сторону детского сада. Во второй руке она несла наскоро сорванный букет. За ней в парадном вельветовом платье с двумя гигантскими пуговицами и огромным белым бантом, сползающим с головы (ему не за что было зацепиться), семенила сказочно «красивая» девочка с закушенной верхней губой. Огромный белый бант у неё валялся на левом плече. Свободной рукой Оля молча и сосредоточенно крутила пуговицу, которая очень скоро отвалилась. Оставалась еще вторая.

Мать насторожило непривычное спокойствие дочери. Она взглянула на неё и ахнула: на месте пуговицы на платье зияла большая дыра.

Получив затрещину, дочь засопела и уже была готова расплакаться, но быстро передумала, так как они входили в двери детского сада, украшенные воздушными шарами. Не сдержавшись, Оля ткнула пальцем в шар, который сразу лопнул. Вырвав свою руку из руки матери, она сразу убежала в группу.

Когда родители угомонились и расселись на стульях, начался праздничный концерт, посвящённый проводам дорогих чад в новую, школьную жизнь.

На Олю было жалко смотреть. Кто-то перевязал её бант на затылке так туго, что, наверное, захватил и кожу, отчего её голубые глаза оказались на лбу.

Песни чередовались стихами и танцами.

Девочка активно участвовала во всех номерах волнующей программы. Но она ни на секунду не забывала о пуговице. И вскоре на её месте появилась новая дыра.

Мать ничегошеньки не понимала, что происходит на сцене. Всё её внимание было приковано к платью дочери, и когда последняя

пуговица на нём исчезла, образовав вторую дыру, она тяжело застонала и уронила горькую слезу.

Праздник подошёл к концу. Дети стали дарить цветы своим воспитателям и нянечкам.

Оля же преподнесла букет электрику, который к такому вниманию явно не был готов и очень растрогался.

– Спасибо тебе, дочка, – дрожащим голосом вымолвил он.

– А ещё, дядя Миша, вот тебе пуговица.

– Зачем? – спросил он недоумённо.

– К брюкам пришьёшь. Ширинка у тебя вечно расстёгнута.

Дядя Миша покраснел, швырнул в сторону подарок и пошёл пить водку.

– Дети, а сейчас, как я вам и обещала, – объявила заведующая детским садом, ошарашенная происшедшим, – будем фотографироваться. Для групповой фотографии девочки садятся на скамеечку, мальчики становятся сзади, а за ними работники сада. Альбомы будем вручать в школе, на линейке, первого сентября.

Потом стали фотографировать каждого персонально.

Чтобы не стоять в очереди, Ольга растолкала всех и первая села на стул.

Фотограф внимательно посмотрел на девочку.

– Дайте ей кто-нибудь букет, надо закрыть дыры на платье. А то нехорошо получится.

Мать этого уже не слышала. Такого позора вынести она не могла и ушла домой.

– Скажи мне быстро, я тебе нравлюсь? – строго спросила Оля после фотографирования у Олега Борисенко.

– Очень, – прошепелявил тот беззубым ртом, понимая, что при другом ответе может получить кулаком в нос.

– Это правильный очень ответ, – по-взрослому ответила довольная Ольга.

Домой она пришла только под вечер вместе с отцом, которого поджидала на дороге. Так было безопасней.

– Ваня! Ты посмотри, что твоя любимица натворила с новым платьем! Она пуговицы с мясом вырвала.

– Я это платье больше носить не буду или в школу не пойду, – дочь сорвала его с себя и швырнула под кровать.

– Не нравится, дочка, не носи. К школе я тебе другое куплю. Ну и это так бросать не надо. По двору будешь в нём ходить, в огороде... Не голой же... А мама сделает красивые цветочки, пришьёт их на дырочки. Договорились?

– Договорились, папочка.

– Сейчас моем руки и садимся ужинать, а потом спляшем. Причёска, Ольша, у тебя козырная. Давно такой красоты не видел, – расхохотался он.

– А чего тогда смеёшься?

– От счастья, дочь, что ты у меня есть. И Славик тоже есть. Правда, сын?

В школу Ольга пошла в новой коричневой форме с белоснежным передником и чёрным ранцем, но её волосы ещё не отросли и продолжали торчать во все стороны. Вскоре с помощью парикмахера и они сравнялись.

Здесь она быстро стала лидером. Её боялись не только в классе, но и в школе, и даже некоторые учителя, хотя училась Оля хорошо, подводило только поведение.

В классе она тоже не пила молоко, быстро решив, что толстушке Ленке Сметаненко оно необходимо больше для поддержания фигуры. И та не сопротивлялась, зная, что бесполезно возражать подруге.

Стремглав летели дни. Ольга торопилась жить и наслаждаться этой жизнью. Она знала – где-то рядом её ждет взрослая жизнь. Но не спешила в неё вступать, зная, чем веселее ты живёшь, тем позже она к тебе придёт.

А время неумолимо бежало вперёд. Не успела оглянуться, как за окном уже октябрь вьюжит, снега нет, но речка давно подо льдом скрыта. Скоро долгожданные первые каникулы, когда можно будет погулять от души, лишь бы снег выпал. Или, как заявил папа: «Дать стране угля!» Ещё он часто говорил, что девиз сталеваров – «Наша сила в плавках», а у лесорубов – «Дадим дуба раньше срака».

Мама со Славиком смеялись, а она не понимала смысла сказанного и сердцем чувствовала, что Славка тоже этого не понимает, но выпендривается, хочет показать себя взрослым.

Можно, к примеру, дать раньше срока липу или, скажем, клён. Нет, этот Славик явно неполноценный. Она презирала подхалимов и таких, как он, недоразвитых.

Уроки уже заканчивались и все стали собираться домой, как в класс ввалилась пионервожатая, рыжая, конопатая, курносая и картавящая Алевтина Станиславовна. Язык сломаешь, пока выговоришь. Ещё она крутила шашни с учителем труда. А у этого трудовика всегда нос красный и прыщавый. Так и хочется по этому носу кулачищем съездить...

Короче, пионервожатая объявила, что завтра их класс на школьной линейке будут принимать в октябрята. Всем надо прийти пораньше, чистыми и красивыми. Из класса никуда не отлучаться, линейка может начаться в любую минуту. И ушла, больше ничего толком не объяснив.

Ольга, разумеется, знала, что скоро станет октябрёнком, но чтобы завтра...

Вечер Оля ждала с нетерпением. Наконец с работы вернулась мама и началась настоящая подготовка. Всё мылось, чистилось, стиралось и гладилось, а потом то же самое повторялось вновь, только в обратном порядке, ибо девочке это ничего не нравилось.

К полуночи обессиленная мать в изнеможении рухнула на диван – и через секунду раздался её богатырский храп.

Утром Ольга проснулась ни свет ни заря и... стала собираться в школу.

Вскочила как ошпаренная мать. Проспала! Взглянув на часы, она высказала Ольге всё, что думала о ней, пионервожатой, октябрятах, велела не морочить голову, а раздеться и лечь спать.

– Пионервожатая сказала, что прийти нужно пораньше.

– Ну не в шесть же утра!

– Может, и в шесть, – промолвила Ольга, запихивая верхнюю губу в рот, что не предвещало ничего хорошего.

– Делай что хочешь, бестолочь!

Поняв, что о сне и покое можно лишь мечтать, рассерженная мать пошла кормить скотину, а заодно и готовить завтрак.

– Дура конопатая! – вспоминала Ольга пионервожатую, натягивая белые колготки и новое красивое платье. – Ничего конкретного не сказала, только взбаламутила всех... Прийти пораньше, из класса не выходить...А во сколько пораньше?.. Может, уже все пришли, а я тут копошусь как клуша...

Выпив стакан холодной воды, она быстро повязала розовый бант, надела тёплую шапку, пальто, валенки и, замотавшись шарфом, смело вышла на улицу, где не на шутку разыгралась метель. Переполненная счастьем, но и с тревогой на душе, она помчалась в школу, даже забыв сходить в туалет.

– Куда так рано, чумная? – прокричала вслед мать.

Но на такие замечания, унижающие человеческое достоинство, Ольга уже не реагировала.

Школа была закрыта.

Минут через сорок появилась техничка.

– Ты чего, дочка, так рано? Случилось что, аль часы встали?

– Сегодня в октябрюта принимают. Сказали прийти пораньше, а во сколько «пораньше», не уточнили.

– С утра, что ли, принимают? Я такого и не помню. Отродясь не было. Ты что-то перепутала.

– Пионервожатая ваша, рыжая, так сказала: «Прийти пораньше». Вот я и пришла.

– Дурочка какая! – поддержала её техничка. – У неё одни гульки на уме. Ничего толком на объяснит детям... На всё, Господи, воля твоя. Заходи в школу. Не дай Бог замёрзнешь и простынешь. А я сейчас протоплю, тепло будет, а уж потом полы протру. Чисто и тепло должно быть. Ты со мной согласна? Потом и учителя с учениками приходите начнут... Как тебя зовут?

– Оля.

– Не Черемисиных дочь?

– Их.

– А я гляжу – похожа. Ты вот что, Олечка, чтоб не пачкаться здесь, иди в класс, включай свет и читай что-нибудь. Вон как вырядилась сегодня... Чистая принцесса.

От гордости губа Ольги непроизвольно заползла в рот. Она довольно хмыкнула.

– А как испачкаешься, враз в чуму превратишься.

Девочка не знала, что такое чума, но в её представлении это было что-то грязное и страшное.

Через полчаса стали появляться первые ученики. Потом начались уроки. О приёме в октябрята все как бы и забыли.

Оля в этот день вела себя исключительно примерно, сидела тихо, никого не трогала и даже на переменах никуда из класса не выходила.

Всё шло своим чередом. Заканчивался предпоследний урок по математике.

– Забыли о нас, – погрустнела Ольга. – А я так ждала этого дня! Может, приняли решение перенести срок приёма?

Прозвенел звонок. Нервы уже готовы были порваться в клочья, как дверь раскрылась и вновь влетела Алевтина Станиславовна.

– Здравствуйте, дети! Сейчас друженько идём в спортивный зал, где будем принимать вас в октябрята. Вы готовы?

От такой ошеломляющей вести Оле сразу захотелось пisać.

– Да! – закричали радостные дети.

– Тогда выходим в коридор, берём друг друга за руки и следуем за мной. Вещи оставляем в классе. Мы сюда ещё вернёмся.

Ольга с презрением взяла потную и скользкую руку Сметаненко и потянула за собой.

– Шевелись, корова, – прошептала она ей.

В спортзале построилась вся школа.

Сначала выступил директор, перечислил тех, кто «тянет школу назад», похвалил отличников и отметил, что в этом году хорошо поработали по озеленению парка. И всё равно район нашими показателями не доволен.

Его сменила завуч. Она продолжила актуальную тему. Одних хвалила, других ругала... А в конце добавила, что передовики и отличники на летних каникулах поедут на двухдневную экскурсию в районный центр.

Все закричали «Ура», закричала и Ольга, ещё не осознавая, что в её руке знамени передовика учёбы пока нет.

– Семь лет учусь, и семь лет в этот районный центр ездим. Неужели нет других мест? Нашли пуп Земли!

– Пилипенко, коль не нравится, не поедешь.

– Конечно, не поеду. Я там уже раз пять был. Лучше дома посплю. Больше пользы.

– Может, и другие хотят поспать?

– Мария Николаевна, а правда, почему один центр? Разве нет других мест? Давайте поедем ещё куда-нибудь. Хоть в лес или на озеро. Там и чище, и канализация не течёт. Наш районный центр по грязи и антисанитарии можно смело сравнивать с городской мусорной свалкой, – раздался звонкий девичий голос из рядов старшеклассников.

– Анисимова! Я попросила бы тебя выбирать выражения, тем более здесь. Мы с тобой ещё поговорим. Сегодня у нас более приятное мероприятие, учеников первого класса мы принимаем в октябрюта. Слово предоставляется нашей пионервожатой Герасименко Алевтине Станиславовне. Поприветствуем её.

Все захлопали.

Герасименко, высоко подняв грудь, строевым шагом вышла на середину зала.

– Дорогие ребята! Сегодня у вас знаменательный день! Сейчас вас примут в октябрюта и на грудь прикрепят звёздочку с изображением Вождя мирового пролетариата. Это накладывает на вас дополнительную ответственность как в поведении, так и в учёбе. Теперь вы должны помогать отстающим, инвалидам войны и труда, активно участвовать в жизни и деятельности школы. Вы обязаны быть примером во всём и везде. Ведь октябрёнок – будущий пионер! А в недалёком будущем – и комсомолец. Надеюсь, это все понимают?

Вопросов не было.

– А прикрепить значки мы поручили нашим лучшим ученикам школы, пионерам, отличникам учёбы и активистам: Люде Трофимовой, Саше Милько и Кате Щербине. Я буду зачитывать фамилию, вы выходите из строя – и вам приколют значок. А теперь внимание... – и она принялась быстро называть фамилии учеников первого класса.

Оля нервничала, её фамилия была последней, а вдруг закончат раньше и закончатся значки, тогда скажут, что остальных будут принимать в следующий раз. К такому повороту событий она была явно не готова.

Очередь двигалась быстро, счастливицы уже стояли со значками на левой груди.

– Черемисина, – прочитала пионервожатая.

Ей показалось, что она ослышалась.

– Черемисина есть?

И тут Ольга мгновенно успокоилась, совершенно расслабилась и непроизвольно начала писать в белые, купленные в городе колготки.

– Есть! – крикнула она, продолжая совершать противозаконное действие.

– Подойдите сами к ней, а то линейка явно затянулась, – поучительно сказал директор. – От всего педагогического коллектива поздравляю вас с принятием в октябрюта. Линейку считаю закрытой. Уроков сегодня больше не будет. Поэтому можете идти домой. Разойдись!

Когда все пошли на выход, Ольга спряталась за угол. На том месте, где она стояла, блестела огромная лужа.

Она быстро сняла с себя колготки, трусы и запихнула их под физкультурный мат.

Из школы Оля вышла последней. Случившееся с ней было не только трагедией, но и моральным крахом, потерей главенствующих принципов. Такого допустить она не могла. Девочка опрометью бросилась домой.

О колготках мать вспомнила лишь перед Первомайскими праздниками.

– Я их не видела, – твёрдо ответила Оля.

– Но они же не могли сами исчезнуть?

– Мама, неужели я их украла?

К этому неразрешимому вопросу они больше не возвращались. Миновало за летом лето.

Ольга была уже в четвёртом классе, когда отцу пришла телеграмма из Молдавии, где чёрным по белому было написано, что их

через две недели приглашают на свадьбу. Выходила замуж папина племянница.

– Надо заявление об отгулах в контору писать, дней на пять. А чего на пять? На неделю минимум. Туда три дня, обратно три дня, там тоже три и день на опохмелку.

– Папа, а я поеду? – втянула верхнюю губу Ольга.

– Дочь! Какой странный вопрос ты мне сейчас задаёшь. Без тебя никакой свадьбы быть не может! И в школу напишем бумажку. Скоро ты свою губу так рассосёшь, что в цирк пойдёшь работать. Вот народ посмеётся!

Ольга быстро освободила губу.

– Я больше так делать не буду. А Славка поедет?

– Он что, рыжий? И Славика возьмём.

– Хорошо, – она облегчённо вздохнула.

Сам процесс бракосочетания её мало прельщал. Ну пришли, ну расписались, кольца друг на друга надели, шампанского выпили...

В этом событии её интересовали всего несколько моментов: что делают за столом, как кричат «горько», как целуются, какие тосты говорят и что дарят. Ещё хотелось, конечно, побыть ряжейной. Мамка для этих целей обещала пошить цыганский костюм.

– Мам, а у них первая брачная ночь будет?

– Будет. А тебе зачем знать?

– Посмотреть хочу. Интересно же, что это такое.

– Что она хочет? – не расслышал отец.

– Первую брачную ночь посмотреть.

Отец снова засмеялся.

– Оляша, это все хотят посмотреть, но можно только круглым отличникам, – и он опять захохотал.

– Жаль, – вздохнула Оля.

Во дворе, где происходил свадебный пир, стояло пять огромных столов. Всех родственников посадили за центральный стол с женихом и невестой.

Ольга сидела по правую руку от матери, а Славик – по левую от отца.

Вначале Олю интересовало всё: и то, что лежало на столе, и лёгкое молдавское вино вместо воды, и крики «горько», и долгие

поцелуи... Но вскоре ей это надоело. Её внимание привлекла полноватая женщина средних лет, что сидела напротив неё. Говорили, что это родственница со стороны жениха, чуть ли не тётка. Если честно – ничего привлекательного в ней не было. Но вот поведение...

Она постоянно страдальчески, но очень занимательно двигала нижней челюстью. Видно, ей мешал недавно поставленный зубной протез, причиняя неприятные ощущения. Тётя то и дело вытягивала челюсть вперед, вбирала её в себя, делала круговые движения и даже широко раскрывала рот.

Для Ольги это было забавно. Она утратила интерес к свадьбе с её «горько» и «давайте выпьем...» и стала пристально наблюдать за женщиной напротив, а потом принялась копировать все её действия и движения. Ольга так увлеклась и так синхронно всё делала, что, посмотрев со стороны, трудно было понять, кому была поставлена эта искусственная челюсть.

Вскоре женщина заметила кривляние сидящей напротив девочки с торчащими во все стороны волосами и голубыми глазами. То ли от жалости к себе, то ли от боли во рту она расплакалась и вышла из-за стола.

Мать, заподозрив причину слёз женщины, влепила Ольге затрещину и за ухо вывела на улицу, запретив появляться за столом.

Но Ольга не очень-то и расстроилась подобному. На взгорке играл магнитофон, а молодые ребята настраивали свои инструменты. Скоро должны начаться танцы.

Забыв про свадьбу, женщину с зубами и брачную ночь, Ольга весело закружилась под весёлую музыку.

Завтра она ещё себя покажет в цыганском костюме. А пока всё идёт прекрасно!

Но оставим Олины приключения. Их было так много, что для этого понадобилось бы написать отдельную книгу.

А какова была её дальнейшая жизнь?

Она её не сильно баловала. С таким воинственным характером Оля и дальше шла по ней, взлетая, падая и снова взлетая.

Иногда падая очень больно.

Но всегда и везде она была первой.

КРИМИНАЛЬНЫЙ БИЗНЕС

Баба Наташа варила самогон так профессионально, что пьёшь и пить хочется. Чистый мёд! От мужиков отбоя не было. Очередь, как в мавзолей, была нескончаемая.

А почему не выпить? Всем после рюмочки – кусочек хлебушка с солёным огурчиком или зеленью.

На вынос баба Наташа никогда не продавала и больше двухсот грамм не наливала, как ни проси.

В это утро клиентов было почему-то очень много. Бабе Наташе и в лицо посмотреть некогда, не то что спросить, какой вчера праздник был. Но очереди не было. Всё шло очень быстро. Выпил – ушёл, выпил – ушёл... Деньги сами на стол кладут, и проверять не надо.

Подходит следующий, она наливает положенные сто грамм, кладёт закусочку на блюдечко и непроизвольно поднимает вверх глаза.

Тут вся и обмерла. Перед ней стоял участковый милиционер, только без формы. Сердце упало между пупком и коленями. Холодный пот плотно осел на лбу, а в руках сразу возникла нервная дрожь. Мужиков как ветром сдуло.

Участковый положил на стол деньги, молча выпил, смачно крякнул и закусил.

– Повтори, Наталья Дмитриевна.

Та, ни слова не говоря, налила ему вторую стопку.

Он опять выпил и крякнул.

– Вот как ты его варишь? Где не пил, лучше твоего нигде нет. Теперь ему налей, – он показал на стоявшего рядом мужчину, – и тоже потом повтори.

Бабушка Наташа была ни жива ни мертва. Она, ни слова не сказав, всё сделала так, как он приказал.

Тот тоже выпил и одобрительно закивал головой.

– Спасибо, Наталья Дмитриевна, – сказал участковый, собираясь уходить.

– Леонид Михайлович, а аппарат, а протокол, а штраф...

– С сегодняшнего дня я у вас больше не работаю, перевели в другое место, а вот Сергей Витальевич, – он показал на стоящего рядом мужчину, – мой сменщик. Теперь он над вами хозяин. Но я его предупрежу, чтоб вас часто не беспокоил.

– А я обмерла вся, Леонид Михайлович, никогда так не делала, а сегодня себе позволю. Только не подумайте, что с радости, – и она налила им ещё по стопочке, а на хлеб положила два больших куска колбасы. – Присаживайтесь. Теперь долго сюда никто не придёт. И деньги заберите. Неудобно как-то.

– Выпить – выпьем, а деньги пусть идут на развитие преступного бизнеса. И ещё, Дмитриевна, коль переступила через себя один раз, переступи и другой.

– Слушаю вас, Леонид Михайлович.

– Налей нам с приятелем бутылку. После твоего самогона внутрь больше ничего не полезет.

– Для таких гостей – с радостью.

Она вышла в другую комнату и через минуту вынесла завёрнутую в газету двухлитровую пластиковую бутылку.

– О, это будет много.

– Ничего. Где двое сидят, там и пятеро поместятся.

– Спасибо большое. Ты уж, баба Наташа, меня злым словом не поминай. Работа такая. До свидания. Не хворай.

– И вас пусть беда обходит стороной. При случае заходите, милости прошу.

Они ушли, а бабушка Наташа заперла дверь, выпила тридцать капель валокордина, включила телевизор и легла на диван. Таких встреч она не любила, но и без них не могла.

– Правильно участковый сказал: «криминальный бизнес». А что поделаешь?

Она улыбнулась, легко вздохнула и спокойно задремала.

ПОРОКИ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

1

Если бы всё в мире походило одно на другое, – зачем такая жизнь? Скука одна. Вышел на улицу, а там сотни жён и десятки тёщ идут тебе навстречу. А мужчины все как один похожи друг на друга, то есть на тебя.

Вот тогда бы человечество точно вымерло. От безысходности и отчаяния.

В жизни раздражитель нужен, а тут если и есть, то однообразный, серый и тупой.

Нет гормонального всплеска!

С кем спишь, кому изменяешь?..

Ходишь от жены к жене.

И как результат – мужчины импотенты, а женщины – сплошь фригидны. Влечение друг к другу нулевое. Даже по пьянке.

Выпить не с кем. Не будешь же это делать с самим собой... А если вдруг будешь – значит, ты алкоголик. Только они пьют с зеркальным отражением. И надо идти лечиться... Опять же у самого себя.

И последнее.

Предположим, повысилась вдруг солнечная активность и тебя нестерпимо потянуло «налево». А через три дня – рези и гной в мочеиспускательном канале. Гонорея!..

И что? Где искать виновницу твоей хворобы? Может, это была на самом деле твоя жена? Или её двоюродная сестра? А ещё хуже – дама местного губернатора. Кто теперь знает?

ТЬфу! Страшно и подумать о таком!

Как хорошо, что все мы разные. И по окрасу кожи, и по походке, характеру, цвету волос и глаз, объёму талии и размеру груди, по внешнему виду и даже по запаху...

И все активны и напористы.

И жена одна, и тёща одна, а любовниц несколько...

Друзей не счесть! И с каждой новой бутылкой их становится всё больше и больше.

И вся планета у твоих ног! И нет повода для уныния, скуки и тоски, ибо все разные и индивидуальные.

Коля Мараканов...

Кто-кто, а он был индивидуален во всём.

Природа при его создании не употребляла лобзика и стамеску, а обходилась, в основном, топором и кувалдой, слегка шлифонув его в конце своей работы грубой наждачкой.

Если бы Мараканова описал Чезаре Ломброзо – родоначальник антропологического направления в криминологии и уголовном праве, то получился бы портрет мелкого пакостника с неустойчивой психоэмоциональной лабильностью и склонностью к необдуманным поступкам в период алкогольного опьянения.

Не обладая талантом составления словесного портрета, всё же попытаюсь это сделать.

Был Коля не низок, не высок, а аккурат среднего роста. Плечи плавно переходили в грудь и живот, а те не задерживались, сползали на ягодицы, ибо понятие о талии у него полностью отсутствовало. И вся эта конструкция оканчивалась иксобразными ногами.

Непослушные жёсткие чёрные волосы на голове торчали во все стороны, как иголки у ёжика. Заострённый нос и слегка приподнятые вверх скулы были всегда румяны. Цвет румянца зависел от количества принятого «на грудь» дешёвого алкогольного напитка.

Верхнюю губу покрывали колючие чёрные усы, сглаживающие ушедшую внутрь нижнюю челюсть вместе с губой.

И всё же он не был уродом. Нормальный мужик, и ласковый, и обходительный, только со своими прибабасами. Всё было при нём, только счастье всегда обходило стороной. Так он и шёл по жизни, довольствуясь ничтожным и малым.

Курил Коля самые дешёвые сигареты, а из алкогольных напитков предпочитал красную «гамулу». Если бы Бахус предвидел, что, прикрываясь его светлым именем, будут производить такую дурь, называемую алкоголем, а тем более пить её, он бы отказался от своей идеи создания пьянящего напитка. Но мы и производим это, и пьём тоже.

А народ мрёт!

И всем наплевать!

На вине Коля сэкономил деньги для новогоднего ресторана, ибо в Новый год он в обязательном порядке спал с новой женщиной. Эту традицию Мараканов в своей жизни никогда не менял.

Об одеколоне, мыле и зубной пасте даже и упоминать не буду. Здесь всё гораздо проще.

Колина грудь была гладка, нага и нежна, как колено Орлеанской девственницы. Это приводило его в смятение, и он никогда не снимал майки, кроме как в бане, тем самым скрывая от человечества полное отсутствие волосяного покрова на его далеко не маленькой груди.

Вроде бы для одного человека всего этого было бы и предостаточно, но нет... У Коли была ещё одна, свойственная только ему одному, индивидуальность, очень высоко стоящая над всеми остальными.

Стопы...

– Ну и что? – скажете вы. – Стопы есть у всех.

– Да, – отвечу я, – у каждой женщины тоже есть грудь. А спросите мужчину, всякая ли грудь его тревожит?

– Нет, – ответит он и будет абсолютно прав.

А вот Колины стопы источали жуткий, тошнотворный, омерзительный и душераздирающий запах. И что он только не предпринимал, но... природу победить невозможно. Его ген, отвечающий

за запах стоп, был настолько велик, что превалировал над всеми своими собратьями. Там, где ступала его нога, всё живое мгновенно гибло. Сколько врачи с этим не боролись, эффект был минимален.

Есть такой анекдот: «От одного юноши всегда пахло калом. От этого с ним никто не дружил. Шли годы, организм требовал своего, прекрасно понимая, что жизнь есть соединение полов для зарождения нового поколения. Но... этому зарождению мешал запах. Что он только не предпринимал, ничего не помогало. В конце концов ему посоветовали съездить к бабке.

– Сынок, – говорит она, – ты купи хвойный экстракт. Только побольше. Набери в ванну горячей воды, высыпь туда весь этот порошок и полежи там часа два-три. Всё как рукой снимет.

Юноша сделал всё, как она сказала. В приподнятом настроении он вышел на улицу. Идёт, улыбается. Настроение – потрясающее. Навстречу – знакомый парень. Он останавливает его и спрашивает, чем от него пахнет. Парень долго нюхает, а потом говорит: «Такое впечатление, будто под ёлкой насрали».

Точно так же и здесь.

Для того, чтобы этот запах как-то скрыть, он зимой и летом ходил в ботинках, намертво перетягивая ступни шнурками. Это помогало. Но ненадолго. Вскоре кожа обуви пропитывалась этим ядом и тоже начинала смердеть так же едко, нисколько не уступая первоначальному источнику.

О носках здесь лучше даже и не упоминать.

Подобное доводилось чувствовать каждому в общественном транспорте, особенно летом.

И всё же Коля имел одно преимущество, которое притягивало к нему женщин. Он был офицером Военно-морского флота.

Николая иногда даже любили, но только после ресторана, когда градусы и гормоны закладывали носовые пазухи и надрывно дышать приходилось ртом. Но это была одноразовая любовь.

Мудрые люди давно подметили, что любовь приходит и уходит, а выпить хочется всегда! И Коля это знал тоже.

Николай не обладал размахом фантазии. Он тупо шёл по жизни, исключительно дорогой, где хороший асфальт никогда не валяется.

Коля сочетался браком не единожды и всегда на женщинах старше себя. И обязательно с детьми. Своих чад не имел. Видно, и он, и его бесчисленные жёны боялись передачи запаха по наследству. Этим он один в один походил на Вольфа Мессинга, который страшился передачи своего дара наследникам.

Первой брачной ночи у Николая никогда не было. И второй тоже. И слов любви ему не шептали. А в период наивысшего проявления страсти он издавал лишь звериный рык.

Для женщин он был лишь источником денег, а не только себя одеть и ребёнка накормить. Здесь Коля был как нельзя кстати. Присутствовал у него и ещё один плюс – полгода в море, полгода на берегу. Это не просто плюс, а целый плюсище.

Но как ни хороша любовь в шалаше, а в квартире всё же лучше. Вскоре эти жёны начинали угорать, страдать мигренью и резко ценить свежий воздух. Дети страдали не меньше их. Вот тогда проблема денег отступала на второй план и супруги расставались без взаимных притязаний.

Женщин, желающих себе счастья, – миллиард! И каждая втайне мечтает, что именно с ней Колины ноги перестанут пахнуть. Уж она-то этот запах точно изведёт.

Марш Мендельсона снова звучал если не в зале, то во «влюблённых» сердцах, а алые щёки олицетворяли новое безоблачное счастье. Но вскоре всё повторялось с закономерным постоянством. В дом нельзя было не то что гостей позвать, самому идти не хотелось. И главное – какая гадость, никакими дезодорантами, никакой химией этот запах не уничтожался. А аромат помойки начинал казаться просто райским.

Но однажды Коле повезло. По крайней мере, такое предчувствие отмечалось. В это время он в очередной раз был холост.

Николай возвращался из отпуска. На платформе, перегибаясь под тяжестью чемодана, тихо брела миловидная стройная девушка. Народ в утренней спешке толкал её, а она всё это покорно терпела и упорно несла свою поклажу.

– Разрешите, я вам помогу, – Николай уверенно взялся за ручку чемодана. – Что вы такое тяжёлое везёте? Разве можно это нести

этакой маленькой девочке? Вас что, никто не встречает или вы отдыхать приехали?

– Просто папа с мамой вчера уехали к знакомым в Новороссийск, а я возвращаюсь от бабушки из Симферополя. У неё такая замечательная библиотека... Я немного порылась и остановиться не смогла. Вот, везу. Жажда познания, – она наивно пожала плечами и мило улыбнулась.

– А я с отпуска возвращаюсь. На корабль.

– Наверное, интересно служить на корабле? Если бы я была мальчишкой, непременно была бы моряком.

Девушка Коле понравилась. От неё веяло задором и молодостью.

– Вы спешите? – спросил Николай останавливаясь. – Если нет, давайте чуточку передохнём. Уж больно тяжёл ваш груз. Я отвезу вас на такси, если не возражаете, – он достал сигарету, закурил.

– Не надо. Я сама как-нибудь доберусь. Вы, наверное, торопитесь. Что вы такое курите? – замахала она руками. – Прямо яд какой-то!

– Извините, привык к этой гадости с Нахимовского училища, – важно кашлянул Коля.

– Вы были нахимовцем? Как интересно!

– А вот давайте встретимся, я вам столько расскажу... Меня Колей зовут.

– А меня Лариса. Я согласна. Сейчас запишу вам свой телефон.

2

Молодые люди стали встречаться. Появился взаимный интерес. Лариса постоянно о чём-то болтала. Женщины обожают, когда их слушают. Коля же беспрестанно курил. Бог не одарил его при рождении ораторскими способностями.

Так прошли две недели.

Коля теперь с нетерпением ждал встречи с Ларисой. С ней он чувствовал себя легко и свободно. Даже что-то доброе шевелилось у него в груди. Командование корабля восхищалось трудолюбием Николая. Человек просто на глазах менялся, мужал, взрослел и даже хорошел.

Приближалось Первое мая. Весна буквально «сносила крышу». Мозги кипели, а сердце хлесталось, как безумное.

Коля впервые влюбился и очень дорожил этим чувством. Он видел, что Лариса к нему относится не просто как к обычному знакомому. Её глаза тоже искрились, излучая радушие и душевное тепло при виде Николая. И они при расставании даже один раз поцеловались.

3

Воскресным утром Коля смотрелся как огурчик: отглаженная форма, начищенные до зеркального блеска ботинки и выбритое до синевы лицо делали его похожим на провинившегося херувима. Он зашёл в каюту начмеда, над кроватью которого висела табличка «Не буди лихо, пока тихо».

– Доктор, дезодорант есть?

– Допустим. Похмелиться хочешь?

– Я не пью. Дай побрызгаться, а то мой закончился.

– Ой ли?! Ты меня начинаешь пугать своей порядочностью. Разве может репейник превратиться в жасмин? Для этого требуются миллиарды лет. А ты вот так и сразу... Отбрось эти иллюзии. Давай я тебе для уравнивания психики спиртику плесну.

– Не хочу. Дезодорант дай!

– Может, температуру померить? Или послушать? Не нравишься ты мне.

– Короче...

– Точно, заболел человек. Возьми в шкафчике.

Достав флакон, Мараканов минут пять обильно поливал всего себя.

– Хорош! Увлёкся. Собираешься, как на женитьбу, – доктор силой забрал дезодорант.

– Не каркай, – прошепелявил Коля, пристально осматривая себя в зеркале.

– Пошёл вон! Хоть бы спасибо сказал.

– Обойдётся, – и вышел.

Купив на рынке три красные розы, он позвонил Ларисе. Сегодня Николай принял решение признаться ей в любви и предложить руку, сердце и всё остальное, чем богат.

– Ларочка, – взволнованным голосом проговорил в трубку, – мне необходимо сейчас с тобой встретиться, хочу тебе что-то важное сказать. Можно, я к тебе приеду?

Лариса ждала этой минуты с нетерпением.

Любовь – штука странная. Это чувство обычно возникает внезапно... Свяжет по рукам и ногам, аж рассудок теряешь. Тут и плачешь, и смеёшься подобно умалишённомu... И всё это сразу, и всё одновременно.

Люди мгновенно замечают в тебе эту перемену и радуются вместе с тобой.

Но и закончиться любовь тоже может в одно мгновение.

Лариса влюбилась в этого неказистого офицера сразу. А почему, понять не могла. Был он какой-то весь жалкий и несчастный. Его хотелось прижать к себе, приласкать и согреть. В ней проснулось неизведанное доселе материнское чувство.

– Конечно, Коленька, – сердце её неистово забилося в предвкушении чего-то сладкого, неизведанного и желанного, – обязательно приезжай. Я тебя очень сильно буду ждать. Я сейчас быстренько в магазин сбегаяю. Пока ты едешь, мясо пожарю, салатик приготовлю. Хорошо, милый? Я быстренько! Не успеешь и до остановки дойти, как всё готово будет. Целую. Жду.

По дороге, заглянув в бар и выпив для храбрости стакан красненького, Николай взял пачку самых дорогих сигарет и бутылку мускатного шампанского.

«Надо бы и конфет шоколадных взять, – подумал он, но быстро отказался, решив, что они у неё должны быть. – Лучше вместо них взять бутылку портвейна. Она пусть шампанское пьёт, а я...» – и он довольно улыбнулся.

5

В маршрутном такси он тренировал речь признания в любви. Всё вокруг казалось розовым и величественным. Это сильно волновало его. Чтобы погасить лихорадочное состояние, Мараканов вышел из такси, зашёл в очередной бар и выпил стакан, но уже «Бычьей крови». Теперь Николай был готов ко всему. Жевательная резинка гасила дешёвое амбре.

Лишь только рука дотронулась до звонка, дверь тут же распахнулась, будто за ней ждали этого.

– Коленька, как ты вовремя! У меня уже всё готово. Раздевайся и проходи в зал.

– Лариса, а это тебе, – протянул он букет.

– Спасибо большое, – её глаза увлажнились.

Она прижалась к Николаю – и их губы слились в блаженном поцелуе.

– Какие у тебя, Коленька, колючие усы, – прошептала она сдавленным голосом. – Рубашку повесь на вешалку. Она у тебя вся мокрая. Ой! – она раскрыла полиэтиленовый пакет. – Я тоже шампанского купила, – весело рассмеялась Лариса. – А зачем ты портвейн взял?

– Не люблю шипучие вина. А портвейн мне нравится. Я его буду пить!

– Да? А папа называет его чернилами, – опять радостно захохотала она. – Иди, мой руки и садись.

Когда Николай снял ботинки, запах мгновенно заполнил прихожую и кухню. И это было только начало...

6

– Разливай! – как можно торжественнее скомандовала Лариса, держа надушенный платочек возле носа.

В её голосе звучали нотки разочарования и скорби.

Коля, багровый, как переспелая вишня, быстро раскупорил бутылки. Фужер Ларисы заиграл мелкими брызгами, себе Николай налил портвейн в кружку для чая.

– Лариса...

– Коля, – попросила она, – давай просто выпьем, без всяких тостов.

Не чокаясь, Николай залпом выпил содержимое полной кружки и сразу вылил в неё остатки из бутылки. Потом снова молча выпил. Он понимал, что судьба вновь над ним посмеялась.

Запах начинал выедать глаза. Из покрасневших, выжженных удушливым газом глаз Ларисы ручьями по щекам катились слёзы.

– Ну что, я пойду? Не ко двору пришёлся? Да? – ядовито спросил он.

– Иди, Коля, – произнесла Лариса, затыкая нос платочком.

Она понимала, что на этом этапе жизни её любовь перестала существовать. Причём не только к нему, но и ко всему человечеству. Вера в людей была потеряна полностью. Замуж идти она больше не хотела.

– Дура! – пьяно прорычал Мараканов и со всей силы хлопнул дверью.

7

Николай вышел на улицу, присел на скамейку и закурил. Настроения как не бывало.

Мимо нетрезвой походкой проходила женщина тридцати пяти – сорока лет.

– Товарищ офицер, угостите даму сигаретой, – мило улыбнулась она.

Он молча протянул пачку и спички.

– Крутые сигареты куришь, – она сладко затянулась ароматным дымом. – И пахнешь вкусно. Пошли ко мне. Только бутылку возьми. Магазин вон, – ткнула она пальцем в сторону дома напротив. – Ты хочешь быть со мной?..

– Сиди здесь. Я сейчас приду, – и он не торопясь засеменял к гастроному.

– Бери две, чтоб потом второй раз не ходить. И пива на утро! – прокричала она ему вслед.

Жизнь Николая входила в привычное русло.

ПРЕВРАТНОСТИ СУДЬБЫ

1

Николай Карпенко субботу и воскресенье пролежал дома на диване и думал. Думал до тошноты, до колик в сердце. Он не выходил на улицу, не отвечал на звонки друзей и многочисленных подруг, почти ничего не ел, а запасы алкоголя давно выпил. Возле него валялась куча учебников и монографий, которые он периодически перечитывал, рассуждая вслух, пытаясь в чём-то убедить самого себя.

Три дня назад, под утро, скорая помощь привезла больную с «острым» животом. Карпенко в этот день не должен был дежурить, но у коллеги родился сын, и он охотно, без обычных «почему всегда я?» заменил его.

Дежурство было на удивление спокойным. Даже удалось немного поспать.

Уже светало, когда в ординаторскую вошла постовая медицинская сестра.

– Николай Сергеевич, – затрясла она его за плечо, – вас срочно в приёмное отделение вызывают.

– Что там? – Карпенко никак не мог проснуться.

– Не знаю. Сказали: острая патология.

Нехотя встав, Николай с хрустом потянулся, надел халат и спустился в приёмное отделение. Молодой организм (а ему было двадцать девять лет) быстро переходил из состояния отдыха в рабочее состояние.

На кушетке на боку, прижав колени к животу, лежала белокурая и невообразимо красивая девушка двадцати четырёх лет. Даже выраженная бледность, заметная слабость, испарина на лбу и отражение боли на лице нисколько не портили её. Николай даже залюбовался ею.

В студенческие годы он имел счастье быть женатым, но застав жену с сокурсником из параллельного потока, развёлся и больше к этой проблеме возвращаться не хотел, довольствуясь услугами многочисленных любовниц.

– Ну и как зовут такую красивую пациентку? И что за хвороба с ней случилась? – Николай слегка улыбнулся.

– Таня. Доктор, миленький, спасите, – из её глаз покатались слёзы. – Я так хочу жить! Мне нельзя умирать, – она коснулась его руки своей прохладной влажной ладонью. – Но сейчас кажется, что боль немного утихла.

– Ну-ну-ну! Это что за пессимизм? Вам жить и жить! Обещайте после выписки пойти со мной в ресторан.

– Обещаю, – вымученно выдавила она и слегка сжала его ладонь. Было видно, что это давалась ей нелегко.

– Вот и договорились. А теперь расскажите, что с вами произошло.

– Я спала и во сне почувствовала, как под правое ребро будто ножом ударили и сразу появилась резкая боль во всём животе. Мама вызвала скорую. И вот я здесь.

– Брючки расстегните, покажите мне живот.

– Николай Сергеевич, – к нему подошла дежурная медицинская сестра, – пульс 115, артериальное давление 95 на 45, температура 35 и 8, в крови незначительная анемия, лейкоцитоз в норме. В моче – 6–8 лейкоцитов. Всё остальное в крови и в моче в норме. Вторая группа крови, резус-фактор положительный.

– Спасибо, Нина Ивановна. Позвоните в хирургию, пусть готовят операционную. Прободная язва. Ну что, Танечка, вы очень

своевременно поступили. Сейчас сделаем операцию, немного полежите у нас, а потом... – Николай широко улыбнулся. – Потом пойдём с вами в ресторан. Вы хорошо танцуете?

Она без энтузиазма кивнула головой.

– Вот и замечательно. Нина Ивановна, поднимайте её наверх. Я пошёл мыться.

– Доктор, а это очень страшно? – прошептала Татьяна дрожащим голосом.

– Не волнуйтесь. Операция пустяковая. И нисколечко не будет больно. Не надо бояться. Я вам честно говорю.

2

– Все готовы? – спросил Николай, обведя бригаду изучающим взглядом.

– Готовы, – ответил анестезиолог.

– Что давление, пульс?

– Пульс нитевидный, слабый. Давление 85 на 59, имеет тенденцию к снижению.

– Работаем быстро, – и он сделал разрез кожи.

Когда вошли в брюшную полость, из раны хлынул мощный фонтан алой крови.

– Тампоны... Много! – заорал Николай, запихивая их в рану. – Откуда кровь? Ничего не понимаю. Отсос в брюхо!

Операционная бригада онемела.

– Николай Сергеевич, пульс не прощупывается, давление на нуле! – прокричал анестезиолог. – Готов к проведению электрокардиостимуляции. Всем отойти от стола!

Электрический импульс не запустил работу сердца.

– Коля, она мертва, – констатировал анестезиолог.

– Не может быть! Почему?

– Я тоже понять не могу. Ты не повредил ей брюшную аорту? Может, не заметил?

– Ты в своём уме? Как такое можно сделать? Мы даже толком в брюшную полость не вошли. Ничего не понимаю. Такая красивая девушка... – и он, никого не стесняясь, заплакал.

– Принесите ему стакан спирта! – приказал анестезиолог. – Коля, ты не виноват. Не расстраивайся так. Вскрытие покажет. Там

скорее всего аневризма лопнула, если ты её, конечно, ничем не подцепил. Хотя маловероятно. Мы только в живот вошли, – удивлённо пожал он плечами.

3

Патологоанатомическое вскрытие сделало заключение: «Смерть наступила в результате разрыва забрюшинной аневризмы брюшной аорты». Претензий к хирургу Карпенко никаких не было. Оргвыводов не последовало.

Николай сильно переживал эту неудачу. Но прикладываться к спиртному, не выходить на работу – не решило бы этой проблемы. Ему каждую ночь снились слова Татьяны: «Я так хочу жить! Мне нельзя умирать» – и её слабое прикосновение к его руке.

Семён Иванович, заведующий отделением, вызвал Николая в кабинет.

– Николай Сергеевич, я прекрасно понимаю твоё состояние. Тебе не в чём себя так винить. Ты не допустил ни одной ошибки. Такая патология бывает обычно у стариков. Она могла даже не знать о ней. Удивительно, что её до больницы довезли живой. И диагностировать эту патологию ты никак не мог. Не кори себя. Неприятно, знаю по себе. У неё судьба такая. Странно, что это с ней случилось именно сейчас, а не гораздо раньше. Я не думаю, что она только и делала, что лежала на кровати. Отнюдь, преподавала балльные танцы и вела очень активный образ жизни. Давай выпьем с тобой коньячка, и я отправлю тебя в отпуск. Съезди куда-нибудь, развейся. Женись, наконец! – и он засмеялся. – Ты меня понял, Николай Сергеевич? Через месяц жду здоровым, активным и полноценным работником, – он налил в рюмки коньяк. – Давай, мой хороший. Профессия у нас такая. Смерть никому радости не доставляет. Будем жить!

– Семён Иванович, но я в отпуске уже был.

– Значит, ещё будешь. Надо, Коля, развеяться. За деньги не переживай. Я скажу, чтоб тебе начисляли зарплату. А всё остальное на моей совести. Договорились?

Они выпили, закусили яблоком. Семён Иванович снова наполнил рюмки.

– А сейчас, Коля, выпьем за нас, людей, стоящих на страже здоровья. Выпьем и пойдём ко мне домой. Жена должна пельменей налепить. У меня на сегодня ничего серьёзного нет. Как предложение? Одобряется? Завтра можешь не выходить. Идёт? – и он хлопнул его по плечу.

– Идёт, Семён Иванович. Спасибо вам.

4

– Маша! – крикнул с порога Семён Иванович. – Мы пришли. Пельменей налепила? Если да – бросай варить.

– Ещё немного потерпите. Минут пятнадцать, – донеслось с кухни. – А кто у нас в гостях?

– Николай Сергеевич Карпенко. Мы вместе работаем. Он завтра уходит в отпуск. Я его к нам затащил. Сказал, что ты искусница по изготовлению пельменей.

– Не подлизывайся.

– Коля, иди мой руки – и к столу. Ванная вот, – он показал на дверь, а сам пошёл на кухню.

– Маша, – зашептал он супруге на ухо, – у этого парня на операционном столе больная умерла. Расшевели его. Совсем хлопчик себя истерзал. Будь умницей, – он обнял её и поцеловал в щёку.

– Здравствуйте, – раздалось сзади, – извините, что пожаловал к вам без приглашения. Это Семён Иванович настоял. Меня Колей зовут. Как у вас здесь уютно.

– Присаживайтесь, Николай. Мария Яковлевна, – представилась хозяйка и повернула к нему запачканное мукой лицо. – Сеня, не стой как на параде. Наливай в кастрюлю воду, ставь на огонь. Пусть вода закипает. А ты достань лечо и свою огненную аджику. Всё, Коленька, домашнее, с дачи. Я там что только не сажаю. И всё, как говорится, растёт как на дрожжах. Ничего на рынке не покупаем. И рассаду сама выращиваю. И всё сама. Нам же Сенины руки беречь надо, – она кивнула головой в сторону Семёна. – А если ползет на грядку в перчатках, то обязательно что-то сломает.

– Нет чтоб молвить обо мне что-то хорошее или сказать, как ты любишь меня, начинаешь повествовать о моих недостатках. Между прочим, это мой подчинённый. Что он теперь обо мне будет думать? – засмеялся Семён Иванович.

– Не слушайте, Коля, глупую женщину. Живём с Сеней двадцать шесть лет душа в душу. Нет, только не подумайте, что он идеал. Всё у нас было, как у людей. Просто я хороша. Правда, Семён? И ещё, умная жена не спрашивает, чего хочет муж. Она знает. Жена – это фундамент семьи.

– Правда, правда.

– Истину глаголешь, – Мария Яковлевна принялась. – От вас дух спиртной исходит. Вы что, уже причащались?

– Лишь для того, чтобы видеть тебя в солнечном свете, – засмеялся Семён Иванович.

– Увидел? – улыбнулась Мария Яковлевна.

– Конечно, увидел.

– Семён Иванович, к вам по сервировке стола никаких претензий не имею, – жена каждому положила салфетки. – И лимончик порезал, и маслины поставил. Умница! И самое главное – про коньяк не забыл. Разливай – и расслаживаемся. Подаю пельмешки. Сметана, масло, уксус – всё на столе. Кто как любит. Коля, без стеснения. У нас в доме всё просто. Сеня, положи Николаю ещё пельменей. Они должны ему понравиться.

– Разве они кому-то могут не понравиться?

– Коля, а вы женаты? – поинтересовалась Мария Яковлевна. – Или в женихах ещё ходите?

– Нет, не женат, – замотал головой Николай. – Хотя, когда учился в институте, была не совсем удачная проба. Через семь месяцев мы расстались. Обхожусь пока без этого.

– Видно, не нашёл свою судьбу. Не расстраивайтесь. Жизнь большая. Вот я вам приведу пример из собственного наблюдения. Этажом ниже живёт супружеская пара. Приятные люди. Она очень хорошая и общительная женщина. Вяжет просто замечательно. Дар у человека Божий. Связать может что угодно. Все кофточки, свитера, носочки, что на нас, наших детей и внуках, – её рук дело. Шьёт, по дому справляется, хотя и болеет тяжело. А муж у неё тоже замечательный человек, но целый день сидит у компьютера. Печатает свои бессмертные произведения. Тоже Богом помазанный. Но в доме живого слова не услышишь. Каждый по своим комнатам. Она с вязанием у телевизора. А у него клавиши, по которым

постоянно стучит, и тихонечко играет инструментальная музыка. Зато когда выходят на улицу, рот ни у неё, ни у него не закрывается. Природа требует давать работу и языку. Я бы, например, не вынесла, если вдруг мой Семён взял и онемел. Кстати, Сеня, а ты помнишь, как мы познакомились? Или уже всё позабывал?

– В кукурузе.

Щёки Марии Яковлевны слегка порозовели.

– Всё-таки какой ты у меня глупый.

– Почему сразу глупый? Разве не так? Наше детство, Николай Сергеевич, прошло на юге Украины, на берегу Южного Буга. Дома стояли бок о бок. И огороды тоже. Маша на два года младше меня. Вначале это был гадкий утёнок, но к восьмому классу она как-то сразу вытянулась, повзрослела и похорошела. Тут-то моё сердце забилось чаще. И она не могла устоять перед таким красавцем, каким был я. Мы стали встречаться, а когда кукуруза стала большой, тут оно и случилось...

– Семён, прекрати.

– Неужели было всё иначе? Больше могу сказать: Маша росла без отца, а мой батяка нет-нет да и заглянет к её мамке. Зачем – не знаю, до сих пор гадаю... – и он засмеялся.

– Эко тебя куда понесло. Убираю бутылку со стола. Вот и у Коли глаза осоловели.

– Не спорю. Алкоголь – яд. Развязывает язык и разрушает печень. Сметай всё со стола и пои нас скорее чаем. Пирожки или булочки не пекла?

– Ты же не предупреждал, что с гостем придёшь. Печенье есть, конфеты. Пойди открой персиковое варенье. Это мне сестра с родины прислала. Вкуснотища необыкновенная! Пробовали, Коля, когда-нибудь?

– Не приходилось.

– А теперь попробуйте. В отпуске чем собираетесь заниматься? Куда-то едете?

– Даже не думал. Наверное, никуда.

– Абсолютно неправильный ответ. В отпуске надо отдыхать, сил набираться, новые впечатления в себя впитывать. Мы когда с Семёном Ивановичем были молодые, на каникулах дома не быва-

ли. Куда ткнём в карту пальцем, туда и едем. Он не признаётся, но глаза, как я, дурочка, не зажмуривал и каждый раз попадал в красивейшие места. Один раз попробовала, так попала в Северный Ледовитый океан, – засмеялась она. – Я педагогический закончила в Харькове, а Сеня в Саратове учился. Когда он институт окончил, сыграли свадьбу и я переехала к нему сюда. Потом дети пошли... Работать мне Семён Иванович запретил сразу. Представьте, весь вечер, как тот программист, сидела бы за тетрадками. А он голодный, холодный, злой и нервный...

В кладовке что-то с грохотом упало и послышался звук битого стекла.

– Нельзя ничего доверять, вечно сделает что-нибудь не так... Что уже разбил, горе моё?

– Банка с томатным соком выскользнула из рук. А варенье я найти не могу.

– Иди сюда, немощный, я сама всё сделаю. Не поранился хоть?

– Слава Богу, нет.

– И то хорошо. Ничего не может сам сделать. Ему во всём нужна я. Коля, вам нужна такая же жена. Вы руки свои берегите... И не дай Бог... Это не только ваша трагедия, это трагедия всей вселенной. Пойду помогу этому недотёпе.

Вскоре появился Семён Иванович. Он, широко расставив руки, шёл к мойке.

– Разве там можно что-то найти? У меня банка из рук выпала. Как можно так всё расставить? Огурцы с компотом стоят, а помидоры с перцем. В варенье запутаться можно. Хоть бы подписано было. Пусть теперь она ищет. Пойдём, Коля, на лоджию, покурим. Мы с тобой должны жить при полной заботе жены. Наше дело только деньги зарабатывать, а остальное...

Когда они вернулись на кухню, стол был перекрыт для чаепития: стояли кружки и сладости, а на плите заливисто свистел чайник. Было по-семейному уютно.

– Проходите, мои хорошие, к столу. Докладываю, что стекло собрала, пол помыла, варенье нашла, лакомства не столе. Сейчас налью кипятка. У нас заведено, не мной, разумеется, чай пить только очень горячий. А вы какой любите?

– Я тоже предпочитаю горячий чай.

– Вот и славно. А теперь поговорим о вашем отпуске. Семён, в этом вопросе ты должен меня поддержать. Помнишь, как мы с тобой отдыхали? А теперь самая дальняя наша вылазка – дача. Если вы, Коля, не планируете никуда выезжать, то я рекомендую съездить к моей тётке, Маргарите Николаевне, в Соколку. Это между Сердобском и Беково. Это порядка, наверное, более ста километров от нас. У вас машина есть?

– Да.

– Замечательно! Дорога хорошая, асфальтированная. Вот её адрес, – Мария Яковлевна быстро написала его на тетрадном листе бумаги и передала Карпенко. – А я ей позвоню. Дом у неё большой. Почти у самого соснового леса стоит. Красотища!.. Никакого стеснения не принесёте. Погода, сами видите, какая. Теперь там грибов – косой коси. И нам потом лукошко привезёте. Там ещё стоит старинное историческое здание Троицкой церкви. Она не действующая, полуразрушенная, но на неё стоит посмотреть. Вообще я к старине не равнодушна. Люблю историю.

– Спасибо. Я подумаю.

– И думать не надо. Сапоги у неё есть, плащ тоже. Может, и мы подскочим. Райский уголок! Воздух, молочко, яйца, картошка с грибами. У меня уже слюнки текут. Ну что, уговорила? – улыбнулась она.

– Через недельку, не раньше, – неопределенно ответил Николай вставая. – Спасибо вам большое за обед, я пойду.

– Коля, может, у нас заночуешь, скрасишь нашу одинокую старость, – засмеялся Семён Иванович. – Правда, оставайся. Вечером ходим на набережную, погуляем, в шахматишки сразимся, телевизор посмотрим...

– Пойду я, Семен Иванович. Спасибо, конечно... Хочу ещё кое-что сделать. И вам, Мария Яковлевна, тоже огромное спасибо. До свидания.

5

А за окном моросил нудный мелкий дождь. Было омерзительно не только на душе, но и на улице. Казалось, что это не первые числа августа, а глубокая, промозглая осень.

Целую неделю Николай лежал на диване, курил и читал специальную литературу. Ему хотелось обличать себя, сделать виноватым в смерти больной, но умные головы ему доказывали совершенно обратное. Спасти в подобной ситуации человека невозможно.

Невозможно – и всё!

Здравый смысл подсказывал, что пора прекратить это самобичевание. Но лицо этой красивой девушки с молящим лицом постоянно стояло перед его глазами.

Он понимал: еще немного – и перед ним широко распахнутся двери психиатрического отделения. Допускать подобное явно не хотелось.

Николай встал с дивана, окинул брезгливым взглядом окружавший его беспорядок. Уборкой заниматься явно не хотелось. Приняв душ и побрившись, он ощутил в теле свежесть и лютый голод.

Накинув куртку и забравшись под зонт, он перебежал дорогу и очутился в уютном кафе. Посетителей не было. К нему сразу подошла официантка и положила меню.

– Что будем заказывать?

– Девушка, овощной салат, солянку, отбивную с жареной картошкой и попозже горячий чай.

– Рекомендую на второе взять котлету по-киевски и пюре с грибным соусом.

– Не возражаю. Только положите, пожалуйста, две котлеты. И если можно, всё это побыстрее, – он чарующе улыбнулся.

Всё было настолько вкусно, что казалось, до этого он ничего подобного не ел.

Откинувшись на стуле и громко отхлёбывая чай, он набрал номер заведующего отделением.

– Семён Иванович? Здравствуйте. Карпенко.

– Коля, здравствуй. Как твои дела? Отошёл? Ты где? Говори быстро, иду на операцию. Резекция желудка. Онкология. Молодой парень. Жалко, аж слеза наворачивается. Откуда берутся эти болезни?

– Я пока дома. Завтра собираюсь ехать в Соколку, – неожиданно даже для самого себя произнёс Николай. – Марии Яковлевне большой привет передавайте.

– Молодец! Удачи тебе! Поклонись от нас тётке Рите. Хорошая женщина! Не забудь, позвони моей жене, пусть что-нибудь туда им купит, – и в трубке послышались гудки.

6

Побросав в сумку всё необходимое, Николай утречком, пока не так загружена трасса, отправился в путь.

Вышло долгожданное солнышко. Мокрый асфальт до рези в глазах отражал солнечный свет. Карпенко зашёл в магазин, купил разнообразных круп, макарон, конфет, печенья и еще множество всего, на что падал глаз, чтобы порадовать неизвестную хозяйку. И даже прихватил четыре бутылки хорошего сухого вина, две бутылки шампанского и, конечно, на всякий случай, взял литр водки. Сложив всё это аккуратно в багажник, он отправился в путешествие, не забыв заехать на квартиру к своему начальнику.

Николай тихо ехал, любуясь умытым городом, сияющими улицами, говорливым лесом, через который шёл его путь. И всё это как будто видел впервые, и всё это радовало и веселило душу. Он снова собирал себя по крупицам и возвращался к жизни, хотя горький осадок и оставался.

За мостом у реки он остановился, вылез из машины и закурил. На берегу стоял мотоцикл. Облокотившись на перила, Николай посмотрел вниз.

По воде то там то здесь шли круги. У воды сидел мужчина и ловил тремя удочками рыбу. Клевало хорошо. Поплавок то и дело скрывался под водой, и рыбак радостно вытаскивал доброго карася или подлещика.

– Мужчина, – крикнул Николай, – продайте рыбу!

– Меняю только на водку, – глухо ответил тот, даже не взглянув на говорившего.

– Годится.

– Другой разговор. Спускайся вниз да возьми пакет, куда рыбу будешь класть.

Николай аккуратно спустился по крутому берегу вниз. На ботинки сразу налипла грязь.

– Добрый день. Держите, – он протянул бутылку. – Здорово у вас получается. Много поймали?

- Теперь это всё твое.
- Да мне штучки три-четыре.
- Высыпай. «Три-четыре», – передразнил мужчина. – Что с ними делать, с тремя-то? Ни пожарить, ни сварить, – он достал садок, в котором трепыхалось штук двадцать довольно приличных карасей и с десяток серебристой рыбы.
- Это всё мне? – удивлённо воскликнул Николай. – Как много!
- Бери, пока дают. Я себе ещё наловлю. Куда путь-дорогу держишь, если не секрет?
- В Соколку.
- Эко... А к кому? Я ведь тоже там живу. Пятнадцать километров отсюда. А на рыбалку сюда езжу. И всегда ловлю! – радостно засмеялся он.
- К Маргарите Николаевне. Фамилию не помню. Сейчас в записной книжке посмотрю.
- Не трудись. Она одна у нас в селе. Климова её фамилия. Хорошая женщина. Кто ж ты ей будешь?
- Николай пожал плечами.
- Едешь, не зная к кому? Интересно даже.
- Это родственница моего начальника, точнее, его жены, что в Пензе живут.
- Марии, что ли? А муж у неё Семен?
- Вы и их знаете? Как тесен мир!
- Скоро и о тебе всё узнаю. Ты не стой, разливай.
- Спасибо, я за рулём, а во-вторых, в гости еду. Как вы себе представляете – незнакомый человек вваливается к ним в дом пьяный. Парадокс!
- Здраво мыслишь. А я выпью. Так кто ты такой, мил друг? – он налил себе в полиэтиленовый стаканчик, выпил и стал аппетитно грызть сочное яблоко.
- Я врач, хирург, тоже из Пензы. Родом из Воронежской области. Пошёл в отпуск, зашёл к начальнику в гости, а его жена посоветовала, если не знаю куда ехать, чтоб непременно съездил в Соколку, к её тётке. Здесь сейчас грибов, говорит, видимо-невидимо.
- Значит, Машка тебя надоумила?
- Да. Мария Яковлевна. А вы давно её знаете?

– Я всю её родню знаю. Потому что по соседству живу. А тебя как зовут? – он снова выпил и уже захрустел луком и хлебом. – Как зовут-то?

– Коля.

– А по бабушке?

– Это не обязательно.

– А я – дядя Паша, – протянул тот заскорузлую руку. – Ладонь у тебя, как у девушки, нежная, бархатная. С моими ручищами, чай, в живот не полезешь... А закурить у тебя городских нет?.. А то у нас...

– У вас клюёт! – закричал Николай.

– Не шуми. Это, небось, карп пожаловал. Смотри, как леску натянул и водит. Сейчас мы его благополучно доставим на берег. Не прогонять же гостя, коль сам пришёл.

Николай поразился. Это действительно был карп, килограмма на полтора.

– Ну, дядя Паша, вы даёте... И угадали, что карп и что большой... Вы ясновидец? Держите сигарету.

– Не знаю, кто я, но рыба у меня всегда клюёт. Рядом сидят, хоть бы поплавок шевельнулся... А я ловлю. Ходит молва, что я её заговариваю, оттого она ко мне и идёт. Вот, смотри, опять клюёт. Это окунь пожаловал. Его бы не надо сюда. Всю благородную рыбу распугает. А тащить такую рыбу нужно очень быстро, а то леску враз перекусит.

Через секунду полосатый красавец лежал на берегу.

– Лови, Коля, а я ещё выпью да достану из него крючок, так все полчаса и пройдут. Мы ещё с часок с тобой посидим, десятка полтора поймает – и можно будет ехать. Или ты спешишь?

– Нет, не спешу.

– Лови. И тебе забава, и мне веселее. Всю рыбу заберёшь себе. А я вечером приду к вам в гости. Утром видел, как Маргарита с лукошком в лес ходила. Уха, жареная рыба, картошечка с грибами и голуби под соусом – добрая закуска.

– А голуби откуда?

– Я принесу. У меня их... Водка ещё есть?

– Нет, – соврал Николай.

– Надо взять.

– Только хорошей.

– Тогда надо в посёлок ехать.
– Надо – значит, поедem.
– Сколько ты там уже нацеплял?
– Сем штук.
– Не густо. Ты, наверное, в посёлок езжай без меня. Знаешь, где там магазины?

– Разберусь!

– А я здесь посижу, половлю. В нашей «столице» в таком виде сейчас мне не резон появляться. На обратном пути заберёшь меня. Я буду ехать впереди на мотоцикле – показывать тебе дорогу.

– Вы уж больше не пейте.

– Не бойсь, дядя Паша не пьянеет. Только запах. Из-за него права и забирают. Так что не переживай. Бывают, конечно, дни весёлые, а бывают и очень весёлые. Но чтоб пьяным – никогда.

Минут через сорок они въехали в село.

– Смотри, Коля, какая церковь! Построил её полковник Названов. Тут имение его было. А сейчас село на грани вымирания. Молодёжь уезжает, старики вымирают... При Советской власти, когда все резко молиться перестали, из церкви зернохранилище устроили. Поди, лет двести она стоит и не рушится. Сейчас тоже никому не нужна, прости всех Господи. Толстосумы машины каждый год меняют, а на храм копейки никто не даст. Речку запрудить не могут. Каждый карман свой стремится набить. Что за страна? Одних сажают, другие воруют.

– Милосердие в нас давно умерло.

– Я в прошлом году возил родственников в Зубрилово, усадьбу Голицына, адъютанта Екатерины II, участника разгрома Пугачёва, государственного деятеля своего времени. Это в соседнем с нами районе. Давай, Коля, ещё по вкусной сигарете закурим, чего-то я разнервничался.

Николай достал пачку, протянул дяде Паше сигарету. Они затаились.

– При входе в парк стоит табличка, что, мол, всё охраняется государством. Правда, не написано каким. Спасо-Преображенская церковь требует ремонта. Могилки семьи Голицыных ещё кое-как поддерживаются на подобающем уровне, а вот усадьба... Как в 1905 году её разломали и сожгли необразованные крестьяне, так

всё и осталось до сих пор в руинах, продолжая рушиться дальше. Страшно и больно смотреть. А в этих местах бывали Гавриил Державин, Иван Крылов, который там написал свою знаменитую басню «Свинья под дубом», выражая своё недовольство поведением Голицына в отношении первой брачной ночи с будущими жёнами своих подданных. За это он Крылова и изгнал из имения. За чистую монету это брать не надо. Правда, народ утверждает, что такой случай был.

– Дядя Паша, вы так много знаете, что представить вас трактористом или пастухом просто невозможно.

– И не представляй. Учителем истории я работал в местной школе, а Маргарита Николаевна была директором в ней. Так что пришлось кое-какие сведения по истории родного края выискивать, чтоб их доводить своим ученикам. А теперь по селу ветер гуляет. И школа была, и детский садик, библиотека... А сейчас? Смеха детского не услышишь. Вот какие времена настали. Поехали уже, а то мы так и до вечера не доберёмся. Село-то вот уже, дома видно. И ещё, обрати внимание, в каких условиях наши коровки общественные живут. И зимой, и летом... Сердце кровью обливается от жалости. И никому до этого дела нет. Расстреливать за такие дела надо. Вор на воре сидит! И так по всей стране, – дядя Паша огорчённо сплюнул. – Что при Советской власти, что сейчас... Удивляюсь я этой стране и её людям!..

7

– Маргарита Николаевна, ты дома? – прокричал Павел в глубину двора. – Я тебе гостя привёз, принимай.

Из дверей большущего дома вышла маленькая, сухенькая, слегка сторбленная женщина лет семидесяти, в коричневой крупной вязки кофте и очень длинной серой юбке. Она подслеповато поглядела на них.

– Павел Николаевич, ты, что ли, пожаловал? А я решила немного постирать. С утра моросило немного, а сейчас прояснилось. А это кто с тобой?

– Я же и кричу вам, что гостя привёз. От Марии и Семёна, из самого города.

– Проходите. Давно жду. Вы Николай? Это ваша машина? Павел Николаевич, помощи ворота открыть. Мне не под силу такую махину сдвинуть. Пусть во двор заезжает. Извините, – виновато посмотрела она на Николая, – гаража у меня нет, ставьте её, где ваша душа пожелает.

– Здравствуйте, Маргарита Николаевна, – запоздало поздоровался Николай.

– Здравствуй, Коля. Вы тут занимаетесь, а я быстренько свою стирку сверну и кормить вас буду. Проголодались, наверное, с дороги.

– Николаевна, кормить не торопитесь. Я через час подойду со своими фирменными голубями.

– Если с голубями – милости просим, только без водки.

– Нет-нет, что вы!

– Коля, пойдёмте, я вам комнату покажу, куда положите свои вещи и где будете жить.

8

Убрав вещи в шкаф и отнеся продукты на кухню, Николай почувствовал, как сильно устал. Он не раздеваясь лёг на диван и мгновенно уснул.

Проснулся, когда за окном уже смеркалось. За дверью слышались глухие голоса. Говорили мужчина и женщина. Спросонья он никак не мог понять, где находится.

– Николаевна, буди мужика. Ночь скоро, а он спит у тебя. С утра маковой росинки во рту не держал. Ты хочешь упиться его голодной смертью.

– Тьфу на тебя! Дурак какой.

Раздался тихий стук в дверь.

– Коленька, просыпайся, ужинать будем. А то тут меня твой дядя Паша преступницей сделал, мол, голодом уморить тебя хочу. Покушаем – и сразу ляжешь. Умаялся сегодня?

– Есть немного. Иду, иду, Маргарита Николаевна. Извините. Сон и правда сморил меня в одно мгновение. Скажите, где умыться можно?

– Умывальник вот, на стенке висит, а туалет – на улице. Из дома вышел – и сразу налево, а там увидишь.

– Тогда я быстро.

– Я, пожалуй, тоже с тобой схожу. Заодно и покурим перед едой. Ты не будешь против, Коля? – зашагал рядом Павел Николаевич.

– Я только поприветствую такое мудрое решение, – широко улыбнулся Николай.

– Вы недолго, курильщики, а то всё остынет.

– Маргарита Николаевна, мы очень быстро, три минуты, максимум пять.

– Идите, хлопцы, жду. Сама есть хочу, аж в животе урчит. Получается, я сама себя заморила, – тихо засмеялась она.

9

– Ого! – воскликнул Николай, входя в кухню. – Здесь только одним запахом можно насытиться.

– Присаживайтесь к столу. Что тебе положить, Коля?

– Маргарита...

– Давай сразу договоримся, Николай. Маргарит здесь нет. Есть только тётя Рита. Что тебе, мой хороший, положить, говори, не стесняйся.

– Так, – Карпенко довольно потёр ладони. – Тётя Рита, картошечки с грибами, и побольше, самую большую кружку молока. Огурчики бочковые?

– Мы всё солим в бочках.

– Их, штуки три, пару дяди Пашиных фирменных голубей, а остальное... Остальное по потребности.

– Теперь вижу, что проголодался, – довольно засмеялась Маргарита Николаевна, наполняя тарелку и наливая молока.

– Э-э-э, так дело никуда не годится... Молочко, картошка... А сто грамм за встречу? Или мы нелюди какие... – нахмурился Павел Николаевич.

– Павел, может, человек не пьёт, а ты со своей выпивкой лезешь. Даже неудобно.

– Тётя Рита, удобно, удобно. Я водку привёз и вино.

– Хотела тебя поругать. Ты зачем столько еды привёз? Кто всё это есть будет? Из меня едок... Пусть половину Паша забирает, если тебе не жалко.

– Чего мне должно быть жалко? Вы теперь хозяйка всего этого добра, вам и решать. Так, где водка?

– Коля, мы люди деревенские и к водке не привыкшие, – приободрился дядя Павел. – У Николаевны есть свой рецепт приготовления водки. Сейчас попробуешь, оценишь и больше никогда не захочешь казёнку пить. Она наливает её только по большим праздникам.

– Это ты мне, Паша, предлагаешь двум здоровым мужикам рюмки наполнять? Командуй! Разве не видишь в графине янтарного цвета жидкость? – засмеялась тётя Рита.

– Вот это по-нашему! – приподнялся Павел Николаевич и начал разливать по рюмкам слегка тягучий напиток.

– Ну что ж, как говорится, за встречу, за знакомство. Будем все живы и здоровы! – сказала Маргарита Николаевна, поднимая рюмку и чокаясь со всеми.

Выпили.

– И как настоечка? – спросил у Николая Павел, крякнув от удовольствия.

– Ничего подобного никогда не пил. Тётя Рита, поделитесь рецептом?

– Это как вести себя будешь, – засмеялась она. – Ты ешь, ешь. Она хоть и сладкая, но очень пьяная. Враз по ногам шибанёт. И встать не сможешь. Павел подтвердит.

– Это точно.

Николай даже не заметил, как его тарелка стала пустой. Всё оказалось таким вкусным, что он застенчиво поднял глаза на тётю Риту, а она, умиленно улыбаясь, смотрела на него.

– Что, Коленька, понравилась тебе наша пицца?

Он покраснел.

– Честно говоря, я такой вкуснотищи ещё никогда не ел. Просто в восторге! Прошу простить, но это правда.

– Ешь, ешь, сынок. Что тебе ещё, мой хороший, положить? Ты извини, что называю так тебя. Больно на моего сынка Андрюшеньку смахиваешь, – она вытерла уголком платка выступившие на глазах слёзы.

– Почему вы плачете? С ним что-то случилось?

– Он милиционером в Саратове был. При задержании банды получил смертельное ранение.

– Давайте его помянём, тётя Рита. Вечная память героям! И слава им всенародная.

– Давайте помянём.

Они выпили не чокаясь.

– Что ещё тебе положить, Коленька? Давай мне, я тарелочку сполосну.

– Нет-нет, не надо. Я даже не знаю, – задумался Николай, – что я ещё не пробовал... А можно ещё картошки с грибами? И голубей. Невероятно вкусно!

– Конечно, можно. Зачем спрашиваешь, сам всё бери, не стесняйся, – обрадовалась Маргарита Николаевна.

– Коля, а рыбу почему не ешь? – спросил дядя Паша. – Может, ухи хочешь? Она ещё горячая.

– Ухи? Вы ещё и уху варили? Конечно, хочу. Обязательно с перчиком и петрушечкой сверху.

– А я, старая дура, про неё совсем забыла. Извините меня, дорогие, ради Бога. Помнишь, Паша, как говорил Вовка Силантьев: «Одна голова хорошо, а две – две уже аномалия». Где-то в Москве обитает, в верхах.

– Не корите себя. Я сегодня ем всё, независимо от того, когда это блюдо ляжет на стол. Дядя Паша, а рыбу я всегда употребляю самой последней. Привычка такая. И очень люблю её в любом виде. Мне кажется, так бы и ел её.

– Ты знаешь, и я делаю точно так же.

– Мальчики, вот и уха. Извиняюсь, что задержалась немного. Остыла чуть-чуть, пришлось маленько подогреть. Рыбу выловила и в тарелку положила, чтоб в юшку косточки не попали. Наливай, Паша. Ещё раз помянём моего сыночка. Пусть земля ему будет пухом.

Выпили молча, закусывали тоже тихо.

– Коля, – прервал молчание Павел Николаевич, – расскажи нам о себе. Кто ты, что ты?.. Из Пензы – знаем, хирург – знаем, знакомый Маши и Сени – тоже знаем... А вот...

– Понял. Только сначала я хочу выпить за всех вас, за ваше гостеприимство, за широкую и открытую душу, за доброту, ласку, радушие и отзывчивость. Будьте всегда здоровы. Желаю только этого. Можно в этой жизни купить всё, а вот здоровье – никогда и нигде.

– Как хорошо сказал. За это не грех и выпить. И тебе, Коленька, здоровья и всего хорошего.

– Ну а теперь слушайте, – Николай положил на тарелку самого большого карася. – Родом я из Воронежской области, из города Павловск, что стоит на величавой реке Дон. Закончил Московскую медицинскую академию и направлен хирургом в Пензу. Жил-жил и вот на тридцатом году к вам приехал.

– Женат? – поинтересовалась Маргарита Николаевна.

– Нет, – замотал головой Николай.

– У женщин главный вопрос – женат человек или не женат, будто только в этом заключается весь смысл жизни, – нахмурился дядя Паша.

– Уймись, Павел Николаевич. У вас, мужиков, все вопросы только к водке и сводятся. А родители кто? – снова она задала вопрос.

– Мама...

Дверь резко распахнулась – и на кухню влетела в цветастом платье и фуфайке симпатичная рыжеволосая девушка с ямочками на щеках. Её большие карие глаза светились огнём, по щекам расплескался румянец, сквозь который проглядывали мельенькие веснушки, а грудь от быстрого бега вздымалась то вверх, то вниз. Она с изумлением смотрела на всех, явно не понимая причины этого застолья.

Николай залюбовался этим прелестным творением. В её лице было что-то первозданное, наивное и вместе с тем организованное и ответственное.

– Бабушка, – она резко остановилась, – у нас только что коровка отелилась. Мама послала тебе сказать, что тёлочка родилась. Ой, а я и не знала, что у тебя гости. Здравствуйте, – она вскинула глаза на Николая и улыбнулась ему, как старому знакомому. – Дядя Паша, как улов?

– Весь на столе.

– Ого! Как вы умудряетесь всегда столько много рыбы поймать? Потрясающе! Если бы ловили на соревнованиях, всегда бы на первых местах были. Научите.

– Поцелуй, научу.

– Павел Николаевич, у тебя с годами бес в ребро всё глубже и глубже проникает, – улыбнулась Маргарита Николаевна и

повернулась к Николаю. – Коля, знакомься, моя любимая внучка Леночка. Между прочим, в этом году закончила Воронежскую, заметь – Воронежскую, государственную лесотехническую академию. Теперь она инженер по садово-парковому и ландшафтному строительству. Через две с половиной недели уезжает наша любушка в Чебоксары. Даль-то какая, Господи! И в Чувашию... Я так за неё боюсь! Будет там красоту насаждать. Хотя... в наше время о красоте мало кто думает. Вся красота концентрируется в деньгах. А кто имеет эти деньги, на красоту мало обращает внимания. Они из денег делают деньги. Фокусники, одним словом. Присаживайся, дочка, к столу. Познакомься с моим гостем из Пензы, хирургом Николаем...

– Просто Николаем, тётя Рита.

– Это друг тёти Маши и дяди Сени. Он вместе с Семёном работает в больнице.

– Здравствуйте. Лена, – она слегка подогнула колени. – Какими ветрами вас занесло к нам в глушь?

– Вы извините меня, – Маргарита Николаевна встала, – пойду посмотрю на коровку. Паша, и ты со мной иди, может, помочь что надо. В этом деле мужская сила иногда очень даже требуется. Нечего тебе тереться среди молодых.

– Да я... – попытался возразить он. Уходить от такого стола ему явно не хотелось.

– Пойдём, пойдём. Там за отёл тебе ещё перепадёт. А молодые пусть побеседуют.

Что-то бурча себе под нос, Павел Николаевич встал и вместе с тётей Ритой направился к выходу.

10

– Давайте, Леночка, выпьем за знакомство с вами. За знакомство со мной все уже пили. А вот мы с вами пока люди незнакомые. Только рюмочку найдите чистую.

– Я вообще-то к алкоголю отношусь отрицательно. Но за знакомство с таким большим гостем выпью обязательно, – она встала и в стареньком серванте взяла тарелку, вилку и рюмку. – Только мне половину рюмочки. Хорошо?

– Как скажете.

Они выпили. Лена закусила помидором.

– Почему вы не едите?

– Если честно, то мы с мамой час назад как поужинали. Правда. Есть абсолютно не хочется.

– Тогда у меня предложение. Пойдёмте на улицу. Я жутко хочу курить. А вы курите?

– Нет. И даже ни разу не пробовала. Только накиньте бабушкин ватник. На улице свежо. Не хватало вам приехать и простудиться здесь.

Они вышли на улицу. Было действительно прохладно. Николай инстинктивно передёрнулся.

– Леночка, я сбегая надену ещё свитер. И правда очень холодно. Вам взять что-нибудь тёплое?

– Не надо. Мы к таким переменам погоды привычные. Лес рядом, – благодарно улыбнулась девушка. – Коля, а действительно, почему вы приехали именно к нам? – спросила Елена, когда Николай вышел в толстом свитере, бабушкином ватнике и закурил.

– Вы против моего приезда? – засмеялся Карпенко.

– Конечно, нет. Даже рада. Извините, что не так сформулировала свой вопрос. Но вы же могли поехать куда угодно. На юг, на восток... Правда?

– Разумеется, мог. Но мне захотелось сходить с вами завтра за грибами. От этого желания другие аргументы отпали сами собой.

– Как здорово! – захлопала она в ладоши. – Я тоже собиралась завтра в дальний лес. Мама просила набрать белых грибов. На зиму засушить надо. Знаете, как вкусно! Мы таким образом много заготавливаем. Часть продаём, а они стоят нынче очень дорого, другая – идёт в пищу. До весны хватает. А вы мотоцикл водить умеете?

– Нет. А зачем?

– Как зачем? Не пешком же туда идти. Знаете, как далеко... А потом их везти назад на чём-то нужно. А это не один десяток килограмм. С лукошком много не находишься.

– Так у меня же машина.

– Эта? – она ткнула пальцем в темноту. – Никуда не годится. На ней только по хорошей дороге ехать, а не по лесу.

– И как же быть?

– Я поведу.

– Вы? – удивился Николай.

– Я. А что здесь такого? У нас этому делу все с детства обучены. И на лошади, и на мотоцикле, и даже на тракторе, – гордо похвасталась Лена.

– Ничего себе!..

– А как вы хотите? Это в городе в магазине всё купить можно. А здесь... Пойдёмте в дом. И правда, прохладно становится, аж пар изо рта идёт. Куда лето подевалось? А потом, я очень дяди Пашиных голубей люблю. Он их готовит как-то по-особенному, а секрет не раскрывает. Не могу выпытать. «Целуй, – говорит, – тогда скажу». Сто раз целовала, но он правду так и не говорит, – засмеялась Лена. – Всё равно выпытаю, куда не денется.

Они вошли в дом.

– Я сейчас быстренько духовку зажгу, отоплю немного. Дом старенький, быстро остывает.

– Не надо, Леночка, тепло в доме.

– Это сейчас тепло, а утром замёрзнете. Кого я тогда в лес повезу? Ледышку?

– Не страшно одной в лес ездить? А вдруг волки, кабаны?.. Да мало ли кто...

– Страшно – не страшно, но жутковато бывает. Я младшую сестру с собой беру (она сейчас гостит у второй бабушки) или дядю Пашу, правда, он тяжёл на подъём. Ну вот и горят наши дровишки, потрескивают. Сейчас и плита горячее станет. Подогреем немного нашу дичь и рыбу. Холодные они не так вкусны.

– Леночка, ещё по чуть-чуть? Чтоб кровь не стыла.

– Разве что кровь. Но это последняя и для меня, и для вас. Завтра подъём в четыре часа утра. Я заезжаю – и вы уже готовы. Даже чай попили.

– Ого! А чего так рано?

– А потому, что ехать почти полтора часа. Потом небольшой завтрак, а затем – сбор грибов. И надо опередить всех желающих. А то останемся с носом.

Чокнувшись, они выпили.

– Что вам подать – рыбу или пернатых?

– Рыбу. Лена, почему мы с вами на «вы»? На «ты» как-то доступнее и проще.

– Согласна. Если не придёт бабушка, я поищу одежду, в которой ты завтра поедешь.

– О, как сложно...

– Считай сам. Сапоги. Кстати, какой у тебя размер обуви? С этим ошибиться никак нельзя. Промахнёшься – дорога внесёт поправку сразу.

– Сорок второй.

– Дальше. Носки или портянки, иначе ноги до костей сотрёшь, тёплые брюки, свитер, не такой вот красивый, что на тебе сейчас, а рабочий, фуфайку, шапку, перчатки, корзину и нож... Кажется, ничего не забыла, – задумалась она.

Когда Лена всё это перечисляла, Николай, слегка прищурившись, любовался её практичностью и деловитостью. В это время с ним говорил вековой опыт поколений, прожитых в этих местах. Как резко она отличалась от всех тех девушек и женщин, которых он знал раньше. Он легко вздохнул и улыбнулся.

– Я что-то не так сказала, что-то, наверное, пропустила? – встревоженно спросила она.

– Нет-нет, всё так. Просто мне хорошо и легко сейчас... с вами.

Щёки Лены сделались пунцовыми.

– Ну, конечно, забыла, – она попыталась выйти из этой неловой для неё ситуации, – обязательно еду надо взять и водичку. В лесу знаешь как быстро аппетит нагоняется? Ну, это я беру на себя. А сейчас сходи покури, а я у бабушки по сусекам поскребу.

Когда Николай вернулся, на стуле горкой возвышалось всё то, что он обязан был утром надеть. Рядом стояли огромные резиновые сапоги.

– Знаешь, Коля, – было видно, что Елена расстроена, – сапоги сорок пятого размера. Другой обуви у нас нет. У деда была огромная нога. На носки накрутишь портянки. Ты их наматывать умеешь?

– Никогда не пробовал, как-нибудь справлюсь, – теперь Колины щёки налились краской.

– Горе ты моё, – сокрушённо произнесла Елена. – Здесь как-нибудь не получится. Ты должен из этого похода вернуться на своих здоровых ногах. Если дядя Паша не спит, я у него попрошу. Нога

у него точно поменьше дедовой будет. Ну а если спит, без меня ничего не мотай. Я приду утречком и всё сама сделаю. А ты сейчас ложись спать. Бабушка показала, где ты будешь спать?

– Показала.

– Давай я помогу застелить тебе диван и достану толстое одеяло.

– Так ведь рано ещё.

– Ничего не рано, не спорь. Ты утром должен по лесу бодрым ходить, а не с закрытыми глазами. Одежду надо занести к тебе в комнату, чтобы завтра в потёмках её не искать.

Они зашли в комнату, где поселился Николай.

– А бабушка бельё не давала? Придётся на полу спать, – засмеялась она. – Не переживай, сейчас всё организую. Ты пока диван раскладывай.

Через десять минут всё было готово к принятию горизонтального положения.

– Туалет, умывальник знаешь где. Советую побывать и там, и там. Готовься, а я немного на кухне приберусь. Будильник заведу.

– Не надо. Я на телефоне выставлю.

– Как хочешь, но я всё равно заведу.

– Я тебя проводить хотел, – сопротивлялся Николай, чувствуя, что его глаза непроизвольно закрываются сами собой.

– Мне идти два шага. Мы через дом живём. А завтра находишься целый день, что и провожать не захочется. Спи. Спокойной ночи, – она закрыла дверь и вышла.

Выставив будильник на три часа тридцать минут, Николай разделся и юркнул под одеяло. Уже сквозь сон он слышал приглушённые голоса тёти Риты и Лены, а потом и это вскоре всё исчезло.

11

За окном послышалось урчанье мотоцикла, прозвенел будильник. Карпенко быстро вскочил с постели, зажёл свет и принялся надевать приготовленную одежду. Это не заняло много времени.

Ступая на цыпочках, он вышел на кухню. На столе дымился чай. Тётя Рита и Лена сидели за столом.

– Коля, каждая инициатива наказуема, даже разумная. Может, не поедешь за этими грибами? Ляг, поспи маленько, – хитро прого-

ворила Маргарита Николаевна. – А их нам к вечеру Ленуся принесёт. Захочешь – днём ходим за маслятами. Здесь не далеко. А то с непривычки и в такую даль... Постепенно надо увеличивать нагрузки. Завтра и подняться не сможешь, так устанешь.

– Бабушка, не подавляйте благие намерения. Отдых подразумевает активную деятельность. Вот провалается он целый день в койке и ничего не увидит. Ни медведей, ни лису...

– У вас здесь и медведи водятся? – удивился Николай.

– Слушай ты её больше. Какие здесь медведи? Тут теперь и заяц в диковинку, всё постреляли браконьеры.

– Ну, с Богом! – встала Лена. – Пожелай нам, бабушка, удачи. Со всем забыла. Коля, примерь вот эти сапоги. Вчера у дяди Паши выцыганила. Он как услышал, что мы едем, с нами начал собираться. Еле отговорила. Ну как, не велики?

– Строго по ноге. Как будто в них родился.

– Не нужны портянки?

– Нет, Леночка, всё очень хорошо.

– Тогда вперёд! Нас ждут великие дела!

На улице было сухо и не очень холодно. Кое-где на траве лежал изодранный в клочья туман.

Лена надела шлем, мастерски завела мотоцикл.

– Садись сзади и держись крепко. В коляске лежит ящик, в который и будем складывать грибы. Это для них место! – прокричала она. – Ты хоть в грибах толк знаешь?

– Только за столом.

– Понятно.

Ехали быстро. Было видно, что Елена колесит на этой технике с малолетства. Николай вначале держался за ручку, но его так сильно болтало, что стало ясно – вскоре он может упасть, а этого очень не хотелось.

– Лена, я уцеплюсь за тебя, иначе свалюсь! – крикнул он ей в шлем, приподнявшись на подножках.

– Конечно! Так надёжнее.

Николай обхватил её за талию и прижал голову к спине. От этого прикосновения сразу сделалось спокойно, легко и очень приятно. Он впервые почувствовал тепло родного, хотя ещё и очень далёкого, человека. В этой девушке не было показного кокетства,

изошрённости, высокомерия и тем более превосходства над другими. В ней чувствовалась природная жизненная деловитость. От неё исходило спокойствие и уверенность в своих силах и действиях. И самое главное – доброта и человечность. Редкие качества не только для женщины.

«Как она резко отличается от всех городских женщин, – думал Николай, – избалованных деньгами и вниманием, которые только и ждут, когда к их холёным ногам мужчина положит свою гордость. Их чувства и любовь соизмеряются с деньгами и подарками, а от зазубренного стандарта постельных фраз порой даже тошнит. А сколько гонора, завышенной самооценки! Эта же девочка, проучившись пять лет в академии, не набралась городской пошлости, осталась оазисом на огромном поле нечистот. Кажется, наконец-то я нашёл родную душу. Если у неё никого нет, обязательно женюсь. И дорожить ею буду, и беречь, и любить... Она должна быть очень нежной и любящей женой», – неожиданно для себя принял он судьбоносное решение.

От монотонной качки, нежности и истомы Николай ещё крепче прижался к Лениному телу.

– Николай, просыпайся, приехали.

Автоматически он продолжал прижимать к себе девушку. Придя, наконец, в себя, он спрыгнул с мотоцикла и принялся разминать затёкшие ноги.

– Сколько мы ехали?

– Минут сорок, не меньше.

– Ого! А ты знаешь, мне такой чудный сон приснился. Сон в руку, – быстро произнёс он.

– Какой, расскажи.

– Обязательно расскажу, но не сегодня.

– Бери корзинку, нож и тихонечко пошли. Идём параллельно. От меня далеко не отходи. Всё, что найдешь, вначале показывай мне и лишь потом бросай в торбу. Быстро разберёшься, где белый гриб, а где тот, который нам сегодня не нужен. Наш гриб заметить сложно. Он, как правило, прячется в траве, прикрыт иголочками или скрывается за упавшими крупными сучьями. Растёт один, но в ближайшем его окружении можно собрать их целое ведро. Шляпка

для маскировки коричневая, а ножка толстая, белая, углублена в траву, поэтому вокруг него разгребается всё, а потом срезается. Понял? А теперь очень внимательно осмотришься и найди мне три гриба. Они все у тебя почти под ногами.

Николай устремил глаза в землю и принялся внимательно изучать пространство под собой.

– Вижу, вижу! – радостно закричал он. – Вот один, вот второй, а третий пока не нахожу.

– Умничка! А третий вон под корягой спрятался. Видишь?

– Да, теперь вижу.

– Молодец! Из тебя получится хороший грибник. А теперь срежь свою добычу, только давай я покажу тебе, как это надо делать, не травмируя грибницу.

Она нагнулась, аккуратно пальцами освободила ножку и у самой земли срезала её.

– Вот таким образом и следует поступать.

– Всё понял, учитель.

– Раз понял, тогда с Богом. Ты иди прямо, и главное – не спеши и ни на что не отвлекайся, а я пойду метрах в пяти от тебя. Наполнишь корзинку, носи к мотоциклу, пересыплешь в ящик – и снова на поиски. Коля, и с куревом очень аккуратно, чтоб беды избежать. Покури лучше сейчас, а я подожду.

Они молча брели по лесу. Лена то и дело нагибалась, срезая добычу, а Николай, хоть и напрягал своё зрение, находил грибы не часто. Она уже несколько раз ходила к мотоциклу, а он никак не мог наполнить свою плетёнку до краёв.

– Есть, первая! – победоносно прокричал он, радостно поднимая над собой полную корзину грибов.

– Поздравляю! Отдохни минут десять. Мне осталось немного – и пойдём перекусим. Кушать хочешь?

– Есть немного.

– Потерпи. Я быстро.

Николай сел под деревом и с наслаждением закурил. Ноги гудели, спина ныла.

«Превращаюсь в развалину, – подумал он. – Надо заняться физкультурой, а утром ещё и бегать».

Он не услышал, как подошла Лена, присела рядом.

– Устал, Коленька? Вот такая у нас она, крестьянская жизнь. От ранней весны до глубокой осени не разгибаем спины. А разогнём – город с голода погибнет. Вставай, пойдём потихонечку.

– Давай мне, Леночка, свою ношу, я понесу.

– Не тяжело будет?

– Нет. Один положительный вывод я для себя уже сделал.

– И какой, если не секрет?

– От малоподвижного образа жизни и работы начал оплывать жиром. Приеду – займусь собой. Физкультура, пробежки... Не хочется состариться раньше времени.

– Это слова или...

– Это – действие. Мужчина сказал – мужчина сделал. Никогда не позволяю себе лгать, а тем более другим. А с другой стороны, подтянутый мужчина больше нравится женщинам.

– Завидное качество... Замри! – прошептала Елена. – Посмотри вон на ту сосну, – она показала глазами. – Только не делай резких движений. Видишь белочку?

– Где? – тоже шёпотом спросил он.

– Справа, на третьей сосне от нас. Сидит на самом стволе, между двух огромных веток.

– Вижу, вижу. Как здорово! Раньше мне не приходилось в лесу лицезреть такую красоту! Хотя и вырос тоже на природе. Правда, «на природе» – громко, наверное, сказано.

Лена хлопнула в ладоши – и белка, прыгая с ветки на ветку, исчезла из вида.

– А откуда ты родом?

– Есть такой древний город в Воронежской области, на слиянии рек Дона и Осередь, который называется Павловск...

– Он основан, год не помню, Петром I, как военная верфь, где строили боевые корабли. А возвели его шведы, пленённые при Полтавской битве. А недалеко от города, в Шиповой дубраве, растут корабельные сосны. Так? Или, может, что-то поменялось? – лукаво поглядела на Николая Елена и весело рассмеялась.

Он, вытаращив глаза, с изумлением смотрел на неё.

– Откуда ты это знаешь?

– А вот и не скажу. Мучайся теперь, – и она снова засмеялась. – Просто мы там были в июле прошлого года на преддипломной

практике. Почти целый месяц. Я там всё обошла. Даже в Пещерном монастыре была. А если бы знала, что ты оттуда, непременно бы в гости зашла.

– Как тесен мир! Я просто шокирован! Мы же с тобой могли ходить по одним улицам, купаться на одном пляже... Даже ехать в одном транспорте. Я в это время был у родителей в отпуске.

– А вот теперь я тебя вспомнила.

– Не может быть!

– Может, может. Помню как сейчас. Это было в воскресенье. Мы с подружкой сидели в летнем кафе, ели мороженое, и подошли вы. Вас было четверо: ты, молодой человек и две девушки. И у вас был какой-то спор. Детали не помню, но, кажется, по поводу чьей-то свадьбы. Ты был в джинсовых шортах, шлёпанцах на босу ногу и чёрной с большими вырезами майке. У тебя на левом плече есть продольный шрам?

– Да, – ошеломлённо ответил Николай.

– Значит, всё сходится. Я, в первую очередь, на него-то и обратила внимание.

– Это я в школе стеклом порезался. Мы подрались с парнем, а потом я убежал через окно от учителя физкультуры. Выходит, и правда мы виделись, коль такие подробности ты мне рассказываешь. Этот парень – мой двоюродный брат. Одна девушка – его будущая жена, Света, а другая – её свидетельница. А спор действительно шёл – в каком месте играть свадьбу. Да-а-а... Как в сказке! Рассказать кому – не поверит.

– Вот мы и пришли. Высыпаем грибы. Наш ящик полон. Мы молодцы!

– Особенно я.

– Велика беда начало. Пару таких походов – и станешь настоящим грибником. Нам осталось собрать ещё по корзинке, и можно будет двигаться в сторону дома. Это мы быстро вдвоём сделаем. Или ты устал?

– Нисколечко.

– Обманываешь. А говорил, что такого не допускаешь.

– Разве что немножечко.

– После еды здесь отдохнёшь, а я мигом обернусь. Снимаю перчатки, руки помоем.

Они, лёжа на толстом покрывале, предусмотрительно взятом Леной, ели не торопясь. Сказать честно, Николай проголодался так, что готов был поглотить всё не пережёвывая, но переборол себя. Эгоизм и жадность не лучшие союзники человека. Удовольствие, и не только от пищи, надо растягивать.

– Коля, а трудно врачом быть?

Николай задумался. Опять трагическая история промелькнула перед глазами. Он с жадностью закурил.

– Жутко ответственно. Ведь решение всегда принимаешь сам. Ты один на один с болезнью, а иногда и со смертью. Больной смотрит на тебя, как на Бога, и свято верит в своё исцеление, в твои знания и руки. До слёз обидно, если обманешь его или проиграешь сражение...

– Я, наверное, не смогла бы быть медицинским работником. Не подумай, я крови не боюсь. Просто врачом нельзя стать. Им надо быть! Врач – это та профессия... – Лена замолчала. Было видно, как она ищет нужные слова. – Как художник или писатель. Дюжий талант должен быть. И огромная душа. Без этого... Без этого нельзя быть медицинским работником. И непременно доброта. Злой человек во всём жёлчный. Учителю и врачу таким быть нельзя. Это большое горе. И там, и там искалеченные жизни. Так мне кажется, – она слегка улыбнулась. – Я права?

– На все сто процентов. Сейчас, действительно, слишком много тех, кто знания покупает за деньги. В таком вузе, как медицинский, не должно быть коммерческого обучения. Это преступление, когда, кроме халата, у врача нет ни знаний, ни первоначального опыта, ни навыков.

– Как страшно...

– Ты сравнила врачей с художниками и писателями. Каждый может нарисовать домик или ёлку, но у одних они будут кривыми, а у других естественными, как на фотографиях. Я реалист и не понимаю Пикассо, современную живопись, состоящую из хаотичных мазков или абсолютного незнания анатомии человека. Какая прелесть в «Чёрном квадрате» Малевича? Это искусство? Как можно говорить, что это красиво? Квадрат красивый? Айвазовский, Брюл-

лов, Куинджи... Это красиво. И это вечно. Этих людей Бог помазал. Или, опять же, взять скульптуры Церетели...

– Коля, ты говори и ешь. Ну их, этих художников...

– Приведу еще тебе пример врачей-писателей: Булгаков, Чехов, Аксёнов, Горин, Лем, Вересаев, Рабле... И этот список очень большой. Став писателями, они положили конец врачебной практике. Я вот тоже, под настроение, пишу стихи, но поэтом себя не считаю. Человек талантлив может быть только в одном, всё остальное хобби. Это сугубо моё мнение.

– Я этих писателей знаю, но что они были врачами, слышу впервые, кроме Чехова, разумеется. Коля, а ты можешь почитать свои стихи?

– А грибы кто будет собирать?

– Я, – твердо заявила Елена. – А ты читать. Будем совмещать приятное с полезным. Ты наелся. С голоду теперь не умрёшь? Еще минут сорок, максимум час потерпи – и поедем.

– С такой хозяйкой, как ты, Леночка, разве можно умереть? А ещё такую благоприятную обстановку создаёшь, что отказаться просто невозможно, – засмеялся Николай. – Только, пожалуйста, не суди строго. До профессионала мне очень далеко.

– Не скромничай.

– Я только попрошу тебя идти чуть впереди, а то я немного смущаюсь. Всё-таки первый раз выношу своё творение на суд строгого зрителя.

– Скажешь тоже... Нашёл во мне взыскательного критика, – Елена зашагала немного быстрее.

– Тогда слушай:

*И солнышко скрывается за тучи,
И лето осенью уходит вдруг от нас,
И грустно на душе. И день короче,
И жёлтый лист летит, по воздуху кружась...
Так с человеком иногда бывает:
Идёт-идёт неведомо куда,
То пенье птиц его в лесу ласкает,
То вдруг случается беда.
Земля моя, мы все немного дети.*

*Живём, творим, смеёмся и грустим,
И знаем – нет на белом свете
Светлее тех, кто любит и любим.
Бывают в жизни промахи, ошибки,
Бывают всплески и паденья вниз,
Но ничего милее нет твоей улыбки,
И как пощёчина – мне твой большой каприз.*

Лена слушала, а Николай искоса наблюдал за её реакцией.

Долго шли молча.

– Здорово! Молодчина! Тебе нельзя бросать писать.

– Леночка, я врач. Им и останусь. А стихи?.. Стихи – это озарение души. И приходит оно, к великому сожалению, не так уж часто, как хотелось бы.

– Коля, впереди тебя два гриба. Не раздави.

– Как ты их видишь?

– Опыт, плюс мастерство. Пересыпай свою добычу в мою корзину и неси к мотоциклу. Ничего не делай, поставь рядом с ним и жди меня. Я быстренько. Не успеешь и два раза моргнуть, как я приду. Посиди, поскучай, покури... Чтоб не выбрасывать, доешь там всё.

– А можно оставить птичкам?

– Птичкам можно.

13

Обратно ехали очень тихо.

Николай смело, без всякого на то спроса, сразу обхватил Елену за талию и ещё крепче прижался к ней.

– Лена! – прокричал он, перекрикивая шум работающего мотора. – Тебе не кажется, что мы сегодня стали ближе друг другу?

– Не только кажется, но и хорошо чувствуется.

– Я просто иначе не могу. Утром чуть не свалился.

Она остановилась.

– Что произошло, моя властительница? Горные потоки снесли мост, и мы должны переправиться вброд? Не слезайте со своего железного коня, я подниму его вместе с вами на вытянутые руки и перейду эту бурную реку. Ваши нежные ножки не должны промокнуть.

– Не волнуйтесь, сударь, – Лена с охотой поддалась весёлому настроению Николая. – Рабы, бегущие впереди нас и указывающие дорогу, уже навели переправу и ждут нас на том берегу. Но вам сейчас придётся слезть и продемонстрировать недюжинную силу в другом. Впереди наш путь размыт, и чтобы мы не съехали в кювет и не перевернулись, надобно метров пять коляску придавливать в сторону дороги. Для этого разрешаю расцепить руки. Нет, нет, переживать сильно не надо, скоро они снова займут своё законное место.

– Такое положение дел меня очень даже устраивает.

Они слезли, осмотрели дорогу. Решив, что безопаснее будет тащить технику волоком, благо что участок небольшой, они приступили к рабскому труду. Николай, обливаясь потом и поминутно падая на скользкой дороге, толкал мотоцикл сзади, а Лена рулём сдерживала его от заваливания. Казалось, что этот путь бесконечен.

Наконец страдания закончились и они вышли на ровную дорогу.

– Лена, – просипел Николай ссохшимся ртом, стирая грязными руками пот со лба, – у нас вода осталась?

– Нет. Я её вылила. Кто же мог подумать, что такое может произойти. Чего я решила другой дорогой поехать, даже не знаю.

Наконец она не выдержала и залилась задорным смехом.

– Ты бы видел сейчас себя, – произнесла она. – Извини за сравнение, но местные кабаны гораздо чище тебя, – и она снова согнулась от хохота.

– Значит, я уже не прижмусь к тебе, – тоже засмеялся он.

Услышав эти слова, Лена в новом припадке смеха со всего маха грохнулась на колени.

– Ой, спасите меня! Не могу больше! Здесь недалеко, метров через пятьсот, есть родник. Буду приводить тебя в порядок, а заодно и жажду утолим. Ты уж и правда пока не прижимайся ко мне, а то и я превращусь в свинку. Тогда бабушка меня в угол поставит, – снова прыснула она.

На дне небольшого оврага, густо поросшего кустами орешника, весело журчал ручеек. Было тихо. В кустах неистово гомонила птичья живность.

– Раздевайся! – скомандовала Лена.

– Какое интригующее предложение! Снимать всё?

– Для начала фуфайку и брюки, – улыбнулась она.

– Жаль! А...

– Пока я буду соскребать и смывать следы твоего трудового подвига, тебе разрешается курить и рассказывать мне что-нибудь интересное.

– Хотя это радует, но гораздо меньше.

Напившись, Николай помыл руки, лицо и, привалившись спиной к дереву, с наслаждением закурил.

– Что же тебе, Леночка, рассказать интересного?

– Чтобы мне не грустно было работать.

Она расстелила фуфайку на склоне и с усердием принялась ножом и мокрой тряпкой счищать и смывать липкую грязь.

– Хорошо. Слушай быль из врачебной практики. Говорят, кто кем работает, тот тем и болеет. Иногда практика это подтверждает. Трудится у нас в поликлинике Нина Максимовна, психиатр. Не знаю, сколько ей лет, но она явно качала в люльке Сталина. За что её начальство держит до сих пор, не понятно. Помимо старческого маразма, она сама является бесценным пациентом психиатрической больницы. Приходит как-то к ней работница из школы-интерната подписать документы на освидетельствование детей-инвалидов. А она как взъерепенится: «Не буду подписывать – и всё. Я здесь на вас драгоценное время трачу, подписываю и подписываю... Пусть ваш начальник мне платит четверть ставки». «Нина Максимовна, ну подпишите, пожалуйста, мне ещё кучу врачей надо оббежать». «Подписывать не буду. Пусть платит мне четверть ставки – и всё», – уперлась маразматик-психиатр. «Пусть платит, – расстроено говорит девушка, – мне-то что? Звоните ему. Это же не в моей компетенции». «Диктуй номер!» Ольга, так звали эту девушку, называет цифры телефона своего начальника. Нина Максимовна берёт со стола калькулятор, подслеповато вводит их в него, прикладывает к уху и прислушивается. «Молчит. Не отвечает. Ты правильно продиктовала мне цифры?» – и подносит к её лицу калькулятор. «Конечно, правильно, Нина Максимовна». «А почему молчит?» «Наверное, из кабинета вышел», – подала голос сидящая

за другим столом медицинская сестра, корчась в муках от внутреннего смеха. Ну, как повесть?

– Коля, неужели такое может быть? – засмеялась Лена. – Это же полное раздвоение личности.

– Даже ты, далёкий от медицины человек, понимаешь это, а главный врач, купивший себе звание заслуженного врача, на это не обращает никакого внимания. Он лишь любуется собой и подавляет всеми средствами инакомыслие. Вокруг дурака должны быть только дураки. Ему с ними очень легко работать. Умный вопросы задаёт, а на них надо здраво ответить. А дураку это сложно.

– И ты под его началом работаешь?

– Спаси и сохрани. Я тружусь в больнице, а это поликлиника нашего района. У нас ум ценят.

– Я сейчас тебе тоже быстренько расскажу подобную историю. У нас шли занятия по органической химии и зачем-то преподавателя вызвал декан. Чтобы мы не выходили за рамки приличия, он позвал в класс посидеть лаборанта. Ей тоже, наверное, было лет восемьдесят, не меньше. Поговаривали, что она тёща ректора. Та села за стол, положила рядом с журналом очки. В это время у неё зазвонил телефон. Она не торопясь надела очки и с важным видом говорит: «Алё». Мы сначала оторопели, а потом захохотали как умалишённые.

– Каких только историй в нашей жизни не бывает, – засмеялся Николай и снова закурил.

– Ну что, поехали? – поднялась с земли Елена, придирчиво оценивая свою работу. – Что смогла, то сделала. Ехать придётся без фуфайки и брюк. Они мокрые. Не замёрзнешь? А то давай своё всё отдам. Дома постираю. Правда, погода плохая. Придётся протопить баню. В парилке за пару часов всё высохнет.

– У вас баня есть? Как здорово! А можно туда попасть?

– Почему же нельзя? Вечером приготовлю. Дядю Пашу возьми с собой, чтоб не скучно было. Давать тебе мою фуфайку?

– Тогда и брюки тоже.

– Ишь какой хитренький! За попытку подрыва моральных устоев лишаю тебя и того и другого. Солнышко светит, не замёрзнешь, тем более ехать нам минут двадцать. Разрешаю прижаться ко мне ещё крепче, а на спину накинь покрывало.

– Тогда не будем спешить. Двадцать минут для нас не время. Хочу быть Робинзоном!

– Поехали, Робинзон, а то и правда простынешь. Мне тогда головы не сносить.

– Поехали, мой повелитель! А можно я вас поцелую?

– Можно. Только в защитное стекло шлема.

14

Заслышав шум приближающегося мотоцикла, Маргарита Николаевна вышла за калитку на улицу. На её лице сияла довольная улыбка.

– С возвращением вас. Как успехи? Обед вас уже заждался. Сегодня обедаем у тебя, красавица. Мама уже всё приготовила.

– Бабушка, посмотри, сколько мы набрали грибов! Если бы не Коля...

– Молодцы! Какие молодцы! – она подняла взгляд на Николая. – А ты почему такой мокрый и... голый?

– Вспотел, – усмехнулся он.

– Ого! Лена, где он умудрился фуфайку и брюки так вымазать?

– Лена сказала, что эти грибы надо собирать ползком, – залился Николай радостным смехом.

– Елена, что это за новости? – строго спросила внучку Маргарита Николаевна.

– Бабушка...

– Тётя Рита, не гневайтесь, пожалуйста. Это я толкал нашего железного коня. Было скользко, и я несколько раз упал. Леночка у родника помыла и почистила брюки и фуфайку.

– Бабулечка, не переживай, я сегодня всё постираю, и за ночь в парилке они высохнут.

– Баню мама твоя уже истопила, пусть Николай помоется после такого путешествия. Коля, – повернулась она к Карпенко, – сполосни руки и возьми чистое бельё, я тебе его на кровать положила, и пойдём в гости к Елене. Но через баню. В таком непотребном виде в гости приглашать грешно.

– Этот вопрос мы уже с ним решили. И дядю Пашу позовём.

– Ваш дядя Паша сегодня ко мне раз шесть навывался. Вот скажи ему, куда вы поехали, и всё. Выцыганил у меня сто пятьде-

сят граммов водки. Ещё хотел, но я его выпроводила. А вот и он, лёгок на помине. Давай, Коля, идите мыться. А мы с дочкой и внученькой уж после вас помоемся. Обедать будем не раньше чем часа через два. Не вздумайте с голоду помереть! – засмеялась она.

Подошёл Павел Николаевич. От него пахло дымком и всем тем, чем обычно пахнут бани.

– Всё готово. Можно идти париться. Пиво охлаждается, веники с мочалками приготовлены и запарены. Только бельё чистое не забудь, – сказал он Николаю.

– Есть такое дело!

– Ну везде поспекает наш Павел Николаевич. Нигде нельзя от него ни спрятаться, ни скрыться! – недовольно произнесла Маргарита Николаевна.

– Бабушка, что ты на него сердишься? Дядя Паша сам вызвался помочь. Не отказываться же от его добрых услуг, – улыбнулась Лена. – А где мама?

– Поехала в лес. Там какие-то вырубки, надо срочно что-то сделать. Скоро будет. Паша, ты у нас командир сегодня?

– Так точно!

– Раз командир – тогда шагом марш мыться. И большая просьба, Паша, присматривай за гостем, чтоб с человеком плохо не было, не перегрелся. А то я знаю – ты любишь парку поддать. Он к твоим штучкам не привычный. Будет жарко – уличную дверь открывайте. Ну идите, идите. А мы тут своими делами займёмся. Мыло в бане на полке. И шампунь тоже, – Маргарита Николаевна протянула Николаю пакет с бельём: – Лёгкого пара! Да, чуть не забыла, чаёк вам целебный заварила. На столе стоит. Обязательно попейте.

– Спасибо, – махнул рукой Николай.

15

Баня искренне удивила Николая своим простором.

В предбаннике на столике стоял горячий самовар, а из заварного чайника исходил терпкий травяной дух. В помывочной располагались две лавки с тазами, чаном горячей воды и огромной бочкой с холодной. За ней парилка с гранитными валунами у стенки и просторной лежанкой из двух широких полок.

Они разделись. Николай бросил свою грязную одежду в дальний угол.

– Готов? – спросил Павел Николаевич.

– Всегда готов! – пошутил Карпенко.

– Тогда надеваем шапки – и в парную! Ты какую баню предпочитаешь – финскую или нашу?

– Абсолютно всё равно.

– Тогда будет наша, – и он со всего маха выплеснул на камни таз с водой.

Помещение мгновенно накрыл густой пар. Воздух сделался вязким и насыщенным. В нём витал приятный хлебный запах с примесями ещё чего-то.

– Что вы добавили в воду? – голос Николая застревал в густом облаке.

– Ничего особенного. Запарил берёзовый веник, добавил мяту, эвкалиптовых капель и бутылку пива. Нравится? – голос Павла Николаевича звучал глухо, пробиваясь сквозь плотную пелену пара.

– Очень!

– Учись, студент. А теперь ложимся. Я на верхнюю полку, а ты пониже. Будем с тобой откисать. Потом ополоснёмся – и снова в парную. Похлещем друг друга веничком – и болезни исчезнут сами по себе.

Они легли. Николай, чтобы легче было дышать, прикрыл рот ладонями.

– Расскажу сейчас тебе, Коля, историю, как я с друзьями своими чуть не зажарился в сауне. Было это в Николаеве очень давно. Служил я тогда на флоте старшиной в электро-механической боевой части крейсера и через месяц должен быть демобилизован. Это был абсолютно новый корабль, только что построенный и сданный в эксплуатацию. Он ещё стоял у заводского причала, и наш экипаж заселили на него. Ты, Коля, служил?

– Нет.

– Плохо. Поэтому уразуметь, какими правами пользуется дембель на корабле, ты не сможешь, а рассказывать долго. Короче, он мог всё. И даже больше. Ночью, когда экипаж спал, мы вчетвером решили попариться в сауне. Протопили её как следует и полезли греть свои измученные долгой службой кости. И никто не обратил

внимания, что дверь в сауне сделана не по правилам техники безопасности и открывалась внутрь. Мало того, с внутренней стороны строители забыли прикрепить ручку. Хорошо разогревшись, собрались, значит, мы выходить, а дверь открыть не можем. Кричать бессмысленно и умирать в расцвете сил тоже не хочется. Что мы только не делали... Ногти в кровь содрали, щепочки по углам искали... А температура растёт, плюс страх, отчаянье... Вовка Голубев в обморок упал... Но Бог не дал нам погибнуть. Миша Седой раскидал камни, ладони все пожёг, а под ними нашёл согнутый гвоздь. С помощью него и открыли дверь. А так бы хана была всем.

– Дядя Паша, не могу больше. Наверное, я тоже сейчас либо зажарюсь, либо упаду в обморок. Пойду на воздух, отдышусь маленько.

– Господи Боже мой, – запричитал Павел Николаевич, – выходим быстренько. Вот старый дурак, по себе сужу... Совсем не подумал, что со мной непривычный человек. Предупреждала Маргарита, а я разговорился...

Они вышли в предбанник. Павел Николаевич открыл наружную дверь. Прохладный воздух прояснил помутившиеся мозги.

– Чайку травяного выпей. Он бодрит и сердечко успокаивает. Ложись, Коленька, на лавку, а лучше на пол. Пусть сквознячком обдует.

– Не волнуйтесь. Уже хорошо. Сейчас бы пивка!..

– Держи, холодненькое. Я бутылочки с пивом в холодную бочку кинул, – он принёс две бутылки, откупорил их и одну протянул Николаю: – Пей. В бане без пива и веника нельзя. Удовольствие снижается на пятьдесят процентов. Отошёл? С непривычки тяжело. Зато какая польза!

– Отошёл. Я там почувствовал, что разум начинает меркнуть, а прерывать вас не рещался.

– Ну и зря. Посиди ещё немножко. Потом пойдём мыться. А веничком всё равно тебя немного похлещу. А то как же – быть в бане и с веником не подружиться?..

– Баня просто шикарная. Со знанием дела человек строил.

– Это Пётр Иванович, муж Екатерины Васильевны и отец Леночки, Царствие ему небесное, – Павел Николаевич перекрестился. – Пойдём мыться, а то остыли совсем.

– А что с ним случилось?

– Он здесь у нас ветеринарным врачом работал. Четыре года назад делал прививки коровам и одна посадила его на рога. Прямо в спину их воткнула, даже почку одну порвала. До больницы не довезли, по дороге помер. Крепкий был мужик, ладный, работающий и, самое главное, справедливый. Никогда никого в жизни не обидел. И без дела сидеть не мог. Казалось, всё умел. И дом построил, и баню... Не сам, конечно, но в стороне не стоял. Уважали его крепко у нас. А судьба взяла и вот так распорядилась. Другие воруют, убивают, насилюют... и живут до глубокой старости. Вот почему так, ответь хоть ты мне.

Николай пожал плечами:

– Я и сам задумывался над этим. Не знаю, что сказать. Несправедливо порой поступает с людьми жизнь. Ой как несправедливо, – он тяжело вздохнул, собрав на переносице складки.

– То-то и оно. Любила его Екатерина, оттого и замуж ни за кого больше не пошла. Елена сноровку и статью взяла от отца. Всё у неё в руках горит. Если понравилась, Коля, женись, не прогадаешь. Не жена будет, а золото! Лучше не сыскать... Всё, хватит лясы точить. Мы сюда не за этим пришли. Айда ненадолго в парилку.

16

Через час они вышли на улицу. У Николая было чувство, что он помолодел на несколько лет. В теле присутствовала лёгкость и невесомость. Хотелось летать, парить...

Когда Павел Николаевич и Николай вошли в дом, их встретила миловидная, слегка полноватая женщина средних лет.

– Проходите, пожалуйста. С лёгким паром! Понравилась вам наша баня? – спросила она, снимая фартук.

– Спасибо. Всё очень здорово, получили неизгладимое наслаждение, не припомню, когда подобное испытывал. Мы больше привыкли к душам, ваннам... Здорово! И чай у вас там невероятно вкусный и ароматный. Не забудьте потом сказать мне рецепт.

– Хорошо, коль понравилось. Значит, угодили.

– Коля, познакомься, – это моя младшая дочь, Катерина, мать уже известной тебе девушки. Инженер по лесокультурам, – отработала Маргарита Николаевна.

- Екатерина Васильевна, – женщина протянула руку.
- Коля, – робко прошептал Николай.
- Присаживайтесь, Коля. Выпейте после баньки чайку. В вазочке сотовый мёд. И отдохните немного. А мы минут на сорок вас оставим. Пойдём, тоже смоем с себя грех.
- Николай, будем пить чай или...
- Нет, дядя Паша, только чай.
- И я с тобой солидарен. Как у вас говорят: «Нужно пополнить кислотно-щелочной баланс».
- Павел Николаевич, восхищаюсь вами! Вы столько всего знаете...
- Что я? Вот у меня жена была... Кладезь ума. Мне казалось, что она знала буквально всё, упокой Бог её грешную душу, – он смахнул накатившиеся на глаза слёзы.
- А что случилось с ней?
- Восемнадцать лет назад, как раз в эту вот пору, тоже пошла по грибы... Куда пошла, в какую сторону – никто не знает. И с той поры её нет. А лес знала как свои пять пальцев. Военные с собаками по лесу искали... Да разве в нём найдёшь кого-нибудь? На сотни вёрст тянется. Вот такая загадочная история, брат. Пойдём, пока женщин нет, покурим.

17

- Первой в дом влетела розовощёкая Елена с полотенцем, замотанным вокруг головы, сияющая свежестью, чистотой и счастьем.
- А вот и мы!
 - С лёгким паром, – восторженно произнёс Николай.
 - Спасибо большое. Мама с бабушкой сзади идут.
 - Леночка, – прошептал ей на ухо Николай, – можно я тебя поцелую?
 - Можно. Только в щёку, – тоже прошептала она. – А как же дядя Паша?
 - А мы выйдем в другую комнату.
 - Он догадается сразу.
 - Ну и пусть. Скоро все узнают, что я тебя люблю и хочу, чтобы ты стала моей женой. Ты согласна?

– Коля, – щёки её запылали, – разве можно так шутить? Я не кукла, а человек.

– А разве я похож на клоуна? Разве можно такими вещами шутить? Ты – то, что я искал. Я буду любить тебя всю жизнь. Тебя и наших детей. И если я тебе не противен, если сердце говорит «да», то ответь мне...

В это время отворилась дверь и вошли, тоже с полотенцами на головах, Маргарита Николаевна и Екатерина Васильевна. Лена быстро ушла в другую комнату.

– А вот и мы.

– С лёгким паром!

– Паша, скажи, пожалуйста, это ты нам бутылку пива оставил или сам забыл её выпить?

– Маргарита! И почему ты меня так не любишь? Что я плохого сделал? Конечно, вам.

– Спасибо, Пашенька. Я знала, что ты добрейшей души человек. Извини меня, дуру старую, чёрт попутал, лягнула не со зла.

– Чаю попили? – спросила Екатерина Васильевна.

– И чай попили, и покурили...

– Последнее можно было бы и не делать.

– Екатерина, зови гостей за стол! – прокричала из прихожей Маргарита Николаевна. – Не знаю, как мы, а у молодёжи, наверное, кишка с кишкой разговаривают. А где наша раскрасавица? Она давно от нас убежала.

– Она пошла в комнату, – сказал взволнованно Николай. – Я её сейчас позову, – и он вышел из кухни, прикрыв за собой дверь.

– Они сначала весело разговаривали, потом стали о чём-то шептаться. Елена зарделась и убежала в комнату, – донёс Павел Николаевич.

– Паша, ты давно в предатели записался? Они сами разберутся. Не маленькие уже.

– Ну вас!.. Хотел как лучше. Опять сделал себя виноватым.

– Мам, когда на стол накрывать? Я уж и не знаю, что теперь надо делать, – развела руками Екатерина Васильевна.

– Накрываем, доченька. К столу обязательно все придут. Голод не тётка.

Наконец дверь раскрылась и показались заметно взволнованный Николай и заплаканная Елена.

– Что за горюшко у вас случилось, молодые люди? Грибы не поделили?

– Гораздо серьезнее, тётя Рита.

– Тогда рассказывайте.

– Помните, как в сказке, сначала надо гостя накормить, напоить, а уж потом он будет слово молвить, – взволнованно проговорил Николай.

– Вах! – подняла руку Маргарита Николаевна. – Как красиво сказал! Ты потом, как в сказке, спать не попросишься?

– Что вы! «Солдатам стало не до сна...» – пропел он.

– Дорогой, ты случайно стихи не пишешь?

– Иногда случается.

– А если попрошу хорошо, прочтёшь бабке?

– Конечно, прочту, Маргарита Николаевна. Смею ли я вам отказать в чём-то?

– Договорились! А на тебя, королева, по какому поводу вдруг грусть-печаль напала? Или в бане угорела?

– Бабушка... Почему сразу грусть? Может, я от великого и большого счастья...

– Коль от радости – и поплакать не возбраняется. Раз все в сборе, проходите, пожалуйста, гости дорогие, милости прошу всех к нашему столу. Катя, неси картошку, я грибами займусь. Паша, пошли с нами, тоже поможешь нести, а Лена квасу холоденького зачерпнёт.

– Ба-а-а! – искренне удивился Николай, увидев, как несут к столу две громадные сковородки с грибами, одну с жареной картошкой, а на подносе огромную птицу с золотистой кожицей. – Что это за чудо?

– Я обещала сюрприз? Вот он! Удался?

– Даже очень, – замотал головой Карпенко. – А что это за птица такая загадочная? Для страуса маловата, для курицы – велика.

– Индейка, фаршированная дольками яблок и апельсина, сверху горчицей смазана. Приготовлена, между прочим, по рецепту моей внученьки Леночки. Вкуснее Пашиных голубей. Я правду говорю?

– Бабушка... – опять залилась краской Елена.

– Ты сегодня, милая, явно не в себе. Я её хвалю, а она чурается. Наоборот – должна показать самое лучшее.

Лена покраснела ещё больше.

– А это наши традиционные грибы, – показала на сковородки Маргарита Николаевна. – Здесь маслята, я их неподалёку сегодня собирала, а это уже ваши. Решила, Коля, тебя и ими побаловать. А то уедешь в свой город, кто тебе такое приготовит?

– Лена, – случайно вырвалось у Николая. И он тоже сделался пунцовым.

– Мы сядем, наконец, или будем друг друга комплиментами осыпать? – разрядил обстановку дядя Паша.

– Действительно, почему мы стоим? Рассаживаемся, а то всё остынет, – засуетилась Екатерина Васильевна. – Лена, дай Николаю на колени полотенце и ухаживай за гостем.

Павел Николаевич разлил водку по рюмкам.

– У нас на корабле старший помощник говорил так: «Метеоролог ошибается каждый день, а сапёр только один раз». За то, чтоб никто из нас никогда не ошибался! Ну и за наших дорогих и очень любимых женщин!

– Паша, наплёл всё в кучу, – Маргарита Николаевна строго погрозила ему пальцем. – К чему сапёр, к чему предсказатель погоды?.. Давайте и правда выпьем за мою дочку, которая всё это приготовила, и за праздник, который привёз нам Николай. Последнее время праздники у нас всё реже и реже. А ты, Коля, нам этот праздник взял и сюда привёз. Спасибо, Коленька, что разворошил наш спящий муравейник, – она опрокинула рюмку в рот. – А теперь хорошенько закусываем. Лена, что сидишь как неприкаянная? Поухаживай за гостем.

– Не беспокойтесь, тётя Рита, я сам. Лена, ухаживай за мной, а то пожалуюсь, – прошептал он Елене на ухо и счастливо засмеялся.

– Молодые, не шепчитесь за столом. Я вот вчера на рыбалку шёл... – начал снова разливать водку Павел Николаевич.

– Коля, ешь как хочешь и что хочешь, – произнесла Екатерина Васильевна. – А ты что, доченька, сидишь как в воду опущенная? Мы будем думать, что ты немая.

– Мама...

– Паша, дай людям поесть, – строго произнесла Маргарита Николаевна.

– Пусть едят, кто им мешает? А я пока разливаю, всё-таки доскажу начатое. Это правда интересно. Идёт мне навстречу Поликарпов и говорит: «Паша, ты чего ко мне вчера на день рождения не приходил»? Я смотрю на него с удивлением. «Гена, – говорю, – на день рождения обычно приглашают, это на похороны приходят все подряд». Он крикнул и, ничего не сказав, пошёл своей дорогой, размахивая руками.

– Молодец, Павел Николаевич, умеешь ты ответить, – засмеялась Екатерина Васильевна. – Гнилой мужик этот Поликарпов. Коля, за тобой ухаживает эта девушка?

– А сейчас разрешите сказать мне, – поднялся Николай. – Только для этого случая необходимо шампанское. Тётя Рита, оно у вас далеко лежит?

– В погреб поставила. Леночка, сбегай, принеси. На полке над картошкой.

– Хорошо, бабушка, я мигом, – быстро встала Лена.

– Я тоже схожу помогу, – Николай направился вслед за Леной.

– И я, ребята, с вами, – засуетился Павел Николаевич.

– Паша, сядь, не суетись. Лучше расскажи нам, как вы сегодня попарились.

– До чего же вы, женщины, упрямые и настёрные.

– А вы, мужики, пустоголовые и глупые.

– Почему это...

– По кочану, – сердито сказала Маргарита Николаевна. – Можно молодые побудут вместе, или тебе между ними обязательно надо стоять?

– Ты в этом плане?... Конечно, пусть побудут. Я что, против этого? Я только двумя руками «за». Они, между прочим, друг другу очень подходят.

– Слава Богу, дошло, наконец.

– Хороший Коля парень. Приятный. Нет в нём ни городской гордыни, ни надменности, – тихо сказала Екатерина. – Я бы очень хотела, чтобы они полюбили друг друга. Больше ничего доченьке своей не желаю, только счастья.

– Мне он тоже понравился, – подтвердила Маргарита. – С ним просто и легко. Вот он у нас второй день, а у меня сложилось такое впечатление, будто знаю его сто лет.

– Между прочим, я ему в бане тоже рассказывал, какая Леночка хорошая девочка.

– Спасибо, Павел Николаевич, – вздохнула Екатерина. – Ты знаешь, мама, мне кажется, Лена ему тоже приглянулась.

– Я тоже это заметила, – утвердительно сказала Маргарита Николаевна. – И Ленке он тоже нравится, факт. Что он удумал с этим шампанским? Ни с того ни с сего...

– Мам, – встрепелась Екатерина, – наверное, фужеры под шампанское надо поставить. Не пить же его из стопок.

– Ой, и правда. Чего мы сидим? Вот и ребята уже идут.

Николай налил в фужеры шампанское, встал, высоко подняв свой бокал.

– Дорогие мои, Екатерина Васильевна, Маргарита Николаевна и вы, дядя Паша. Я сейчас очень волнуюсь, и мне будет сложно подобрать именно те слова, которые я хочу произнести и которые вы бы поняли и приняли, как постигаю и понимаю их я. Хочу сразу предупредить, что каждое слово, которое я сейчас скажу, взвешено и обдуманно в моей душе и в нём нет и быть не может ни капли лжи. Я в вашем доме только второй день, но вы мне стали близкими и дорогими людьми. Это чистая правда. Дорогая Екатерина Васильевна! Я люблю вашу дочь, и она любит меня. Мы с Леной сумасшедшие люди. Да. Пусть будет так. Сумасшедшая любовь проходит быстро, любовь двух сумасшедших людей не проходит никогда. Я где-то слышал: симпатия – это когда нравится внешность, влюблённость – когда нравится и внешность, и характер, а любовь – это когда нравятся даже недостатки. Но недостатков в Леночке я не нашёл. – Николай заговорил быстро, боясь, что его остановят: – Я достаточно много прошёл по дорогам этой жизни. И вот на маленькой тропиночке я нашёл Леночку.

Лена сидела красная, сгорбившись, в полубморочном состоянии и безмолвно смотрела в пол. Она чувствовала, что сейчас происходит что-то грандиозное, великое и значимое в её дальнейшей жизни.

– Господи, Коленька, да когда у вас случилась эта самая любовь? – вытирая слёзы, произнесла Маргарита Николаевна. – На грибах, что ли? Аль раньше?

– Час назад, когда Леночка, жизнерадостная, безумно счастливая и невероятно красивая после бани, влетела в эту комнату. Это был фейерверк из разноцветных звёзд, его свет озарил всю Вселенную. И я понял, что без неё не могу жить, что именно её я искал всю свою жизнь. Старая дорога закончилась и осталась позади, а новая ещё не началась. Понимаете, так на пасмурном небе вдруг пробивается яркое солнышко, окрашивая всё вокруг на земле новыми красками. И природа расцветает, и люди начинают улыбаться друг другу. Это – счастье. Так рождается любовь. Дорогая Екатерина Васильевна! – Николай подошёл к матери Лены и опустился на левое колено. – Я прошу руки вашей дочери. Обещаю любить её всю жизнь, до самой смерти. Не переживайте за Леночку, я не ветреный человек. Мне уже двадцать девять лет, и я могу принимать осознанные решения. Заверяю вас и всех остальных, что никогда не скажете обо мне худого слова, – Николай положил голову на колени Екатерины Васильевны и поцеловал её руку.

– Встань, Коленька, – она наклонилась и поцеловала его в голову, вытерла платочком мокрые глаза. – Спасибо тебе за честь, которую ты нам оказал. А что скажешь ты, доченька моя? Мил ли тебе этот человек? Готова ли ты пойти за него замуж?

– Да, мамочка, – зарыдала Лена, – я люблю Колю и согласна быть его женой. Он мне очень нравится. И это ничего не значит, что мы знакомы всего лишь два дня. Можно знать человека годы, но не знать о нём ничего, а потом жить с ним как кошка с собакой. Я увидела его вчера – и моё сердце чуть не вырвалось из груди. Я, словно металлическая песчинка, прилипла к этому магниту. Я люблю Колю и буду ему верной женой. Он моё восходящее утреннее солнце, утоляющая жажду вода из родника, соловьиная песня, дурмящий запах цветущей сирени. Я готова быть с ним всегда и везде, – и она снова зарыдала.

Екатерина Васильевна встала:

– Дети, возьмите друг друга за руки и подойдите ко мне. Леночка и Коленька, я благословляю вас. Живите дружно, в счастье,

радости и любви. Жалко, что мой Петенька до этой минуты не дожил. Тоже бы порадовался, – и она вновь промокнула влажные глаза.

Затем подошла Маргарита Николаевна. Она обняла ребят и так очень долго стояла.

– Дорогие мои, – промолвила она, наконец, – я очень рада, что в вас есть Божий дар любить. Храните его. Пусть он с вами будет всю вашу долгую жизнь.

– Ну дела твои, Господи, – прошептал Павел Николаевич. – Вот как всё обернулось! Прошу никого не перебивать. Коля! Женщин на этом белом свете очень много, и в их разношёрстной толпе обязательно надо найти свою половинку. Сделать это чрезвычайно сложно, и случается подобное крайне редко. Одни выбирают деньги, другие, их очень мало, ищут своё счастье и любовь, без которых нет прочной семьи. Первые обязательно сгорят в богатстве, и вместо любви их ждёт одна мука. Коленька, послушай меня, старого человека, ты нашёл чистый бриллиант. Я хочу пожелать вашей будущей семье – взаимного доверия. Вы начнёте жить с чистого листа. А оно, это самое доверие, как бумага – помнёшь раз, идеальной больше никогда не будет, как её потом ни разглаживай. Пусть и через пятьдесят лет это доверие будет гладким и ровным. Давайте уже, наконец, выпьем за будущую семью.

– Коля, – поинтересовалась тётя Рита, – когда свадьбу планируете играть?

– Думаю, перед Новым годом.

– Я тоже подумала об этом. А где?

– В Пензе.

– Начался конкурс вопросов и ответов, – вмешался дядя Паша. – Таковую жизненную проблему решили, а шампанское уже давно выдохлось.

– Дядя Паша, вы как всегда правы.

– Дети, за вас! – Маргарита Николаевна чокнулась с молодыми.

– Будьте счастливы, мои хорошие. Любите друг друга и уважайте, – Екатерина Васильевна тоже чокнулась и поцеловала их.

Все выпили, и Николай с Еленой поцеловали друг друга.

У Николая зазвонил мобильный телефон.

– Вот ещё одна современная канитель, – недовольно произнёс Павел Николаевич. – Не отвечай!

Николай посмотрел на экран.

– Семён Иванович, ваш родственник, теперь уже и мой, – гордо заметил он и включил громкую связь: – Здравствуйте, Семён Иванович!

– Здравствуй, Коля. Уехал и пропал. В розыск уже собирались подавать. Если нет звонков, либо хорошо принимают, либо волки съели. Как добрался? Как отдыхается? Не пресытился ещё деревенской жизнью?

– Что вы, Семён Иванович, совсем даже наоборот. Мне здесь очень понравилось. Каждый день потребляю натуральные продукты, дышу чистейшим воздухом, правда, изредка разбавляю его табачным дымом, чтоб от избытка кислорода не кружилась голова, пью родниковую воду... Видел живую белку. Медведи, лисы, лоси, кабаны, куропатки так и вьются у моих ног. И никто меня не боится. Сегодня с Леночкой ездили за белыми грибами. Привезли огромный ящик. Представляете, – уже кричал от счастья Николай, – грибы буквально сами лезли мне в корзину, будто для меня росли. Три-четыре метра прошёл – и полный кузовок. Назад иду, чтобы отнести их в мотоцикл, ещё одну корзину насобираю. А Лена почему-то их не видит. Приходится подсказывать. Вижу, что ей это не нравится, а что остаётся делать? Местное население, увидев во мне такое, назвало меня «хозяином тайги».

– Какой тайги? Ты сегодня грибы ел?

– Конечно. Знаете, какие вкусные?

– Больше не ешь.

– Это почему?

– Видно, в них много галлюциногенов. Это слово для тебя ещё знакомо?

За столом все просто валялись от смеха.

– Семён Иванович, как не жалко, а придётся мне из медицины уйти.

– Зачем?

– Как зачем? Организую отряд энтузиастов по сбору даров природы. Уже есть название.

- Очень интересно, какое?
- «Лесосеки»! Нравится?
- Впечатляет! – хмыкнуло в трубке.
- Уже начали организовывать доставку грибов и ягод потребителю. Решили в следующем году вертолёт купить, чтобы из леса доставлять сразу на стол...
- Эко тебя понесло! Ты сегодня в баню ходил?
- Да. Откуда вы знаете?
- И сейчас сидите за столом?
- Сидим, – удивился Николай. – Вы что, видите всё?
- Скажи хозяевам, чтоб не смеялись, а тебя в срочном порядке вынесли на улицу. Ты ко всему прочему ещё и маленечко угорел, – начальник, наконец, не выдержал и расхохотался сам.
- Семён Иванович, здесь правда очень здорово! Вы бы взяли Марию Яковлевну и на выходные приехали сюда, тем более есть очень большой повод.
- Какой?
- Я женюсь! Только что Леночке сделал предложение.
- Это на полном серьёзе или опять шутишь?
- На самом полном...
- Такое решение одобряю. Взрослый человек обязан делать основательные поступки. Молодец! Хвалю! Теперь уж точно приедем. А я к тебе с деловым предложением. С первого сентября уезжаешь в Чебоксары в институт усовершенствования врачей на курсы по травматологии. На месяц.
- Куда?
- В Чебоксары. А что, ты против?
- Нет. Двумя руками за. А в чём причина этой незапланированной поездки?
- Максим Фёдорович уходит на пенсию. Его старший ординатор слабоват. Мы хотим поставить тебя заведующим травматологическим отделением. Ты как?
- Заманчиво.
- Думай. В пятницу мы с Машей приедем, дашь утвердительный ответ.
- Считайте, что я его уже дал.

– Отдыхай, Николай. Не забудь дать команду своей артели набрать нам немного грибов. Как их, «грибосеки»? – и он снова неистово захохотал. – А сейчас дай мне Маргариту Николаевну.

– До свидания, Семён Иванович. Марии Яковлевне привет, – Николай передал телефон тётё Рите и выключил громкую связь.

– Праздник считается продолженным. Леночка, ты слышала, мы вместе едем в Чебоксары! Какое счастье! Я костью лягу, но переведу тебя в Пензу. Ты всегда должна будешь находиться рядом со мной. Даже пойдём на такой шаг: через две недели распишемся, а настоящую свадьбу сыграем в декабре, лишь бы тебя перевести.

– Я тоже очень рада, Коленька. Если честно, то одной ехать было очень боязно.

Вошла Тётя Рита.

– Катя, теперь твоя очередь, – и отдала ей телефон.

– Ленуся, помнится, на столе стояло две сковороды с грибами. Их убрали? – спросил Николай

– Нет, – удивлённо посмотрела на него Лена. – Ты их съел.

– Я? Не может быть! Ты шутишь?

– Дядя Паша, подтвердите.

– Съел, Коля, съел. К ним боле никто не притронулся. Ты как молотилка у комбайна... И всё о чём-то сосредоточенно думал. Мы тебе не мешали, а лишь любовались. Это действительно было красиво.

– Не может быть! И когда я успел, даже не заметил. Извините, – покраснел он.

– Что ты извиняешься? Главное, будь здоров! Место для индюшки хоть оставил? – дядя Паша посмотрел на Маргариту. – Какой дурак придумал эти телефоны? Весь праздник изгадили с этими пустыми разговорами.

– И вовсе не пустыми. Сколько проблем решили. Сеня сказал, что в вашей больнице, в хирургии, лежит губернатор, о переднее стекло в машине стукнулся лбом. Шили его, небольшое сотрясение... Но я сейчас не об этом. Какая-то там ваша главная медицинская сестра – его любовница, прости Господи. Семён её хорошо знает и поговорит с ней, а та с этим самым губернатором. Чай они в

верхах одним миром мазаны, неужели не решат такую пустяковую проблему, как перевести мою любимую внученьку из этих самых Чебоксар в Пензу. Для них это плёвое дело. Тем более повод такой веский. Правда, Коля?

– Не переживайте, всё будет хорошо. Дядя Паша, мобильный телефон придумал американец Мартин Купер, а первые звонок совершил 3 апреля 1973 года.

– Эко...

– Паша, не узнаю тебя. У нас такой праздник, а мы толком за него и не выпили. Наливай! Катерина, хватит болтать, иди к нам. Всё равно в пятницу приедут. Успеешь наговориться.

Павел наполнил рюмки. В это время подошла и Екатерина Васильевна.

– Дорогие мои, я хочу поблагодарить Бога, что сегодня у нас на глазах практически зарождается новая семья... Не родилась ещё, правда, – засмеялась она, – но потуги уже есть. Стоп! А кто убрал грибы? Разогреть поставили? Молодцы!

– Я их съел, Екатерина Васильевна.

– Съел? Все?

– Да.

Все рассмеялись.

– И на здоровье, мой хороший. Живот чтоб только не разболелся. Место для индюшки оставил? Теперь её тебе обязательно надо попробовать. Вдруг не понравится. Будущая жена должна готовить вкусно, чтоб мужа тянуло не в ресторан, а домой.

– За молодых! С Богом! – Павел Николаевич быстро чокнулся и выпил. – Сегодня не праздник, а одна говорильня.

– Дядя Паша, вы мне напомнили анекдот: «Есть три категории врачей. От Бога. Ну, с Богом! И не дай Бог!»

– Автор как в воду смотрел, – засмеялась Екатерина Васильевна.

– Николай, ты мне обещал своё стихотворение почитать. Но вначале давайте по маленькой выпьем, индюшкой закусим и на этом пьянство прекратим, – поставила точку Маргарита Николаевна. – А то мы что-то дружбу с алкоголем завели. Не порядок это. Переходим на чай и молоко. Возвращаемся к здоровому образу жизни. Я правильно, дочка, говорю?

– Абсолютно правильно, мама.

Они выпили.

– А индейка и правда очень вкусная, – усмехнулся Николай. – Ещё раз убеждаюсь в правильности своего выбора, – и он нежно поцеловал Лену. – А теперь стихи. Леночка, посвящаю их тебе.

– Я слушаю, – она легонечко прижалась к его плечу.

Ты приходи ко мне во сне.

И приходи как можно чаще...

Приди, когда тревожно мне...

И в зной, и в холод леденящий.

Я расскажу тебе, как жил,

Про мир, который видел все,

Про то, что видел, с кем дружил,

Как в штить желал грозы и бури,

Как много истоптал дорог,

И сколь в пути ошибок сделал,

И сколько в жизни сделать мог,

Будь изворотлив, низок, гибок.

Я шёл всегда своим путём,

Порой наотмашь получая.

Не был лгуном и палачом...

Тепло и радость излучаю...

Ты приходи ко мне во сне

И приходи как можно чаще...

И станет легче на душе

От искренности настоящей.

Хочу тепла, хочу любви,

Хочу прижаться к тебе телом.

Хочу тебя!

Хотя б во сне!..

В нём быть неистовым и смелым...

– Спасибо, Коленька. Мне очень приятно. Как плохо, что я не умею писать стихи, – прошептала Лена Николаю на ухо.

– Коля, это ты сам написал? – поинтересовалась Екатерина Васильевна.

– Сам, конечно.

– Какой молодец! И врач хороший, и стихи пишешь... На пенсии будет чем заняться. В поэты пойдёшь.

– Ой, скажете тоже... Какой из меня поэт? А откуда вы знаете, какой я врач? Может, плохой.

– Хороший, хороший... Семён Иванович сказал. А он нам врать не будет.

– Коля, ты сколько раз пытался рассказать о своих родителях, и всё что-то тебе мешало.

– Мама, Людмила Александровна, стоматолог в Павловской поликлинике. Уже на пенсии, но пока работает. Папа, Сергей Васильевич, шофёр-дальнобойщик. Братьев, сестёр нет. Только двоюродные. Собственно говоря, и все родственники. Разве что дальние есть.

– Давай маме с папой позвоним. Такое событие!..

– Я хотел, но передумал. Завтра позвоню. У мамы высокое давление. Я не хочу, чтобы она под вечер разволновалась. Вдруг отец в рейсе, а у неё гипертонический криз возникнет. Завтра будет на работе, всё под рукой.

– Молодец! Правильно делаешь. А что вы завтра собираетесь делать?

– Завтра мы все едем в Зубрилово. Хочу посмотреть, как предки хранят память о великих людях.

– А я не могу, работа, – огорчённо сказала Екатерина Васильевна.

– Я тоже не смогу. Обед надо приготовить, постирать кое-что, – молвила Маргарита Николаевна.

– Я с ними поеду, – встрепенулся дядя Паша.

– Паша, ты тоже не поедешь, – строго посмотрела на него тётя Рита.

– Это ещё почему?

– А кто рыбу обещал на уху поймать? – она моргнула ему глазом.

– Вспомнил. Конечно, поймаю. Коля, я только расскажу тебе, как ехать.

– Вы, молодёжь, и без нас всё прекрасно посмотрите да нам расскажете.

Через полторы недели машина, перегруженная постельными принадлежностями, одеждой, продуктами питания, вареньями, соленьями, включая, естественно, и грибы, с большим креном на правый борт, медленно двинулась в сторону Пензы. А уж оттуда с документами на учёбу отправилась в Чебоксары, где один стал насыщать себя теорией и практикой по травматологии и ортопедии, а другая перекладывать бумажки в конторе из одного ящика в другой и сгребать опавшую листву в парке.

Месяц прошёл очень быстро. Перевод Лены в Пензу не составил большого труда и решился положительно.

В начале октября счастливые Николай и Елена вернулись в столицу Пензенского края. Карпенко принял отделение, а Лена стала полноправной хозяйкой в его доме. Работать она больше не пошла.

Время неумолимо подходило к Новому году и запланированной свадьбе. Сыграв свадьбу и усадив родителей в машину, сначала поехали домой к Лене, а оттуда на родину Николая. На всё про всё ушло полторы недели. А летом планировали поехать понежиться на песчаном пляже Чёрного моря.

Можно было бы и закончить это повествование. Но читатель хочет знать о дальнейшей судьбе героев.

У них всё хорошо. Николай так и продолжает заведовать отделением, защитил диссертацию, отрастил живот. Времени заняться собой, как он обещал, абсолютно нет.

Лена всегда дома, всегда на хозяйстве. У них трое прекрасных детей, две девочки и мальчик. Над ними постоянно реет Божий дар, полюбивший эту семью и поселившийся в их доме.

А остальные?..

С остальными разобралось время.

Оно поступает так со всеми.

ЖЕНЬКА

У Степановых окотилась коза. И что не характерно – зимой. Козлёнок родился худым, дохлым... На ножках постоит и падает. Короче – заморыш. Не сегодня завтра подохнет. Даже не сосал молочко у козы.

Что делать? И выбросить жалко, и на мясо рано...

Порешили – отдадим его семидесятилетней бабушке Лене, она сердобольная, примет доходягу.

Человеку без дела жить нельзя, быстро завянет и умрёт, если не от безделья, то от гиподинамии точно.

Бабушка Лена как увидела это «чудо», аж за сердце схватилась:

– Что я с ним делать буду? Мне чай не пятьдесят. А пенсия какая?.. Хлеб, вода, а остальное с огорода...

– Бабулечка, – сказала Мила Степанова, – я вам тут ещё сырников принесла, с чайком попьёте. А козлёнок даст Бог выдюжит. На мясо его сдадите. У нас сейчас им некому заниматься. Жалко, если погибнет. А вы подсуетитесь, глядишь и выкарабкается. Я в сенях поставила бутылку молока на первое время. Поить им будете, – и она не прощаясь убежала. – А надо будет, я ещё молочка поднесу! – крикнула Мила с улицы.

У бабушки Лены вдруг открылось второе дыхание. Она внешне даже помолодела. Быстро нашла соску с бутылочкой, подогрела на плите молоко и стала поить козлёнка, назвав его Женькой, в честь покойного мужа Евгения.

Козлёнок вначале упирался, сопротивлялся, но сладить с упёртой старухой никак не мог. Так ему и пришлось выпить свои первые двести грамм.

И полюбила его бабушка всем сердцем, как родное дитя. Кормила с руки вкусеньким. То лист капусты даст, то морковку, а то и кусочек сахара. И Женька тоже от своей приёмной мамы был без ума. Ходил за ней по пятам, чесал мордочку о её колено и если б мог, то и «мамой» называл.

Зима была холодной, поэтому бабушке приходилось укладывать его спать с собой, укрывая тёплым одеялом, или носить на руках, завернув в старую шаль. Ухаживала за ним днём и ночью. Всю свою не растраченную на внуков ласку отдавала маленькому беспомощному существу, рассказывала сказки и про жизнь свою горемычную.

Сын давно переехал в город. Внуки если и приезжали, то не долго и на каникулы. А последние лет семь не приезжали совсем.

Ночью водила его справлять нужду в приготовленный ящик с опилками и ещё дважды поила молочком.

Шли дни, а Женька и не собирался сдыхать. От такой заботы козлёнок быстро набирался сил, шерсть залоснилась, рожки начали пробиваться. Из козлёнка он постепенно начал превращаться в козла. Он уже спал на мягком пахучем сене, в кухне у батареи, правда, иногда пытался лечь к бабушке в постель, за что получал легонько по морде.

Уверенно набирая вес, он делался самостоятельным, настырным и очень задиристым. И ревновал бабушку Лену ко всем. А заметив, что она с кем-то стоит, старался боднуть и оттеснить пришедшего от любимой бабуси.

Он с удовольствием выходил во двор, щипал мягкую травку, грелся в лучах ласкового солнышка и точил рожки о растущий у дома орех, косо поглядывая на всех, кто проходил мимо их дома. Убегать от бабушки он никуда не собирался. И главное, всё

понимал, о чём говорят. Понимать-то понимал, но не всегда спешил исполнять сказанное.

К концу лета он окончательно заматерел, подросли рожки. И характер появился. Проявляя недовольство, сразу стучал о землю копытцем.

Женька гулял везде, где ему нравилось, и освоив двор, начал выходить на улицу (благо забора у дома не было), прогуливаясь там как хозяин. Почувствовав в себе силу безудержную, стал всех бодать. И не просто бодать, а бил со всей мочи. Но детей никогда не трогал.

Люди жаловались, опасались за ребятню.

Бабушка только разводила руками, обещала посадить его на верёвку, но... все верёвки он быстренько перегрызал, а на цепь денег не хватало.

Любимое занятие Женьки – стоять на мосту через канал, что протекал возле дома, и караулить прохожих.

Вскоре жители нашли способ борьбы с этим непокорным животным.

Женька безумно любил сигареты. Нет, конечно, не курить. Брошь – он схватит её и начинает трепать. А пока её ест, можно было смело проходить и даже слегка погладить задиристое животное. Теперь все жители, живущие за каналом, имели в кармане пачку сигарет, включая женщин и детей. Но мужики всё равно грозилась убить его, до того он всем надоел.

Бабушка Лена сокрушалась, умоляла, плакала... Но всё шло к тому, что скоро Женька должен будет погибнуть лютой смертью.

А тут новая напасть произошла. Пришёл к бабушке Лене сосед и стал предъявлять претензии, что её куры раскопали у него в огороде грядки. Да так разошёлся, что перешёл на крик.

Женька в это время пасся во дворе. Увидев кричащего на бабушку мужика, он, недолго думая, наклонил голову и помчался на него. Здесь уже было не до раскопанных грядок. Сосед быстро спрятался за бабушку, а Женька, не разобрав, так боднул свою кормилицу, что та подлетела и со всего маху упала, ударившись ногой о гранитный камень.

Бедную старушку отвезли в больницу. Там сделали рентген, сказали, что поломана лодыжка, и, наложив гипс, отправили домой, посоветовав на бедро, где расположился огромный синяк, накладывать на ночь водочный компресс.

Передвигалась теперь бабушка Лена с большим трудом. И Женька стал бесхозным.

– Лена, – посоветовала соседка, – а ты отдай его в наш совхозный зоопарк. Пусть там среди кабанов, волков и лис лютует.

Племянник, договорившись с начальством, отвёз его на животноводческий комплекс, где и размещался этот самый импровизированный зоопарк.

За свирепый нрав козла приковали цепью к воротам в качестве самого надёжного сторожа, а рядом соорудили большую будку, где он спал ночью. И начальству стало спокойно за этот объект, и порядка стало больше. Постороннему вход сюда был заказан.

Вначале Женька очень переживал и скучал, даже от пищи отказывался. Но со временем потихонечку привык и дом стал забывать.

Поправившись, бабушка Лена навещала своего любимца. Она приносила ему много вкусенького. А он как увидит её, аж на задние ножки от радости встаёт, ласкается и тыкается мордочкой в колени, виляя хвостиком.

Вскоре сын решил забрать мать в город, а дом продать. Тяжело ей стало жить одной.

Перед отъездом бабушка Лена попросила сына сделать небольшой крюк и заехать на животноводческий комплекс. Женька, увидев свою «маму», затанцевал от радости. Бабушка подошла к нему, встала на колени, обняла за шею.

– Прости, милый, – шептала она ему на ухо, – уезжаю я. Больше никогда не увидимся, – она поцеловала его, – не скучай, мой хороший. Я тебя люблю. Знаю, что и ты меня любишь. Старая я стала, сил нет, а то бы поставила забор и жили бы мы с тобой до скончания века.

А Женька тоже ласкался, тыкался ей холодным носом в лицо, как бы целуя свою хозяйку.

– Я гостинчик тебе привезла, капусты пару вилок и моркови с полмешка. Кушай и меня вспоминай... Пойду. Теперь я себе не принадлежу, сын в машине ждёт. Прости меня, Женечка, если обидела тебя чем-то.

Бабушка Лена встала, перекрестилась и поклонилась козлу до земли, а тот смотрел на неё так печально, что у старушки вновь покатались слёзы.

И остался Женька жить на комплексе, исполняя обязанности сторожа и охранника одновременно.

Приехала как-то в совхоз инспектирующая комиссия. Там посмотрели, сюда заглянули и, наконец, отправилась на животноводческий комплекс.

Идёт себе главный проверяющий к воротам, а там козёл на цепи сидит. Решил он его немного подвинуть, чтоб пройти. А Женька, недолго думая, так боднул его, что тот упал и покатился кубарем, аж бумаги по ветру разлетелись.

Встал проверяющий и говорит своим помощникам: «Дальше не пойдём. Коль на воротах такой порядок, то искать нарушений на территории нечего. В приказе – заведующему премия в двести гривен, а козлу – центнер овса».

Комиссия села в машину и поехала к директору совхоза, который вместе с ними посмеялся и накрыл шикарный стол в честь успешного окончания проверки.

Заведующий животноводческим комплексом премию получил и расписался в ведомости. А вот съел ли Евгений свой центнер овса, история умалчивает.

Жил он долго и умер в один день с бабушкой Леной. Но ни он, ни она об этом не узнали.

НЕ БЫЛО БЫ СЧАСТЬЯ, ДА ГОРЕ ПОМОГЛО

Валентина как угорелая влетела во двор к своей лучшей подруге Любе Кудряшовой. Её волосы были растрёпаны, по лицу тёк пот, дыхание сбилось от быстрой ходьбы.

– Подруга, что у тебя случилось? Я как на рынок пришла, все там о тебе и говорят. Ничего не стала покупать, бегом сюда. Что произошло? Говорят, дядю Лёню и Гришку в больницу увезли. Живы хоть? Да что произошло у вас? Что с ними случилось? Смотрю, и в сарае что-то обгорело. Не молчи, говори что-нибудь. Ведь ты для меня роднее родного человека, – она обняла подругу, прижала к себе. – Поплачь маленько, поплачь, легче станет.

– О ком плакать? Эти два паразита, отец с мужем, вчера вечером затеяли самогон варить, чтоб, значит, лакать его в субботу и воскресенье. Работать как бы и не надо. Да и зачем? Всё само по себе сделается. Погляди во двор... Осень на носу, а сено не привезено, дров на зиму нет. А их выписать надо, привезти, распилить, наколоть и сложить. На хрена? У них всё по щучьему велению произойдёт! Раскочегарили они, значит, свой котёл. Закапало... По гранёному стаканчику пропустить успели, а дальше он возьми и взорвись.

– Кто? – прошептала Валентина оглядываясь.

– Ну кто?.. Агрегат ихний.

– Убило кого? – Валентина перекрестилась. – Спаси и сохрани, Господи!

– Разве таких упырей убивает? Не помню такого. Они в счастье и радости до ста восьми лет живут. Потом нас хоронят, а сами на молоденьких женятся.

– Святые слова, подруга! Что дальше-то было, рассказывай без утайки.

– Тут таить нечего. Бате, что стоял у соски, обожгло лицо и правую руку. Даже не обожгло, а припекло слегка, а мой, то ли от страха, то ли силы некуда девать, в руке раздавил гранёный стакан, ну и порезал ладонь. «Скорая», как к деловым, приехала... От взрыва только занавески на окнах запылали, они их сами и потушили. Слава Богу, ничего ценного не сгорело. Теперь они у меня как выйдут из больницы, домой заходить будут только переспать, а работать как каторжные начнут. Я им, козлам, покажу Кузькину мать! У других всё как у людей: одни опиваются этим зельем, другие «белочку» руками ловят, третьи с циррозом печени лежат. У нас же... Один на бритве сэкономил, другой в растрату ввёл – стакан раздавил. Вот как дальше жить, скажи, Валя? Жрут как лошади, что за столом, что за углом. А дел за весь день... с гулькин нос делают. Это у тебя муж золотой. На неделю приехал и снова в путь. Вся жизнь у него на колёсах. Едет, куда пошлют. Поэтому и зовётся «дальнобойщик». И тебе не сладко, и ему трудно. Зато потом вы целых семь суток будто мёдом намазаны!..

– Скажешь тоже. Самогонный аппарат хоть цел?

– Какой цел... В ключья разлетелся и ни одного паразита не задел. А змеевик участковый забрал. Ещё и протокол составил, и штраф выписал. Всё, как в детективном романе... Ты глянь, герои мои идут. Есть, наверное, хотят и похмелиться, если кто по дороге не похмелил. Сейчас они у меня всё получают по полной программе.

– Ты сильно не шуми, они и так...

– Кто «и так...», они «и так...»?

Во двор боком вошли дядя Лёня и Григорий, не отрывая глаз от земли.

– Явились голубчики? Гости долгожданные, – по лицу Любы пробежала нервная дрожь. – Я даже поднос не успела приготовить. Ни хлеб не порезала, ни соль в солонку не насыпала, ни сто грамм не налила. Вот что! – и она выдала такую длинную тираду, в которой, если убрать лишние слова, говорилось о их безделии, беспробудном пьянстве и, вообще, теперь на территории этого двора эти особи больше не живут.

Леонид и Григорий стояли тихие и молчаливые, будто воды в рот набрали.

– А теперь оба вон отсюда! Вечером, не в обед и не через час, а именно вечером, одного жду с документами на пятнадцать-двадцать кубометров леса с накладной на вывоз, номером машины и даты привоза леса. А второй мне сегодня привозит возок сена, и завтра тоже, и послезавтра... Пока не скажу хватит. Не сделаете, в дом можете не приходите! Под забором ночевать будете. Мне надоело на вас ишачить. Найду любовника и уеду с ним. Вперёд! Что устались?

– Люба, – заикнулся было Григорий, – сегодня суббота...

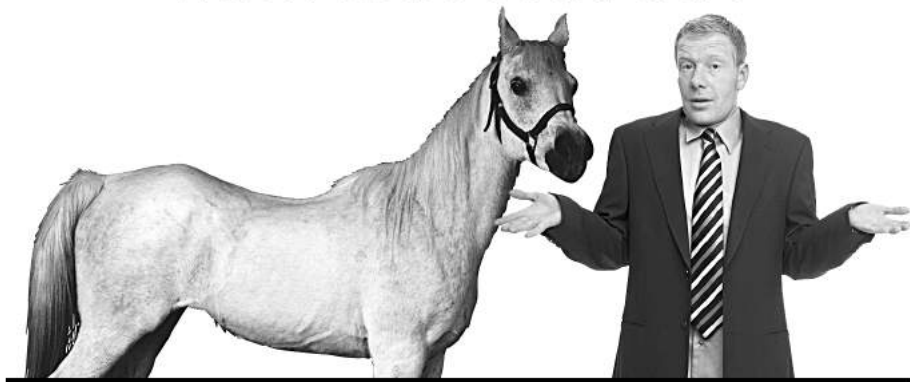
– Меня это меньше всего колышет. Ясно? Как пить, у них друзей всё село... Пятницу отработывай, понедельник – мне без разницы. Больше сказочной жизни у вас здесь не будет. Точно, разведусь и уеду. Сопьётесь и здохнете... Разговор окончен. Вас ждут великие дела! – она развернулась и пошла в дом. – А ты что как вкопанная стоишь? – обратилась она к Валентине. – У нас сегодня выходной. Пойдём выпьем чайку да на рынок сходим, людей успокоим и купим чего-нибудь.

К концу недели на дворе стоял высоченный стог сена, а к концу месяца две машины дров были перепилены, переколоты и сложены в поленницу.

Теперь в доме Кудряшовых всем заправляла и командовала Любовь. Дядя Лёша и Григорий если и пили горькую, то редко и тихо-тихо. Теперь у них было всё мирно и ладно. И все сыты, одеты, обуты, и на дворе порядок.

Как не радоваться такому счастью?

МИРАЖИ ТУМАНА

*Рассветного тумана
миражи
опять рисуют
прошлого картины...*
Шура МАЛЕНЬКИЙ

Сидели долго. Считаю с обеда и до позднего вечера. А чего бы и нет?.. Суббота. Заслуженный выходной. И повод какой! У начальника день рождения. Как-никак полтинник бригадиру. Дата! Без этого никак нельзя.

Выпили изрядно.

Начальство в пятницу традиционно поздравило юбиляра, сказав несколько зазубренных фраз, подарило электрочайник и пожелало новых трудовых побед.

А сегодня вся бригада собралась у него в гараже. Шеф «поляну» шикарную накрыл. Одной водки ящик взял.

Все были изрядно пьяны. Некоторые, откинувшись на стуле, уже спали, другие в сотый раз пытались рассказать смешную историю, но их никто не слушал... Говорили и курили все. Все сразу.

Поэтому их гул напоминал жужжанье роя мух в общественном туалете.

– Всё, – сказал Пашка, резко вставая и слегка пошатываясь, – я пойду. Обещал жене пораньше прийти. Ребёнка надо купать. Спасибо вам, Леонидович, живите долго, – и Павел полез целоваться.

– Паша, раз надо, значит, иди. Спасибо, что пришёл. Сам дойдёшь или проводить?

– Да тут идти полтора квартала. Раз – и дома. Две остановки на маршрутке. А через парк ещё ближе. Прошёл, а там наискосок мой дом.

– На работу в понедельник не опаздывать.

– Леонидович, два года назад опоздал, до сих пор помните. Я же объяснял. Светку отвозил в роддом. Причина уважительная. А больше я ни-ни...

– Ну, иди, Паша, иди. А мы тут немного посидим. У нас дети уже выросли и купать их не надо.

– Вы чё, мне не верите?

– Конечно, верю. Мы что же, молодыми никогда не были и не знаем, как с ними тяжело? Накормить, напоить, спать уложить, постирать... Это всё мы проходили. А жёны делали. Знаешь, как им трудно?... Иди, сынок, и помоги ей. Она целый день как белка в колесе. Поди ног под вечер, бедненькая, не чувствует, – бригадир вывел Павла на улицу, постоял с ним немного, подышал свежим воздухом. – Посмотри, Паша, какой туман, руки вытянутой не видно. Не заблудишься? Может, проводить?

– Дядя Миша, да я дорогу домой с закрытыми глазами найду.

– Хвастун ты, Пашка. Ладно, иди уже. Доберёшься, позвони, – и он подтолкнул его в спину.

Паша закурил, соображая, в какую сторону ему двигаться. Было безумно интересно и в то же время жутко... Ты идёшь в каком-то сказочном Берендеевом царстве. А вокруг пустота и ничего не видно.

Павел, осторожно ступая, медленно брёл вперёд. Вдруг впереди что-то замаячило чёрное и размытое. Оно медленно приближалось к нему. От страха заурчало в животе. Ноги сделались ватными. Захотелось убежать, скрыться... Но куда тут убежишь, ни зги не видно.

– Путник, не ведаю, кто ты, мужчина или женщина, скажи мне, грешному, мил человек, где я и куда иду? – произнёс Павел дрожащим голосом, чуть ли не на старославянском языке, но в тумане он прозвучал устрашающе.

– Караул! – закричала женщина. – Кто ты? Если грабить хочешь, так нет ничего у меня. Возьми вот последние сто рублей. Пиво на них себе купишь. А может, ты Ирод, маньяк или серийный убийца... Отпустил бы ты меня, родимый.

И она принялась читать молитву «Отче наш».

– Женщина, никакой я не маньяк. Не бойтесь меня. Мне надо к парку выйти. А через него пройдёшь – и дом недалече.

– Парк, говоришь? – спросила женщина недоверчиво. – Метров десять пройдёшь и поворачивай налево. А ко мне не приближайся. У меня зонтик в руке. Враз глаза выткну.

Чувствовалось, как голос женщины обретал силу. В нём уже звучали нотки агрессии.

– Спасибо, мамаша.

– Иди, иди, шатун. Нет чтобы по домам в такую погоду сидеть, они ходят, бродят... И чего ходят, сами не знают.

– Наверное, я сейчас точно из тебя кровь высосу. Ха-ха-ха!... – Павел тоже расхрабрился, ему стал надоедать этот беспредметный диалог.

– Свят, свят, свят, – запричитала женщина, обладающая последними ста рублями. И в ту же минуту, нырнув в марево, мгновенно скрылась из виду.

Павлу даже весело стало. Он, воспрянув духом, бодро зашагал, преодолевая вязкое сопротивление тумана, который продолжал сгущаться.

Пройдя шагов пятнадцать, он повернул налево и, выставив вперёд руки, наконец упёрся в дерево.

– Парк найден, – облегчённо вздохнул он. – Ещё метров сто – и будет проспект.

Вдалеке вырисовывалось что-то подобие света от электрической лампочки. Павел двинулся в ту сторону, как корабль, утомлённый морской пучиной, движется к спасательному маяку.

Дойдя, по его подсчётам, до середины парка, он вдруг наткнулся на белую лошадиную морду.

– Добрый вечер, – сказала белая лошадь.

Павел встал как вкопанный, вспоминая рассказы бывалых людей о «белой» горячке.

– Э-э-э... У-у-у... – промычал Паша, соображая, что делать дальше. – Добрый вечер, – наконец выдавил он.

– И откуда вы идёте? – учтиво спросила лошадь.

– Со дня рождения нашего бригадира. Они там остались, – махнул он назад рукой, – в гараже. А я ушёл. Ребёнка надо купать. Жена просила прийти пораньше.

Он шарил по своим карманам в поиске сигарет и спичек, но не находил их.

– Так вы пьяный? – снова спросила белая лошадь и, глубоко вдохнув воздух, громко фыркнула.

– Нет, – выпалил он, – выпил только чуть-чуть. Извините, что для вас этот запах неприятен.

– Далеко вам добираться? – вежливо спросила она. – Может, мне подвезти вас?

– Что вы, товарищ лошадь, мне только проспект перейти... А там третий дом мой.

– Тогда желаю всего доброго и счастливого пути. Точно провожать не надо?

– Нет-нет, я сам. Спасибо вам за внимание и заботу.

– До свидания, – вежливо сказала белая лошадь и скрылась в тумане.

– До свидания, белая лошадь! – прокричал облегчённо Павел. – И вам счастливого пути!

Наконец он нашёл свои сигареты и с облегчением закурил.

Спотыкаясь и падая, побежал домой.

О своей встрече с лошастью он никогда и никому не рассказывал. В спешке Пашка даже не слышал дружный хохот патруля конной полиции, который вышел на дежурство в парк в связи с ухудшением видимости.

Долго Паша не прикасался к рюмке, боясь загреметь в «дурку».

Но со временем прошло и это.

МЕСТЬ

1

Женщинам с их огромной патологической любовью к себе самим и высочайшим мнением о собственном совершенстве и понимании жизни этот рассказ не понравится. А вот мужчины прочтут его с удовольствием. Хоть чем-то потешат себя. Не всё же им, бедным, страдать в этой жизни!

Тёща... Уникальное творение природы. И, надо заметить, не самое лучшее. Если бы её вдруг не было на этом белом свете, мир заметно осиротел бы.

На планете живут миллионы маленьких с косичками и без, белых, чёрных, рыжих, с огромными бантами и воздушными шарами, милых, симпатичных и очень ласковых девочек. Они даже не знают и не представляют, что половина из них станет тёщами: ядовитыми и злыми личностями, с зелёными крыльями носа при раздутых ноздрях.

– Серёжа, мама послезавтра собралась домой, – за ужином сообщила жена. – Постарайся достать билет. У тебя кругом связи.

– А я думал, что она здесь уже прописалась.

– Не язви.

– Чего так рано?.. До нового года осталось без малого пять месяцев. А где её тело?

– К соседке пошла. И за что ты её так не любишь?

– А ты любишь? Сколько раз она пыталась нас развести, ты не считала? Вспомни, когда я учился и мы жили вместе, она постоянно ссорила нас.

– Это тебе показалось. Не будем старое вспоминать. Прости её и забудь.

– Это она должна валяться у меня в ногах и вымаливать прощение. С ангельскими глазами приезжает сюда. Ещё один её визит – и тогда я точно уйду отсюда.

– Куда, если не секрет?

– Не важно.

– К Вальке, Маринке?..

– Это не важно. Главное, ей радость доставлю. А у тебя фантазии хватает только на Валек и Маринок.

– Как всё-таки с тобой бывает сложно.

– Радуюсь и уповаю, что ты проста и доступна, как ружьё образца 1812 года. В маму, наверное, пошла. Для неё место в раю уже забронировано...

– Дурак! Так что с билетом? На тебя можно рассчитывать?

– Да уж постараюсь. Что не сделаешь ради любимого и родного человека.

2

Сергей, завершив неотложные дела на работе и дав всем задания, сам поехал на вокзал.

В четвёртой кассе сидела очень хорошенькая и совсем близкая Серёжина знакомая.

– Светик! – крикнул он через толпящийся у окошка народ. – Открой дверь. Мне надо с тобой один вопрос обсудить.

Та весело кивнула и, объявив пятиминутный технический перерыв, закрыла окошко.

– Ты чего так рано? – чмокнула она его в щёку. – Позвонить разве нельзя?

- Светик, нужно решить одно очень деликатное дело.
- Для тебя, дорогой, хоть звезду с неба в солнечный день. Говори быстро, а то меня порвут в клочья. Радоваться будешь, глядя на мои окровавленные ошметки?
- Глупая баба. По тебе рыдать стану.
- Хороший мальчик!
- Мне надо отправить тещу.
- Никаких проблем. Считай, что лучшее место у неё лежит в кармане.
- Ты перестала меня понимать. Я тебе говорю: теща у меня завтра уезжает! Тебе это о чём-то говорит? Слушай тогда меня очень внимательно. Плацкартный вагон. Верхняя боковая полка у самого туалета.
- Какая пылкая любовь у зятя к маме!
- Не называй её так.
- Хорошо, дорогой, не буду. Ей же до Полтавы ехать?
- Память у тебя...
- Если ты утвердишь, есть иной вариант. Будет не поездка, а просто сказка.
- Говори.
- В этом вагоне поедет цыганский табор. Они тоже на этот поезд сегодня билеты купили. С ними в вагон её можно посадить?
- Не можно, дорогая, а нужно! – злорадно заулыбался Сергей.
- Правда, имеется ещё одно неудобство.
- Какое? Говори быстрее.
- Там же и дембеля едут. Комендант тоже цыганам обрадовался, – Светлана заливисто рассмеялась. – Только за такую просьбу надо очень дорого заплатить.
- Сколько? Никаких денег не пожалею. Говори. Ты сотворила невозможное! Как говорится: «самое то». Я тебя люблю!
- Значит, так. Стоимость билета и ночь сегодня у меня.
- Так мало?
- Пока с тебя хватит. Давай деньги, а билет я тебе утром отдам.
- Договорились. В двадцать два я у тебя, – он ущипнул Светлану за ягодицу и довольный вышел.

3

Сергей пришёл домой усталый и злой.

– Как дела, Серёжа? Билет маме купил?

– Таня, ты взрослая женщина. Разве можно с кондачка решать такие проблемы? Лето. С билетами, естественно, напряжёнка. Кому я только не звонил. Даже с начальником вокзала общался. Обещал помочь. Но поставил условие. Сегодня вечером я приеду к нему играть в преферанс. А это, как ты понимаешь, на всю ночь. Я был вынужден согласиться. А что делать? Так устал... На работе не ладится с установкой турбины... Я бы с удовольствием лёг спать. А тут ещё этот преферанс...

– Серёжа, успокойся. Я тебя сейчас покормлю, и ты ложись, передохни. Уж пострадай один разочек. Когда скажешь, я тебя разбуду. Пойди прими душ. Ты и правда сегодня плохо выглядишь.

4

Утром Сергей завёз домой билет.

– Держи. Билет только в плацкартный вагон. Извини, других не было. Таня, тещу проводишь сама. Машину пришлю. Я просто физически никак не смогу... Работа, сама понимаешь.

Больше теща в гости не приезжала. Как она доехала, Сергей не спрашивал, а жена и не рассказывала.

КОВАРНАЯ ШУТКА

Если вам когда-либо приходилось бывать в Москве, то ада бояться не должны. В нём вы уже были.

А если судьба ещё и забрасывала вас ненароком на Казанский или Павелецкий вокзал и вы выезжали оттуда на поездах не очень дальнего следования в центральные просторы России и даже в них выжили, значит, вы святой. И в этом сомневаться нисколечко не следует. Ищите хорошего иконописца. Пусть пишет с вас лик. И молитесь на него всей семьёй, прося защиты и милости, богатства и радости.

Можно даже обратиться в наградной отдел Государственной думы.

Поймут. Оценят. Наградят.

Кто всего этого не видел, не испытывал лишений, не завидовал мёртвым, не преодолевал трудности, тот вообще не испытал ничего в жизни, а катался как сыр в масле и не совершал никакого подвига в мирное время.

Именно на этих вокзалах закаляется сталь и переплавляются мечи на орала.

Поезд Москва – Пенза готов был уже отправиться, когда Валера Лункин в расстёгнутой до пупа рубашке и в ореоле стойкого пивного запаха вскочил в тамбур вагона. Бутылки в его сумке издали глухой стон. И поезд тронулся, скрипя абсолютно всем, что должно скрипеть, трясясь, как малярийный больной, и готовый в любую секунду развалиться на составляющие его части.

Весь вагон был завален узлами, котомками, неимоверного размера коробками и потными смердящими телами, уже что-то пьющими, жующими и непременно громко разговаривающими. Тысячи тонн сосисок, сарделек, мяса и всего прочего тоже уезжало из столицы в Поволжье. Это сейчас везде всё есть, кроме денег, разумеется. А раньше...

Из-за всего этого хаоса нагромождений баулов и коробок говорящих не было видно. И в этом ничего не было удивительного: провинция ездил в столицу за покупками и жратвой.

Тыча билет уже слегка подпитому проводнику, пассажирам и всем, кто попадался на его пути, Лункин пытался попасть на своё законное место. Но его все куда-то посылали. И он шёл, обязательно возвращаясь назад. И его снова посылали, но уже в другую сторону. Там тоже разводили руками, мол, не маленький, сам разберёшься. И снова Валерий брёл по вагону, продолжая тыкать свой уже никому не нужный билет.

За окном спустились сумерки. И надо было думать о ночлеге.

Он так устал, что думать было просто нечем, а предпринимать тем более. Совершенно некстати пришло тяжёлое пивное похмелье. Во рту сделалось гадко и начала болеть голова.

– Ну, суки, сейчас я немного вас пошевелю.

Он упал на колени и начал ползти по вагону, постоянно тычась в чьи-то ноги и поднимая юбки.

– Что он тут ползает? Пьяный, что ли? Эй, что ты ищешь?

– Ножки поднимите, коробочку отодвиньте... Спасибо...

– Да в чём дело? Здесь есть милиция? Его уберёт кто-нибудь?

– Молодой человек, вы что-то потеряли? Что вы ищете?

– Понимаете, – поднял голову Валерий, – я вёз кобру из зоопарка, а она возьми и выползи из мешка, – он потряс им, откуда вновь

донёлся грустный звон бутылок. – Не переживайте, я её сейчас найду и обезврежу.

Вагон на секунду затих, а через минуту был абсолютно пуст.

Валерий нашёл своё место, лёг и мгновенно уснул.

Проснувшись утром, он сладко потянулся. Вспомнив о пиве, с наслаждением выпил бутылочку. Затем сходил в туалет и поплёлся к проводнику. За окном был незнакомый пейзаж. И что ещё его поразило – вагон был совершенно пуст. Вчерашние события полностью стёрлись из его памяти.

Он постучал проводнику.

– Пенза скоро? Чего стоим?

– Какая Пенза? – прокричал мужик из-за закрытой двери. – Вчера какой-то идиот кобру выпустил, так нас и отцепили... Вот теперь здесь стоим. Ждём, когда специалисты приедут. Ты не броди по вагону. Ляг и лежи. Мало ли что...

– А когда приедут? Мне домой надо.

– Когда приедут, тогда у них и спросишь. А сейчас ложись и не шатайся по вагону. И по чужим коробкам не лазь. Посадят.

– А как я домой попаду? У меня денег нет.

– Если билет сохранил, по нему и уедешь. Только после проверки. Обезвредят змею, а нас прицепят к другому составу и...

– Это хорошо. Билет есть. А пожрать хоть можно? Здесь на столах еды, ешь – не хочю.

– Это можно. Только смотри, чтобы тебя змея не укусила.

– Я аккуратно. Ноги подожду. А курить можно?

– На улицу двери открыты.

Валерий наелся до отвала, вышел на улицу, лёг на землю и закурил. Солнышко слепило глаза. Опять захотелось спать.

Сзади послышался рокот машин. Из них вышли люди в интересных костюмах, перчатках, с крюками, мешками и ещё каким-то длинным прибором. Их было человек шесть-семь. Затем подъехали милиционеры.

– Вы из этого вагона? – спросил мужчина.

– Из этого.

– Там ещё кто-то есть? – поинтересовался милиционер.

– Да. Наверное, проводник. Но он заперся.

– А вы ничего подозрительного не слышали?

– Нет. Я всё время проспал. Выпил немного. А утром пошёл к проводнику спросить, где мы, а он сказал, что в вагоне змея и что нас отцепили. А мне домой нужно.

– В вагоне шума, шипения нигде не было? – спросил мужчина в костюме.

– Нет. Ничего не слышал.

– Семён Аркадьевич, послушайте этого молодого человека. В этой жизни всегда надо быть пьяным. С ними ничего и никогда не случается. Вы, юноша, пока здесь побудьте, а мы поработаем. Если есть змея, непременно найдём и обезвредим.

Пока те работали в вагоне, милиционеры задавали Валерию каверзные вопросы и составляли протокол. Но ничего лишнего он им не сказал. Да, был пьяный. Спал.

Часа через три из вагона вышли специалисты в костюмах вместе с проводником, который опять был пьяный.

– Слава Богу, ничего нет. А если и была, то давно уползла.

Попытки милиционеров выпытать что-либо у проводника не привели ни к какому результату.

– Ни с того ни с сего началась давка. Кто-то заорал про змею. А этот, – показал он на Валерку, – спал. Даже не шевельнулся. Нас от состава отцепили, велели ждать представителей. А пассажиров распихали по другим вагонам. У меня осталось несколько коробок. Видно, забыли в спешке. Начальник велел доложить вам, а потом доставить их в Пензу и сдать в «Бюро находок».

Через пару часов вагон прицепили к хвосту поезда, следующего в прославленную трудовыми традициями Пензу.

Во время поездки Валерий с проводником крепко подружились и обменялись адресами, а к вечеру так плохо шевелили языками, что вместо речи слышалось только мычание.

До станции назначения ехали вдвоём. И это было здорово! Главное, никто не мешал.

А утром они с жадностью пили холодное пиво с вяленой рыбой.

ПИСЬМО

– Веня! Почтальонша заходила, пенсию принесла. И письмо. А кто написал, понять никак не могу. Очки третий день ищущу... Ты их не видал?

– А мои не подскажешь где?

– Куды сунула?.. Ищущу, ищущу, а найти не могу. Прямо колдовство какое-то... И письма в конверте нет. Одна фотокарточка. Я её и так, и этак... Расплывается всё. Мужик сфотографирован. Похож на Вовку. Но в морской форме. Откедова её можно взять в тундре-то? Он же там газ сверлит... А с другой стороны? Баба какая-то с хвостом у него на коленях сидит. Шлюха, поди. А он, паразит, трубку курит. В самом низу написано крупными буквами: «Привет из Сочи». Может, Сони? Тогда кто она? Жена али...

– Ну и что? Мало ли баб на свете? И все на коленях посидеть хотят.

– Ах ты, старый хрен! Уже и шевелиться нечему, а он всё своих подруг жизни вспоминает. Всех на коленях перетискал? Я знаю. И Верка Авраменко, говорят, твоя дочь... Сходство есть. Ноги такие же кривые, – зло хмыкнула жена.

– Ну, начала... Нормальные у Верки ноги. И лицом хороша. А на меня не похожа нисколечко. И с ногами ты перепутала. Это у тебя

они кривые. А баб? С хвостом-то почему? Таких отродясь не выдывал.

– Где тебе? Ты со своих не слазил, сволочь эдакая! Ноги мои ему не нравятся. Пойди, поищи с прямыми...

– Куда тебя всё время несёт? До чего ты занудная. Торчишь, как кость в горле. Кто о чём, а вши о бане. С письмом не разобралась, а туда же... Главное, свои очки потеряла и мои раздавила... Надо в город ехать, заказать или попросить, чтоб кто-нибудь привёз. Здесь, правда, ошибиться можно. Надо знать, какое зрение. Завтра в санчасть схожу. Может, наша фельдшерица померяет зрение?

– Она сама, как сова, не видит ни черта. Укол Прокопу делала, так вместо задницы в ляжку попала, – старушка ехидно засмеялась. – А ты сходи, сходи... Может, чего и выходишь.

– Обязательно выхожу. Дай хоть я открытку посмотрю. Хотя, погодь. Сейчас к соседке схожу. У неё точно очки есть.

Вениамин стал натягивать резиновые боты. В одном вдруг что-то сильно хрустнуло и затрещало.

– Нина, кажись, я чавой-то раздавил.

Он снял бот.

– Так оно и есть. Это твои очки. Как они туда могли попасть?

– Горе какое! Теперь и я ослепла. Вспомнила! – почти радостно закричала она. – У меня под стол укатился клубочек. Я полезла его искать, а очки-то и свалились. Стала шарить вокруг, а в это время Маруся Нефёдова зашла. Она деньги в долг брала. Пирожки с капустой и яйцами принесла. Я чайник поставила. Сели чай пить. Ты в это время на рыбалке был. Пришёл и спрашиваешь, откуда, мол, пирожки. Я тебе говорю, что Маруся была. Ты похвалил, сказал, что вкусные. А у меня очки совсем из головы вылетели. Напрочь. Всё перерыла. Нет! Как в воду канули. А они к тебе в бот... Но кто мог подумать, что они именно туда и упадут. Теперь надо точно в город ехать. Ты Валерку увидишь, договорись с ним. Скажешь, что я ему бутылку самогона за это поставлю, только пусть свозит. Он кожен день туда мотается с молоком. Чай в тягость ему не будем. Посидим спокойно. Погляди, может склеить как-то можно аль резинку привязать.

Вениамин высыпал содержимое бота на табурет.

- Тут одно месиво. Ни один клей не возьмёт. Сама поди посмотри.
 - Медведь косолапый...
 - А ты тогда – медведица. Ночь проспала на моих очках и даже не почувствовала. Кожа, как у крокодила.
 - Зато у вас бархатная...
 - Я куда-то собирался идти...
 - А я почём знаю? Вы обычно мне не докладываете.
 - Раз некуда идти, включай телевизор. Послушаем, как богатые плачут. Не помнишь, какая сегодня серия?
 - Разве их всех запомнишь. Я сначала записывала. А потом это дело бросила. С сотню будет. Хочется дожить и узнать, чем всё это закончится.
 - Нина, сегодня я в кресле смотрю, а ты на диване.
 - Случайно не перепутал?
 - У меня, в отличие от тебя, склероза нет.
 - Я на диване могу заснуть.
 - А ты сидя смотри.
 - Сидя неудобно.
 - Не переживай, я услышу, как ты сопеть начнёшь, и обязательно тебя разбуджу.
 - Один раз ты уже разбудил...
 - Извини, тогда я сам заснул.
 - Пока есть время, давай я пельмешек отварю. А то купить купили, а есть некому. После фильма чай с малиной... Я греночки мягкие пожарю.
 - Это дело...
 - Ты за мной как за каменной стеной.
 - Давай не будем уточнять, кто за чьей.
- Вскоре наступила ночь, старики разбрелись по своим кроватям и сладко уснули.
- Начало светать.
- Венька, ты спишь?! – вдруг прокричала бабка.
 - С тобой разве поспишь? Чё опять произошло?
 - Я вспомнила. Ты за очками вчера должен был сходить.
 - Я помню. Схожу ужю. Не сейчас же идти. Люди спят ещё. Это тебе всё никак нейдётся.

– Не забудь, – было слышно, как заскрипели пружины дивана. Это супруга перевернулась на другой бок и тут же захрапела.

Вениамин, проворочавшись с час, понял, что уснуть уже не удастся. Он встал, оделся и вышел на улицу. Солнышко, оторвавшись от земли, искрилось в каждой капельке росы. Воздух, казалось, звенел от отражённых искр.

Сходил в курятник, выпустил курочек, бросил им зерна.

За забором на крыльце курил Николай Максимович, отставной полковник. Сосед.

– Доброе утро, Максимович.

– Доброе утро, Вениамин Афанасьевич. Не спится? Заходи, покурим.

– Да разве только рядом посидеть, дымком подышать. Я, почитай, уж годков восемь как не курю.

– И это правильно, – они пожали друг другу руки. – Что с утра такой озабоченный, Афанасьевич?

– Максимыч, проблема у меня.

– Не вопрос. Сейчас похмелю. Вы должны знать, чем отличается умный человек от мудрого? Нет? Я напому. Умный готов решить любую проблему, а мудрый может только дать совет. Вам покрепче или пивка?

– Не-е-ет, что ты. Я с этим делом тоже давно завязал. Хотя... изредка и бывает, но не больше рюмочки.

– Тогда что произошло? Денег в долг дать?

– Нет, не надо. Вчера пенсию принесли.

– Во дела! Всё нормально – и вдруг проблемы... Выкладывай! Может, инопланетяне ночами посещают?

– Скажешь тоже. Очки у нас обоих поломались. Фотокарточку кто-то прислал. А мы... Окромя как руками потрогать – больше ничего.

– У меня с вами общая проблема. Я тоже вчера очки на пол уронил. И стёкла вдребезги. Сегодня еду в город. Могу взять. Часов в десять вас устроит?

– А я собирался просить нашего «молочника».

– Видите, как хорошо. И проблема отпала. К вечеру будете с новыми глазами. Завтракайте, не спеша собирайтесь... Я за вами зайду.

Вечером старички в новых очках первым делом принялись рассматривать фотографию.

– Точно, наш Вовка! «Привет из Сочи». А Сочи – это где-то на юге?

– До чего ж ты тёмная. Сочи – это город-курорт на Чёрном море. Туда отдыхать едут, на море купаться, загорать, с девками куражиться...

– Эко... Значит, он куражится уже. А чё у неё вместо ног плавник?

– Плавник для женщины не самое главное. Как бы тебе объяснить понятнее... Короче, на пляже стоит разрисованный щит. И в нём дыра выпилена. Туда голову вставляешь. А с другой стороны тебя фотографируют. Это вовсе не девка, а Русалка. Она тоже нарисована. Там всё что угодно намалевать могут. И на лошади сидишь, и гусаром стоишь... Таким образом у дураков деньги высасывают. Поняла? По телевизору показывали. Разве не видела?

– Я у телевизора не сижу цельными днями. И сварить, и постирать... Вот откедова ты такой умный у нас? А почему он с трубкой и в тельняшке?

– Объясняю бестолковым ещё раз. Тельняшка нарисована и фуражка тоже. А трубка?.. Може, дают там пососать, а може, и сам курит. Напиши, спроси.

– Куды писать-то? За четыре года первая весточка от него пришла. «Привет из Сочи». Ни «здрате», ни «до свидания», – Нина в обиде поджала губы.

– А я о чём? Выродился весь в тебя. Такой же непутёвый.

– Надо же, непутёвый... Все бы были, как я, непутёвые... Это он шатун в тебя. Помнишь, по молодости неделями пропадал. А-а-а... – в горечи она махнула рукой.

– Ладно. Ты тут разбирайся, откедова у кого ноги растут, а я схожу к соседу, на пиво приглашал.

Вениамин ушёл, а Нина долго смотрела увлажнёнными глазами на сына, поцеловала родное лицо и с печальным вздохом поставила фотокарточку на комод.

ВОЛЖСКАЯ КРАСАВИЦА

Надежда открыла глаза, будто и не спала. Было ощущение свежести, бодрости и полного отдыха. Она посмотрела в сторону окна. За стеклом висела крошечная тьма. Надя включила ночник. Часы показывали двадцать минут первого.

Спала максимум час. Но организм не был разбит и находился в состоянии абсолютного бодрствования. Ничего не беспокоило, ничего не тревожило, ничего не болело...

Выключив свет, Надежда попыталась снова уснуть. Ни молитвы, ни счёт до тысячи – ничего не помогало.

Она крутилась с боку на бок, пока окончательно не извелась.

Встав и накинув халат, Надя вышла на лоджию. На улице, в мерцании тусклых фонарей, тихо копошилась ночная жизнь. В глубине двора сладострастно смеялась девушка, в другом конце говорили громче. Там, скорее всего, пили пиво и курили. Огоньки то вспыхивали, то гасли. Казалось, что это летают на далёком юге светлячки.

В отдельных домах светились окна.

«Тоже не спят, – подумала Надежда. – Пусть у всех всегда и во всём будет хорошо! И никогда ни в один дом не заглянет беда. Это очень плохо и горько».

Приближалась осень, но прохлады абсолютно не чувствовалось. Даже лёгкий ветерок с Волги не нёс своей всегдашней бодрящей свежести.

Саратов. В нём она родилась и прожила всю свою жизнь, за малым исключением. Голодающее Поволжье – прозвали этот край в народе. И на самом деле это так. Летом солнце, как шальное, выжигает всё вокруг, а дождей почти не выпадает. Идешь по степи, а хруст сухой и выжженной зноем травы доносится до небес. Даже жутко становится.

«И название этому городу татаро-монголы дали подобающее – «Сары-тау» – Жёлтая гора. Есть, правда, и другие гипотезы, но эта интереснее.

Одна здесь радость и благодать – полноводная и безбрежная Волга с её величавой набережной, мостом, перекинутым до города Энгельс, и тысячами отдыхающих. Да что приобедняться, есть чем Саратову и гордиться, и что в нём посмотреть. Одни памятники Чернышевскому, Александру II, Кириллу и Мефодию, Столыпину чего стоят. Да разве только они одни.

Я люблю свой Саратов, – глядя вдаль, продолжала думать Надежда, – бескрайние просторы матушки Волги, люблю бесконечные овраги и балки, даже изнывающую жару с её жгучим ветром и летящим песком и, наконец, его прошлое и настоящее... Люблю – и всё. И буду любить! Что это я размечталась? Надо хоть чаю попить, всё равно уже не усну».

Надежда пошла на кухню, включила чайник. По дороге заглянула в комнату детей. Сашка безмятежно спал на кровати, раскинув руки и ноги, а Володя свернулся клубочком.

«Счастливые! – подумала она и улыбнулась. – Пусть спят, сил набираются. Хороший сон – эталон отменного здоровья. Впереди у Саши выпускной класс. Надо будет идти учиться дальше, но ещё ничего не выбрал. Витя, брат, советует поступать в военное училище, а я боюсь. Хотя посмотришь на человека в форме – и сердце замирает, особенно на моряка. Хороши ребята, красавцы! – улыбнулась она и потянулась. – Если бы в жизни всё начать сначала...»

Она налила чашку зелёного чая, положила немного сахара, достала из холодильника варенье из смородины. Печенье и конфеты лежали на столе на блюдечке.

Мысли витали от одного события к другому. И вдруг ей сильно захотелось окунуться в своё прошлое, вернуть тот путь, которым она шла сорок один год.

Надежда зашла в зал, встала на стул и с антресоли достала кучу альбомов с фотографиями. Последний раз она их смотрела лет семь назад, когда мама после операции попросила на них поглядеть. И ещё два альбома взяла с книжной полки. Это уже последние запечатлённые мгновения.

Встреча с прошлым всегда оставляет холодок в груди. Фотограф фиксирует секунду времени. У писателя же это время растянуто порой до многосерийного фильма.

«Вот я совсем маленькая. Папа, Царствие ему небесное, и мама стоят обнявшись, подняв воротники пальто. Я на руках у папы. Мама держит флажок в руке, а на асфальте кое-где лежит снежок, значит, очередной праздник Октябрьской революции.

А здесь я в детском саду. Возле меня Шурик Широков. Не отходил ни на шаг. Влюбился по уши. И он мне нравился. Боже, какая у него огромная голова и маленький нос! Уродец какой-то. Говорят, в Ярославле речным портом командует. Кто бы мог подумать? Помнится, как на Восьмое марта он мне припёр цветущий кактус в горшке. «Поздравляю», – говорит, суёт его мне в руки и целует. Я, ничего не подозревая, беру этот кактус руками – и все колючки впиваются в мои ладони. Сколько было крика и слёз... После этого любовь исчезла и появился вот этот мальчик. Звали его Витя. Фамилию не помню. Его отец был военный, и они вскоре уехали. А на прощанье Витя подарил мне военную пуговицу.

А на этом фото – уже школьница. Как же я всё-таки похожа на папу. И глаза его, и волосы, и такой же серьёзный взгляд, и даже чуть толстоватый носик. От мамы перешли слегка полноватые губы, рост, склад фигуры, ну и, конечно, всё женское начало. И ещё от неё достались малоразговорчивость и деловитость во всём.

А у моей подруги по работе, Светки, рот никогда не закрывается. Говорить может обо всём на свете, лишь бы не молчать. А я так не умею. И в компании тоже. Всем весело, а я как посторонний наблюдатель...»

Надежда задержала взгляд на маленькой выцветшей фотографии. На ней с крохотными букетиками стояла она, Володя Бондаренко и Лена Карпухина, а сзади них – первая учительница Агриппина Георгиевна. Это они после принятия в октябрята. Лена смотрела на Вовку, а он на Надю. Они обе никак не могли поделить этого мальчика, так сильно он им нравился.

«Сейчас посмотришь – и настроение пропадает. А я ведь с ним целовалась. Это потом он стал наркоманом, заболел СПИДом и умер в двадцать восемь лет.

Здесь меня принимают в пионеры...

Восьмой класс. Это я сижу вместе с Мишей Семичастным. Мы с ним дружили. Даже ходили в кино, ели мороженое, а зимой катались на коньках. Он очень много читал и интересно рассказывал. А потом, даже не закончив вторую четверть, уехал в Москву. Его маму перевели в какое-то министерство.

Школа... Как было всё здорово! Собирали металлолом, макулатуру, ходили в походы, помогали пенсионерам и ветеранам. И везде наш класс всегда занимал первые места.

А это уже в девятом... Здесь я очень деловая, вся в должностях и поручениях. Мальчишки опасались меня и обходили стороной, да и девочки тоже держались в тени. Может, и правда я была слишком принципиальна и строга не только к себе. Хотя... вся эта строгость и принципиальность вначале были скорее наиграны, а потом переросли в привычку. Меня как активистку школы немного побаивались и оттого сторонились.

Нравился мне вот этот парень, Ванечка Лопухов. Фамилия, конечно, не удалась... От него всегда исходили добро, душевность, теплота и спокойствие. Он не был красив, но не этим притягивал к себе. С ним было приятно говорить на любые темы. Он не изрекал, как это делают обычные люди, а пропевал свою речь. Из него получился бы прекрасный лектор или политический обозреватель, но в части, куда его призвали служить, случился пожар на артиллерийском складе. И он, без средств защиты, первым бросился тушить его. Задохнулся и сгорел.

Коля Ситкин, двоечник и лентяй. На третий день после выпускного вечера за разбойное нападение на магазин был осуждён на

восемь лет. Вышел, подобрал себе группу молодчиков и теперь держит несколько ресторанов и баров. Живёт припеваючи. Видела его как-то. Прошёл, даже не поздоровался, свинья! Вот и знай после этого, надо ли учиться, тратить кучу нервов? Может, проще с раннего детства начать воровать, а потом жить без забот?»

Учёба давалась Надежде очень легко. Её как активистку класса и школы выбирали во всевозможные комитеты. Была даже в комитете комсомола школы. Избирали делегатом на областную комсомольскую конференцию. И выступала там с высокой трибуны! Что-то предлагала дельное.

Все пророчили Наде светлое будущее, рекомендовали поступать учиться на филологический факультет. Но нет, ей это не нравилось. Поступила в торговый институт.

Класс, в котором она училась, за исключением отдельных личностей, был дружный, жил едиными мыслями и целями. Как говорится: «Один за всех и все за одного!»

«Вот весь наш десятый «В» перед выпускными экзаменами. Двадцать восемь учеников, двадцать восемь судеб, двадцать восемь полноценных граждан своей страны. Посередине Татьяна Терентьевна, классный руководитель. Сколько она отдала нам сил, нервов и терпения! А мы, как маленькие садисты, издевались над педагогами, особенно Валька Старостин, Генка Трофимов и Наташа Чернова – бес в юбке. Просто неугомонная была. Хотя училась тоже хорошо.

Тяжёлое ремесло у учителя. Я бы не смогла. Надо иметь столько выдержки, такта, самообладания, да к тому же железные нервы. Героическая профессия!

Витя Белов. Хороший мальчик. Я ему нравилась. Это было заметно. Теперь в нашем медицинском университете он заместитель заведующего кафедры какой-то хирургии. Доктор наук! Кто бы мог подумать. Возмужал, животик появился... Спасибо ему, семь лет назад у мамы был сильный приступ желчнокаменной болезни. Он без вопросов положил её в клинику и сам прооперировал. Даже домой после выписки привёз. Женат. Жена – невропатолог во второй больнице. Двое детей. Тоже пойдут по стопам родителей, станут врачами.

А это три закадычных друга: Лёша Максимов, Валя Жуков и Дима Конопатенко. Они всегда были вместе и всегда улыбались. И все погибли в море. Танкер, на котором они работали, вёз через Атлантику зерно и попал в шторм. В трюм, где оно хранилось, затекла вода. Зерно «загорелось», разбухло и буквально разорвало судно. Хорошие были ребята.

Это Петя Филипенко. Мальчик как мальчик. Его никто и не замечал в классе. Есть и есть. Был сам по себе. И на меня всегда смотрел. Но чтобы заговорить... Да он мне и не нравился. Потом этот Петя окончил Военно-морское училище подводного плавания, стал командиром подлодки... Короче, за что-то получил Героя. Кто бы мог подумать... Приехал в отпуск, нашёл меня, в ресторан пригласил... Мы как вошли с ним зал, все глаза только и смотрели на его грудь, на которой искрилась Золотая Звезда. Он уговаривал меня всё бросить, выйти за него замуж и поехать с ним на север. А в это время я второй раз была замужем, родила второго ребёнка, Володю. Но муж оказался алкоголиком. Даже бил иногда. Через три года пришлось с ним развестись. В сорок лет незапятнанных принцев не бывает. Дура! Счастье само в руки шло. Сама виновата... Теперь чего жалеть о содеянном!

Двадцать восемь нас было, семнадцать девочек и одиннадцать мальчиков. И все пошли только своей дорогой. Одних она привела в тюрьму, других в могилу, третьих подняла к звёздам, а четвёртые живут, не мешая никому, пятые...

Пятые сейчас сидят и среди ночи рассматривают фотографии, вспоминают и грустят о былом.

А вот мы на Волге встречаем рассвет. Все девочки в красивых платьях и причёсках, как принцессы, а мальчики в костюмах и галстуках. В это утро солнышко долго не хотело просыпаться, прячась за тучками. Но потом, вспомнив о нашем прощании со школой, небо быстренько прояснилось и яркие лучики брызнули на нас, зеркально отражаясь от водной глади великой реки.

Мишка Лебедев пьяный. Его под утро под руки вели. И закончил он очень-очень плохо – при ограблении магазина был убит милиционерами.

Расстались мы у памятника Николаю Гавриловичу Чернышевскому и счастливые пошли отсыпаться по домам. В этот день началась наша длинная, сложная и запутанная взрослая жизнь.

Разные мы все.

А вообще, из нашего класса вышло много замечательных людей, в основном мальчики, а девочки повыходили замуж, и кто где, не видно и не слышно.

В юности хочется и звёзд достать, и достичь невиданных высот, и чтоб подружки завидовали, и мальчики любили только тебя одну.

Но юность проходит, и взрослая жизнь расставляет всё по своим местам. Иногда кажется даже несправедливо.

Всё начиналось невероятно хорошо. Просто сказочно!

Без больших затруднений поступила в торговый институт. Учёба нравилась, давалась легко. И сразу пришла любовь в разноцветных красках безоблачного счастья.

На этой фотографии я уже студентка первого курса. Рядом со мной красавец Гена, учился на четвёртом курсе нашего института. Он всегда был рядом. Всегда и везде. Налетел как вихрь, закружил, завертел. Я от такого напора опомниться не успела, как в начале второго курса он уговорил меня расписаться, хотя мы с ним сразу после Нового года уже жили как муж и жена. Но на каникулы уехали каждый в свою сторону. Как он сказал: «Для того, чтобы огонь нашей любви разгорелся с новой силой, нам нужно на время расстаться, чтобы соскучиться. А сюрприз родителям сделаем позже», – и просил им ничего не говорить. Я, дурочка, слушалась его, как собачка дрессировщика. Он вызывал во мне такие чувства, что я абсолютно забывала о себе, ходила как в гипнотическом сне. И любила его безрассудно.

Вернувшись после каникул, он настоял, чтобы мы пошли в ЗАГС, без родителей и гостей, в целях экономии денег, как сказал он. Опять намекал о каком-то сюрпризе.

Свадьбы как таковой не было. Со свидетелями посидели в кафе, выпили две бутылки сухого вина. Потом гуляли в парке, ели мороженое, катались на лодках по озеру. Гена всё время говорил, а я слушала, слушала, слушала и погружалась в него всё больше и больше.

Вскоре забеременела, а в середине июня родила мальчика. Гена был на седьмом небе! Экзамены не сдавала, перевели на третий курс просто так.

А Геночка сдал государственные экзамены, распределился в Нальчик и уехал, сказав, что как устроится, сразу заберёт.

Больше я его никогда не видела.

Обращалась в милицию, делала запросы – ответ один: «По указанному месту данный гражданин не проживает». Помнила, что родом он из Краснодарского края, а вот станицу вспомнить никак не могла. Да и тогда она была не нужна.

Как ни было печально и больно, а с ребёнком на руках вернулась в родные пенаты. Жизнь утратила свою прелесть, окрасив всё в серые и чёрные тона.

Отец не пережил случившегося. На третий день у него возник обширный инфаркт и он, не приходя в сознание, скончался. А волосы у мамы быстро побелели.

Так мы стали обитать втроём. Поначалу из дома носа не показывала, стыдно было. Жили трудно. Я видела, как мама тянется из последних сил, буквально падает от усталости. Через полгода Сашку отдала в ясли, а сама пошла работать продавцом в магазин. Но учёбу не бросила, перевелась на заочное обучение.

Надо было жить!

Здесь мне вручают красный диплом.

После окончания института стала вначале товароведом в нашем магазине, а вот уже четыре года как директор в нём.

Как жила?

По-разному.

Я выросла, дети росли...

Мама, слава Богу, жива, всё время пытается мне помочь. Чем только? Всё есть, и ничего не надо. Вот только пустота вокруг, вакуум в душе...

Есть друг. Он старше меня на восемь лет. Встречаемся иногда. Но общих интересов, мыслей, стремлений нет. Мужик в общем-то неплохой, но какой-то несовременный. Тоже больше молчит. Даже не курит и не пьёт. И я молчу. Но спасибо, с квартирой помог, машину подарил, дачу помог купить... Но муторно с ним и даже

тяжко. Хожу как мумия, без улыбок и эмоций. Любовь не покупается никакими деньгами. Уши хотят услышать нежные слова, тело – почувствовать ласку и трепет... Создаю видимость благополучия и эфемерного счастья. Как иначе? К этому уже привыкла.

Вроде бы всё есть. Грех жаловаться. И дом – полная чаша. А вот хочется полёта. Птице в клетке тоже, наверное, хочется взлететь. Высоко-высоко...

Не каждый год, но езжу с детьми в Сочи на море. Надо же давать изредка организму отдохнуть и расслабиться.

Романы?

Иногда бывают.

Но редко-редко и тихо-тихо.

Здесь наш практически весь бабский коллектив, за исключением рубщиков мяса и грузчиков.

Хочу заметить, что люди меня любят и ценят. Но и мне для этого нужно крутиться. Им помогать надо. Пришлось много поработать, чтоб из разобщённого коллектива сделать единый крепкий монолит.

Два раза в год мы арендуем автобус и в обязательном порядке едем на экскурсии.

Где мы только не были. Побывали практически во всех крупных городах, стоящих на Волге. А летом этого года ездили в Тарханы, что в Пензенской области, к великому Лермонтову. Боже, какой там простор и красотища! А природа, тишина... Всё, в отличие от нашего выжженного и пыльного Саратова, насыщено яркой, живой и сочной зеленью. Пруды, словно покрытые гладким зеркалом, отражают в себе синь неба, белоснежные облака, склонённые к ним ивы. А на огромной поляне три великих дуба, как три брата, поддерживая друг друга, устремлены ввысь.

Стою рядом с памятником поэту. Какие же всё-таки умные люди были! Прожил двадцать шесть лет, а сколько создал великого, не перечить: проза, стихи, поэмы, картины... А если б ещё жил, то мог столько написать, что и не перечитаешь!!!

Есть строгая, самобытная красота Вологды, многоголосая ширь Астрахани, величавый Нижний Новгород, провинциальная Пенза и

тихие Тарханы. Здесь мир застыл в своём первозданном величии. И чтобы его не потревожить, приходится говорить шёпотом.

А вот мои любимые фотографии. Когда порой становится горько на душе, я всегда разглядываю их.

Мы ехали в Тарханы. Неподдалёку от посёлка Колышлей на трассе увидели берёзовую рощу. Остановились. Я тихо шла по этому белому царству. Под ногами шелестела трава и потрескивали сухие веточки. Было ошеломляюще красиво, грустно и немного одиноко. Мир безмятежности витал вокруг. Берёзы, как сёстры, окружали меня и манили к себе. А постоянно шелестящая в вышине малахитовая листва дополняла гармонию фантастического чуда и спокойствия.

Я обнимала то одно, то другое деревце, прижимала его к себе, шептала слова любви, нежности и что-то ещё, личное и сокровенное. Казалось, что сама Олеся из повести Куприна снизошла сюда с небес.

И все, кто видел эти мои фотографии в берёзовой роще, обязательно говорили: «Волжская красавица!» Я уже и сама начинаю в это верить, что похожа на неё.

А почему бы и нет?

Волжская красавица Надежда! – красиво звучит.

Ба, а за окном уже светло. Ночь, как и жизнь, промчалась мгновенно. Сорок один год пролетел сегодня за одну ночь.

На жизнь жаловаться грешно. И хорошее, что было, и плохое – всё моё.

Пойду приму душ, приготовлю завтрак и начну собираться на работу. Волжская красавица должна выглядеть подобающе своему имени.

А сыновья пусть спят, сколько хотят».

«ЕВРЕЙ»

Миша с самого детства слыл хитрым, замысловатым и изворотливым мальчиком. Его широко распахнутые карие глаза смотрели на всех лукаво и с хитринкой. Ровная прямая чёлка, постоянный атрибут его причёски, спускалась до самых глаз. И что характерно, он никому и никогда не верил, кроме себя, разумеется. Поэтому обмануть его было практически невозможно.

За это в посёлке и прозвали его «еврей», хотя до еврея ему было так же далеко, как вьетнамцу до конголезца.

С возрастом его характер и подозрительность не только остались в нём, а, может быть, и утроились.

И ходил он как-то по-особенному. Либо его руки были глубоко засунуты в карманы, либо он почти ими не размахивал, наклонив слегка вперёд туловище.

Михаил был выше среднего роста, жилист и обладал невероятной силой.

Что ещё можно отметить – его порядочность во всём.

Так же и жил: домовито, правильно, законопослушно, почитая старших и уважая начальников.

Женился на толковой, хозяйственной и симпатичной девушке Татьяне. Жили они тихо и рачительно, родив двоих детей и складывая копейчку к копейчке.

Михаил никогда не курил, а если и выпивал, то по случаю и дела ради.

Руки у него росли оттуда, откуда им и положено расти. Он сам, без посторонней помощи, обновил дом, построил баню, сарай, навес для хранения сена... И хозяйство содержал большое. Короче, на гулянки и пьянки не было времени. Да и не любил он этого.

Ну а если чего-то не хватало или надо было достать, тут уж Миша сразу находил нужных людей, убалтывал и ублажал их, а те за бутылку водки всё ему и доставали. Домой добытое вёз сам. И разгружался сам, чтоб не платить лишнюю копейчку.

По работоспособности его можно сравнить только с бобром или муравьём – ни секунды без дела. С утра до вечера он крутил баранку автомобиля, а вечером занимался строительством или хозяйственными делами.

Нет, он не был затворником и не вёл монашеский образ жизни, а даже наоборот – слыл общительным и имел массу друзей. И дружить умел. А это в современной жизни – большое достоинство!

Было у него два старших брата, Витя и Толя. Но они в корне отличались от Михаила. Эти братцы, как шатуны-медведи, к домашнему жилью не имели привязанности. Они находились в вечном поиске лучшей жизни. Им бы погулять, водки до отрыжки попить, раз по шесть жениться да съездить в тундру на заработки, а по дороге всё пропить.

Как-то приехал в посёлок Мишин одноклассник и друг Юрка Федюшин. Врач. Он каждый год навещал родной край. А тут не просто приехал, а явился овеванный славой, так как в нём раскрылись не понятные даже Михаилу экстрасенсорные способности. И стал этот Юрка в больнице руками водить. Он водит – народ платит. Очередь, как к мавзолею Ленина, не меньше.

И прослыл он среди односельчан великим чародеем. Чуть ли не волшебником!

А вечером, не каждый, конечно, день, друзья встречались у Миши на веранде. Татьяна, быстро накрыв стол, уходила доить коров

и заниматься другими делами, а Михаил доставал холодную бутылку водки, и беседа неспешно текла только в одном русле – как это так у Юрки появился такой дар. И впервые в жизни он поверил во всемогущество человека, его силу и гениальность. Пошатнулось его природное недоверие.

– Юра, вот ты мне скажи: как сделать так, чтобы жить хорошо и ничего не делать?

– Очень просто. Перед сном под подушку кладёшь плитку шоколада. И утром у тебя всё в шоколаде.

– Надо вначале Таньке положить, – хмыкнул Михаил. – И посмотреть, что будет.

В тот вечер к Мише пришёл его старший брат, Витя. Во-первых, и с человеком интересным поговорить, и водочки «на шару» выпить. Ведь так просто никто не нальёт. А тут такой случай!..

Разговор вначале шёл ни о чем.

– Юр, – Виктора потянуло на философию, – я тут недавно в телеге журнал нашёл (он работал конюхом), кто бросил, понятия не имею. Статья была про внутренний мир мужиков и женщин. Я и половины не понял. Но написано занятно. Ты можешь что-то по этому поводу сказать?

– Основным показателем противоречий внутренних миров мужчин и женщин, – Юрий очень любил разглагольствовать на подобные темы, и поэтому его понесло, – являются их половые различия. Это, надеюсь, всем ясно, и именно это является главенствующей причиной. Заметь, когда женщина моет пол, она уверена, что пол станет чище, а когда это делает мужчина, он твёрдо убеждён, что тот всё равно останется грязным.

– Эко ты наплёл! За это стоит даже выпить, – Михаил принялся разливать водку. – Я, например, никогда полы не мою. Это у вас в городе... А Витька, как от него пять лет назад ушла жена, тряпки в руки сроду не брал, только стакан. У него на полу грязи столько, что и досок не видно. И весь дом в паутине. Там знаешь, какие пауки, – с ладонь. Вмиг сожрут. Зато ни мух, ни комаров. Вот поди знай, где хорошо, а где плохо. Если будешь нам здесь всякую ересь нести, отволоку тебя туда.

– Юра, – Виктору захотелось чего-то необычного, неземного, – можешь сейчас нам что-нибудь показать эдакое? – и он покрутил рукой в воздухе.

– Я даже не знаю. Можно попытаться, – Юрий задумался. Он решил подшутить над другом. – Давайте я попробую желание отгадать. Правда, может не получиться, всё-таки алкоголь выпили. И предупреждаю, всё должно быть честно. Миша, ты готов? – Юрий внимательно посмотрел на Михаила.

– Давай с Витьки начнём, – подозрительно проговорил тот.

– Нет. Он уже пьяный. С ним не интересно. А ты... Загадывай желание и смотри прямо мне в глаза, ни на что не отвлекайся, постоянно думая об этом. Ты меня понял или что-то неясно?

– Понял, давай, начинай, – с заметным нежеланием и подозрительностью согласился он.

Юрий напряжённо глядел в Мишины глаза, то щурился от напряжения, то раздражённо мотал головой...

– Мишаня, что-то меня отвлекает. Либо ты не думаешь о своём желании, либо алкоголь мешает. Прикрой один глаз ладонью и продолжай глядеть на меня. Только обязательно думай...

Михаил прикрыл глаз. Теперь он нисколько не сомневался, что желание будет раскрыто. Его миф недоверия таял, как леденец во рту.

Юрий ещё с минуту смотрел в коричневый глаз друга, потом откинулся на стуле и, слегка улыбнувшись, сказал фразу, после которой Виктор от хохота сполз под стол.

– Размечтался, одноглазый?

– Обманули, первый раз за всю жизнь «еврея» обманули, – катался Виктор по полу от неистового хохота.

Смеялись все. Покатом.

Долго ещё эта история пересказывалась из уст в уста, обрастая всё новыми и новыми подробностями, превращаясь чуть ли не в легенду.

И поныне, при редких встречах, Михаил обязательно говорил: «Юрок, а помнишь, как ты меня...» – и здесь он добавлял далеко не литературное слово.

ЯША

1

Утро стремительно набирало свой разбег. Моросил мелкий, не нудный, но очень долгожданный дождь. Птицы, отдыхая от беспрестанной испепеляющей жары, неистово кричали, радуясь долгожданной прохладе. Люди никуда не спешили и улыбались друг другу. Они тоже остывали от летнего изнурительного пекла. Всё радовало душу! Хотелось, чтобы так было всегда. Всегда и везде! Даже тянуло скакать на одной ножке от счастья.

Маргарита Николаевна не торопясь шла с ночного дежурства домой. Ну, Маргаритой Николаевной она была на работе, во второй больнице, где вот уже год трудилась врачом в кардиологическом отделении. А в простой жизни её, молодую красивую девушку, все звали Ритой, хотя она и считала себя очень даже взрослой. Как-никак, а скоро уже двадцать шесть лет!

Но это детали. Главное – совсем не замечая дождя, она находилась в таком блаженстве, в котором пребывала только в далёком-далёком детстве.

Рита весело шагала, размахивая сумочкой, и что-то напевала. Она не обращала внимания на давно промокшее платье.

Подходя к дому, Маргарита услышала под скамейкой жалобное мяуканье. Приглядевшись, увидела в самом уголке чёрного, с белой мордочкой и ярко выраженными жёлтыми глазами маленького котёнка. Его шерстка промокла и скорбно висела. Котёнок сидел сгорбившись и неистово дрожал.

– Как ты сюда попал, дружище? – Маргарита нагнулась и попыталась его вытащить, но тот ещё глубже забился в угол. – Иди сюда, глупенький, – Рита встала на колени, но руками никак не могла до него дотянуться.

В одно мгновение она с головы до ног вывозилась в грязи.

– Молодой человек, – окликнула она проходившего мимо молодого мужчину, – вы не можете мне достать котёнка? Я не могу до него дотянуться. Жалко. Промок весь, бедняга, и замёрз. Видно, кто-то выкинул. До чего злые люди! Возьму его себе. А то подохнет здесь, правда? – Маргарита грустно взглянула на представителя сильного пола.

Мужчина подошёл, наклонился, посмотрел. Затем обошёл скамейку, взяв несчастное животное, протянул его девушке.

Рита инстинктивно покраснела от простоты выполненного действия.

– Вы бы видели себя... – улыбнулся он. – Вылитая Золушка из детской сказки, – он весело рассмеялся, закрывая Риту от дождя зонтом. – Хотя... красоту ничем нельзя испортить, ни шубой из песка, ни дорогим кольцом на пальце, ни этой благородной грязью, – и он снова рассмеялся. – Где вы живёте?

– В этом подъезде. Но у меня из всего перечисленного вами, кроме грязи, разумеется, ничего нет.

– Замечательно! Значит, непременно будет. А сейчас – бегом! Иначе простудитесь. Давайте вашу сумочку, а вы несите своего спасённого кота. На каком этаже живёт моя прекрасная леди?

– На третьем.

– Превосходно! Лифт отменяется. Только пешком и в ускоренном темпе. Это я вам как врач заявляю.

– Вы врач? – хитро улыбнулась Маргарита.

– Да! И представьте себе, неплохой. Это не я говорю, а больные, которых я лечу.

– И какой, если не секрет?
– Нейрохирург.
– Ого! Серьёзная профессия.
– Согласен. А вы?..
– Мы уже пришли. Пожалуйста, достаньте из сумочки ключи. Они в маленьком кармашке. Родители, наверное, ещё спят. Не хочу будить.

Как только ключ вошёл в отверстие замка, дверь распахнулась. В проёме стояла миловидная женщина в цветастом халате.

Рита шагнула за порог.

– Доброе утро, мама. Папа спит?

– Спит. Его сегодня ночью два раза вызывали. Ритуля, где ты так вывозилась? В больнице потолок обвалился или канализацию прорвало?

– Всё в порядке. Мамочка, познакомься, это Яша, – и она протянула ей котёнка.

– Очень приятно. Людмила Александровна. Чего вы там стоите, Яша? Проходите в дом.

– Прошу прощения, но меня зовут Гена. А Яша, по всей видимости, он, – показал Геннадий на прижатого к груди Людмилы Александровны котёнка.

– Извините, пожалуйста. Какой миленький котёночек! Давай, Рита, я его полотенцем вытру и подогрею молочка. А вы, Гена, проходите на кухню. Сейчас будем кофе пить с пирожками. Сегодня пекла. Специально к Ритиному приходу. Ещё горячие. С рисом, яйцами и луком.

– Прошу прощения, но я сейчас очень тороплюсь. Обещаю попробовать обязательно. Мы с Риточкой сегодня в 18.30 встречаемся у входа в театр имени Комиссаржевской, и она мне принесёт парочку, если, конечно, не съест по дороге, – улыбнулся он. – До свидания. Рита, я буду в темных брюках, светлом пиджаке и с букетом роз! – крикнул он, сбегая по лестнице.

– А галстук? – прокричала она вслед.

– Галстук сейчас не в моде, – и дверь подъезда закрылась.

– Рита, быстро под горячий душ и за стол. Не хватало, чтобы летом простудилась.

Мать и дочь сидели за столом, как вдруг в костюме, галстук и с бутылкой коньяка на кухню вошёл отец.

– Коля, это по какому случаю ты вырядился? Да ещё со спиртным? Что за праздник? Или переспал маленько?

– Доброе утро. У нас же гости?

– Где ты их увидел?

– Я из ума ещё не выжил. Мне мужской голос явно не приснился. И говорили о встрече, розах... Вот я и подумал, что жених свататься пришёл. Какое сватовство может быть без бутылки и отца у этого замечательного ребёнка? Где он? Когда свадьба?

– Папа, ты сейчас о чём?

– Действительно, дочка, что это за мужчина? Театр, цветы?.. И правда, очень как-то неожиданно и странно. Но должна отметить: мужчина очень приятный, я бы даже сказала – красивый. Он с тобой работает? – поинтересовалась мать.

– Я его не знаю. Шла, пыталась котёнка достать, а он мимо проходил и помог мне... Вот и всё. Только обмолвился, что тоже врач, нейрохирург.

– Ты сегодня с ним в театр пойдёшь?

– Мама! Какой театр?! С человеком знакома две с половиной минуты – и театр... Не смехи.

– Ты в девках решила засидеться, дорогая? – это отец, переодевшись в спортивный костюм, вернулся на кухню. – Тебе, милочка, уже не восемнадцать лет. С твоей работой кого-либо порядочного найти невозможно. А вся шваль уличная по барам сидит, пиво хлещет да наркотиками балуется. Вот оттуда СПИД в стране и уроды рождаются. Скоро нормальный человек станет редкостью! Либо вымрет. Мать говорит, что хороший мужчина, значит... А сколько ему лет?

– На вид – тридцать или около этого.

– Для мужчины самый возраст, – резюмировал он. – И на ногах твёрдо стоит, и характер сформировался. Не будь душой! Надо встретиться, узнать человека... Или ты думаешь, что принц к тебе сам прилетит? Не дури, дорогая! Пойдёшь, поговоришь, заодно и спектакль посмотришь...

– Папа, до вечера ещё далеко. Я так устала. Дежурство было не из лёгких.

– Милая моя, эту профессию сама выбрала. Ты думаешь, мне за столом стоять, оперировать по три, четыре, а то и пять часов легко? Тебе сколько годков? А мне, извини, к полтиннику полшага пути. А это кто у нас в пуховом платке завёрнут? – увидел он, как что-то шевелится в углу.

Рита подбежала к креслу, размотала платок.

– Папочка, посмотри, какая прелесть! Это Яша.

Кот потянулся во всю свою маленькую длину, сладко зевнул, благодарно обнял Маргариту и лизнул её в щёку.

– Какое очарование! – промолвила мама.

– Дайте мне его, – отец ласково взял котёнка на руки, перевернул на спину, отодвинул хвост и подтвердил мужской пол. – А почему, собственно говоря, Яша? – недоумённо спросил он.

– Кот на нашего рентгенолога очень похож, – засмеялась Рита. – Просто одно лицо.

– Если на рентгенолога... Пусть остаётся Яшей.

– Доченька, иди отдохни. К вечеру ты должна выглядеть как огурчик, – мать обняла и поцеловала дочку, – а то глаза ввалились, синева.... Иди, мы с папой всё уберём.

– И правда, пойду вздремну.

Лишь щека коснулась подушки, сладкий сон тут же сморил её.

3

Часы пробили два раза.

Нужно будить Риту. Пора просыпаться.

В квартиру позвонили.

– Буди-буди, я открою, – отец со стоном поднялся с дивана и направился в прихожую.

В дверях с огромным букетом роз стоял старший ординатор нейрохирургического отделения Павлюк Геннадий Сергеевич.

Геннадий изумлённо глядел на заведующего кардиохирургией Лебедева.

– Здравствуйте, Николай Михайлович, – поражённо и в то же время ошеломлённо пролепетал Павлюк.

– Гена, здравствуй. Что опять случилось? Вчера целый день в клинике провёл. У врачей выходные бывают? Почему тебя послали? Заходи, я сейчас переоденусь. Да, а почему розы? До юбилея мне далековато. И до пенсии тоже.

– Николай Михайлович, всё в порядке. Не надо никуда ехать. А розы...

– Ничего не понимаю. Ты здесь, а ехать не надо.

– Я сегодня утром вашей дочери помогал котёнка достать... Принёс ему молоко с рынка и немного свежего мяса. Он у вас или...

– Вот оно что! А то мне послышалось, что какой-то молодой человек приглашал мою Маргариту в театр и убежал. Думал, пригрезилось. Это был ты?

– Я, Николай Михайлович. Так надо было. В отделение к себе ходил. У меня два тяжёлых. Беспокоился... К счастью, всё в порядке. Потом на рынок ездил, домой заходил, переоделся. И розы Маргарите Николаевне купил.

– А Яша у нас. Вот, оказывается, кто его спаситель! Я прессу просматривал, а он у меня на груди дрыхнул. Ты проходи, не стой в дверях. Положи букет на тумбочку, раздевайся и ступай в ванную мыть руки. Обедать будем.

– Спасибо большое, я сыт.

– Меня это нисколечко не интересует.

– Коля, кто пришёл? – донёсся голос жены из спальни дочери.

– Не скажу. Пусть тебя любопытство гложет. Мы обедать сегодня будем, Людмила Александровна, или у нас пост?

– Иду-иду. Мог бы и сам кастрюлю на плиту поставить.

– Мне нельзя руки перетруждать. Врачи рекомендуют тяжелее рюмки ничего не поднимать.

– Знаю я твои рюмки... Сестёр на руках таскать можно, а кастрюлю... Здравствуйте, Гена... А вы...

– Знакомьтесь, Геннадий Сергеевич, моя сварливая супруга, Людмила Александровна. В ней живут два антипода. Она очень любит посмеяться, а порой сразу намеревается обидеться, сама не зная на что. А ещё умеет красиво удивляться. Прямо как девочка. И если бы её сейчас здесь не было, обязательно сказал, что безумно её люблю!

– Коля, – Людмила Александровна довольно махнула рукой, – скажешь тоже... Спасибо, конечно, очень приятно, но...

– А вот и моя лохматая дочь, Маргарита. Она только проснулась.

– Ой! – простонала Рита и скрылась в спальне.

– Не будем ей мешать. Минут через двадцать выйдет потрясающе красивой. А мы проследуем на кухню. У меня есть изумительный коньяк. Из Франции привезли для торжественных случаев. Считаю твой сегодняшний приход очень даже торжественным.

– Николай Михайлович...

– Возражения не принимаются.

– Коля, что ты к человеку пристаёшь? Может, он не пьёт вообще, – вмешалась жена.

– Если хирург не пьёт, его место в поликлинике, прыщи давить. После двух-трёх часов пребывания за операционным столом так вымотаешься, что без рюмочки никак не обойтись.

– Тебя послушаешь, то все хирурги – пьяницы?

– Типичная женская логика. Заметь, Гена, они заливаются над шутками Хазанова, Маменко, Петросяна... Но поверь мне на слово, жёны этих самых шутников в доме юмора не понимают. Всё, что могла исторического изобрести в этом мире женщина, – придумать Восьмое марта. Только из-за этого мы её помним и уважаем. И то потому, что это выходной день. Не женись, Генка. Не зря за столом взрослые люди «Горько» кричат. Народ понапрасну таких слов орать не будет. А, впрочем, на моей Ритке женись. Объясняю почему. Во-первых, у вас с ней одна профессия, одна точка соприкосновения...

– Рита тоже врач? – удивился Геннадий.

– А ты не знал? Ординатор кардиологического отделения во второй больнице. И что самое главное – не испорчена нашим гнилым обществом. Не курит, не пьёт... О других вещах я просто промолчу. А времени ходить и искать мальчика, читающего на скамеечке Булгакова, просто нет. Да и мальчиков таких уже тоже нет. Какое нас ждёт, в перспективе, испорченное общество... Я сам видел, – Николай Михайлович перекрестился, – как жених и невеста, она в фате, он в костюме, фотографировались на набережной. Из

их ртов не вылетело ни одного порядочного слова. Сплошной мат с обеих сторон. А ведь это будущая мать, а он, может быть, отец. Я просто в шоке. И так почти везде. Полная деградация. Жутко! Противно! Страшно! Сейчас приходят врачи после платного обучения с нулевыми знаниями. Кто это? А я скажу. Дипломированные убийцы! Зная, что из больницы их через время попрут, они открывают собственные клиники, кабинеты... Мы же после вмешательства этих «светил» потом сделать ничего не можем. А кладбище от лечения этих «корифеев» стремительно расширяется. Вот и представь себе наше светлое лучезарное будущее.

– Коля, человек видел нашу дочь две минуты. А ты, – женись!

– Тогда пусть наша дочь ходит старой девой или найдёт для себя алкоголика, а на худой конец наркомана, он народит нам уродов...

– Типун тебе на язык!

– Я согласен... – выпалил Геннадий.

– Что согласен?

– Жениться на вашей дочери. Рита мне сразу понравилась.

– Дело говоришь! За это стоит выпить... Вот и наша Маргарита прекрасная. Правда, хороша? Ты чего такая красная? Аллергии вроде у тебя никогда не было... Прости, совсем забыл про ваш утренник в больнице. Вживаешься в роль синьора Помидора? – расхохотался Николай Михайлович.

– Папа...

– Шучу, дочь, шучу. Присаживайся к столу.

– Коля... – возмущённо сказала супруга. – Даже неудобно перед гостем. Просто было пасмурно и она забыла задвинуть шторы, а потом появилось солнышко и напекло лицо...

– Совсем другое дело. Бывает... Знакомься, мой коллега Геннадий...

– Что вы, Николай Михайлович, так официально. Аж мне страшно стало. Просто Гена. И мы уже знакомы.

– Пардон! Я совсем забыл. Годы, склероз... Кстати, Ритуля, он тебе такие шикарные розы принёс...

– Ой, извините... Я на секундочку...

Геннадий выбежал в коридор и вернулся оттуда с букетом.

– Это вам, – протянул Гена розы Маргарите, склонив голову.
– Спасибо, – лицо Риты опять стало пунцовым. Она окунула его в букет.

– Вы в театр сегодня идёте? Какой? Что за спектакль?

– В театр имени Комиссаржевской. Кстати, мой самый любимый театр. А спектакль «Утоли мои печали». По отзывам – очень даже хороший.

– Мать, а мы с тобой когда последний раз ходили на спектакль или концерт?

– Я что-то и не припомню.

– А может, сегодня тоже...

– Может, но не сегодня, – Людмила Александровна недоумённо взглянула на мужа.

– Ответ очень мудрый, – согласился Николай Михайлович.

– Не подлизывайся. Садимся все к столу поближе. Я подаю борщ. Теперь уже и не знаю, что это – поздний обед или ранний ужин? – счастливо улыбнулась она.

– Нам всё равно. Рита, а ты обратила внимание, как элегантно одет Геннадий? Светлые брюки, тёмный пиджак... Очень оригинально! Как тебе? Мне нравится? Может, и я так начну ходить?

– Помнится, утром он говорил совсем о другом одеянии: тёмных брюках и светлом пиджаке, – уточнила Рита.

– Маргарита Николаевна, восхищён вашей внимательностью! Для красивой девушки это огромный плюс. Я когда оделся, то сразу испугался, что в толпе обворожительных мужчин вы меня не узнаете и не найдёте. Поэтому сразу стало обидно за себя. Посему я и пришёл к вам, чтобы избежать нежелательных недоразумений. А облик поменял из-за веской причины. У пиджака оторвалась пуговица.

– Всё, друзья мои, дебаты прекращаем! И правда хочется есть, – Николай Михайлович разлил по рюмкам коньяк. – Давайте выпьем за всё хорошее. Мне очень хочется, чтобы эта встреча была началом длинной и счастливой истории.

Все чокнулись и молча выпили до дна, думая каждый о своём. Но мыслили об одном и том же.

Борщ был удивительно вкусным и буквально в одно мгновение съеден.

– Мама, а Яшу кормили? – взволнованно спросила Рита.

– Мне показалось, что это мохнатое существо подарили исключительно мне, – подчеркнул Николай Михайлович, снова наполняя рюмки. – С момента поселения здесь Якова он сразу нашёл во мне друга и покровителя. Больше о нём никто и не вспомнил. Разве что Геннадий, который принёс несчастному котёнку рыночного молока и мяса.

– Неправда, папа.

– А почему Яша? Как-то даже странно, – удивлённо произнёс Геннадий.

– Он очень похож на нашего рентгенолога. Не отличить, – засмеялась Рита.

– Серьёзно? – удивился он. – Теперь мне непременно нужно будет зайти к вам, чтобы сравнить копию с оригиналом, – тоже засмеялся Гена.

Обед прошёл весело и шумно. Часы отстучали четыре раза.

– Дочка, до спектакля два часа. Иди переодеваться. Не дай Господь опоздаете.

– Не переживайте, Людмила Александровна, мы на такси поедем.

– И всё равно пойди и приведи себя в порядок.

– А мы с Геннадием Сергеевичем пока перекурим, – сказал Николай Михайлович, вставая и направляясь на лоджию. – Люда! – крикнул он жене. – В следующее воскресенье тоже сделаем выход в люди. А то живём в огромном городе, культурном центре, а спроси – и рассказать нечего. Даже стыдно! Жизнь на диване...

– Ну-ну... Посмотрим на эту перемену.

– Не посмотрим, а готовься.

– Людмила Александровна, на субботу, если я или Николай Михайлович не дежури́м, я возьму билеты на своё усмотрение.

– Правильно, Гена! Наш папа уже завтра в своей больнице обо всём забудет.

– И чего сразу забуду? Ничего не забуду, – возмущённо ответил глава семейства. – Тогда мне придётся сделать то же самое на другие выходные. И никакие возражения не принимаются.

– Идите уже, курите, фантазёры, а я со стола уберу.

4

Из спальни вышла Рита в тёмно-синем длинном платье и туфлях на высоких каблуках, благоухая чем-то обворожительным.

– Я готова.

Все обернулись.

– Рита, в своём одеянии я рядом с вами кажусь огородным пугалом.

Маргарита слегка зарделась и довольно улыбнулась от произведённого эффекта.

– Гена, не прибедняйтесь, – успокоила его Людмила Александровна. – Всего вам хорошего, – и она перекрестила их.

5

Рита домой вернулась поздно. Родители уже спали. Она на цыпочках прошла на кухню, достала из коробки свернувшегося клубочком котёнка, взяла его на руки, нежно прижала к себе и поцеловала.

– Спасибо тебе, мой милый Яшенька! – прошептала она. – Я, кажется, влюбилась... И тебя тоже люблю. Не засыпай. Я пойду переоденусь и заберу тебя к себе. Будешь спать теперь со мной.

– Рита, у тебя всё в порядке? – слышался сонный мамин голос из родительской спальни.

– Да, мама, всё хорошо. Спокойной ночи!

Маргарита счастливо улыбнулась.

ПРИРОДНЫЙ КАТАКЛИЗМ

За окном шёл не просто дождь, а какой-то неопиcуемый, умопомрачительный ливень. Казалось, будто вся вода, скопившаяся в поднебесье, вдруг решила излить всю себя без остатка, именно здесь и именно сейчас. Потоки с крыши стремительно скатывались с реактивным воем. Из-за ниспадающей толщи воды на улице ничего не было видно. Периодически слышался душераздирающий стон и скрежет ломающихся деревьев.

Поликлиника была пустынна, что само по себе выглядело необычно и жутко. Так бывает лишь ночью либо при неожиданном, не запланированном и резком смене руководства. Тогда все в ужасе куда-то исчезают и, сгрудившись, безмолвно сидят, ожидая, что последует дальше. И лишь сквозной ветерок изредка нарушает эту зловещую тишину.

В кабинете, на дверях которого красовалась табличка «Хирург», висела скука и ленивый полумрак. Даже включать свет никому не хотелось. Лишь на столе врача, Круглова Леонида Михайловича, сорокалетнего закоренелого холостяка, горела настольная лампа. Он с важным видом листал книгу с умными изречениями великих людей. Его медицинская сестра, которая по сво-

ему долголетнему опыту вполне могла обойтись и без своего дипломированного начальника, придвинувшись к окну, что-то вязала. Она занималась этим постоянно, лишь только выпадала свободная минутка. Огромная семья требовала больших денег, а их очень не хватало. Все её дети и внуки ходили в связанных ею носках, свитерах и ещё каких-то штучках, названия которых Леонид не знал.

– Глаша, – Круглов откинулся на стуле и с хрустом потянулся, – кто тебя так назвал? Глаша... Глафира... Вот если бы меня звали, к примеру, Афанасием или Лукой, я бы давно повесился.

Глафира молча взглянула на доктора.

– Представь, – продолжал он, больше обращаясь к себе, нежели к медицинской сестре, – я знакомлюсь с писаной красавицей. А она мне заявляет, что её зовут, скажем, Фрося...

– Сорок лет, а всё бобылём ходишь без Фрось и Глаш. Бабы на рынке давно бы гудели, если б хоть к одной ходил. А так всё больше про водку говорят да про пиво, что пьёшь ведрами. Ишь, имя моё ему не нравится... А моему мужу даже наоборот. Между прочим, в переводе с греческого имя Глафира означает – красивая, изящная или же утончённая. Тёмный ты человек, Круглов. Умные изречения читаешь, а не знаешь, что любимый человек – это тот, кто будет с тобой рядом и в радости, и в горе. И не откажется никогда, даже если от тебя отвернётся весь мир. А как его звать-величать, не имеет никакого значения.

– Сама придумала или кто подсказал? Женщины, между прочим, сами ко мне приходят, ясно? Шататься по ним мне не с руки.

– Ой!.. Женщины... – Глафира дёрнула подбородком. – Верка Давыдова пару раз переночевала – вот и все женщины. Что-то им явно в тебе не хватает. Кому нужна старая развалина?

– Возраст, Глафира Яковлевна, всего лишь цифра. Она-то как раз не определяет ни ум человека, ни его взгляды на жизнь. Всё это приобретается опытом прожитых лет и пережитых обстоятельств в этой жизни.

– Для женщины твои обстоятельства до одного места. Её интересуют в мужике два момента: деньги и активность жеребца. А про любовь на ухо – это в своей умной книжке читай.

– Дуры вы все...

– Не дурнее вас. Зачем человек живёт? Чтобы свои корни по земле пустить. Но для этого сперва из всей шушеры, что тебя окружает, требуется найти родную душу, чтоб потом беречь её, дорожить, лелеять и не отпускать. Вот у меня Слава...

В это время распахнулась дверь и без стука ввалился совершенно мокрый мужчина. Вокруг него сразу стала образовываться лужа, с каждой секундой становясь всё больше и больше. Вскоре ручейки потекли под стол доктора.

– Кто ты, Божий человек? – Круглов был явно недоволен этим посещением, и чтобы не промочить туфли, которые давно требовали ремонта, высоко поднял ноги. – Каким ветром, точнее, потоком, тебя занесло сюда к нам? Вы правильно прочитали табличку на дверях кабинета?

– Правильно! – зло сказал вошедший. – Мне именно сюда.

– И на что вы жалуетесь?

– На здоровье.

– Если больной предъявляет жалобы на здоровье, ему точно не нужен хирург, а совершенно другой врач, который занимается головой. Обычно здесь жалуются на болезнь.

– Конечно, я оговорился, доктор. Естественно, на болезнь.

– И что за недуги привели вас ко мне в такую непогоду?

– У меня потянуло мышцу на левом плече. Руку поднять не могу. И в лопатку стреляет.

– Вовремя обратились. Проблем с алкоголем не испытываете?

– От алкоголя проблем не бывает. А вот радость присутствует.

– Толково, не правда ли, Глаша? Это не больной, а кладёзь народного опыта и ума. В нём живёт мудрость народа. Как вас зовут, больной?

– Трофим.

– Какая прелесть! Глафира, Трофим...

– Я не понял.

– Не обращайтесь внимания. Это отголоски нашего разговора с сестрой. Я вам, Трофим, садиться не предлагаю. Вы скоро и без этого затопите весь наш кабинет. Лучше послушайте, что пишут умные люди о здоровье. Я сейчас этот раздел прорабатываю. Вот, на-

пример, что говорит по этому поводу Николай Гаврилович Чернышевский: «Здоровье никогда не может потерять своей цены в глазах человека, потому что и в довольстве, и в роскоши плохо жить без здоровья» Как? Прямо в точку! Вот ещё: «Цена здоровья ощущается после болезни». Это уже Денис Иванович Фонвизин. Каково, брат? А Ромен Роллан как написал? «Первая обязанность того, кто хочет быть здоровым, – очистить вокруг себя воздух». Даже тогда предвидели, чем будет дышать человечество в будущем.

– Зачем мне нужны ваши великие люди? Я мёрзнуть начинаю. Не хватает мне простыть здесь у вас в больнице.

– Подожди. Ещё одно – и всё. «Не жалуйся на боль – вот лучшее лекарство». Прямо про тебя сказано, а это почти тысячу лет назад изрёк великий Омар Хайям. Ты понял что-нибудь? Я тебя к искусству хочу притянуть, а ты мне про то, как мёрзнешь, – огорчённо произнёс хирург. – Неправильно это всё. Ведь искусство сопровождает нас по жизни от искусственного оплодотворения, искусственного вскармливания до искусственного дыхания... Раздевайтесь! У нас от вашего пребывания в кабинете образовалось искусственное озеро. Назовём его «озеро Надежды». Не против? Всё в жизни должно иметь своё название.

Круглов ощупал ледяные плечо и спину больного.

– Абсолютно ничего нет страшного. Вовсе не обязательно было приходить сегодня в такой дождь. У вас банальный миозит. Видно, продуло где-то сильно. Глафира Архиповна, сделайте нашему страдальцу спазмалгон и ношпу. Это всё самое сильное, что у нас есть. А ещё в аптеке купите согревающую мазь с пчелиным или змеиным ядом и хорошенько натрите её на ночь. А чтобы окончательно не разболеться и не схватить воспаление лёгких, рекомендую как можно быстрее выпить стакан перцовки.

– Дело, доктор, говорите. Она у меня как раз в машине лежит. По пути к вам купил. Как знал, что посоветуете.

– Вы приехали на машине? – удивлённо и в то же время радостно спросил Круглов.

– А на чём же ещё... В такую погоду... И то вон как промок. Представляю, как остальные...

– Остальных как раз, слава Богу, и нет. Такое положение дел в корне всё меняет. Вы меня до дома подбросите? А то и у меня нос стало закладывать и ногу ломит. Даже что-то и морозить начинается. Перцовка мне тоже явно не помешает.

– Чего не подвезти хорошего человека. А вы мне больничный даёте?

– Конечно. На семь дней. Пока я переодеваюсь, вы оставьте свои данные Глафире Архиповне и идите подгоняйте машину как можно ближе к выходу, а завтра заедете за мной в половине восьмого, я вас ещё раз осмотрю и добавлю кое-какое лечение, а заодно запишу в карточку.

– Я не могу подъехать к выходу. Там же запрещающие знаки.

– Кто сейчас видит эти знаки? Кому они нужны? Вперёд! А я за вами через пять минут. И перцовку открывайте. Сразу лечиться начнём. Стаканы есть или взять?

– Этого добра...

– Не продолжайте. Я прикрываю ваши тылы, – Круглов довольно засмеялся. – Глаша, пойду я. Другого такого идиота больше не будет. Уверяю. Санитарку позови. Пусть здесь всё хорошо уберёт. Если кто из начальства... скажешь, что забыл газовую плиту с борщом выключить и убежал домой. Не мне тебя учить. И запомни, Глафира, – настоящего мужчину украшает порядочность, смелость, решительность, твёрдость характера, завышенное самомнение и острота ума. Всё это во мне присутствует с избытком.

– Иди уже, настоящий мужчина.

– До свидания, Глафира, – и он тихо закрыл дверь.

– Балабол, – прошептала она, вызвала санитарку и продолжила своё бесконечное вязание.

Природный катаклизм всё расставил на свои места: одни поехали лечиться, другая осталась вязать. Каждый нашёл занятие по душе. И лишь природа неистово бушевала.

Жизнь и в плохую погоду продолжает бить ключом.

ПОМОЛВКА

1

– Вова! Теперь ты обязан на мне жениться, – прогнусавила проснувшаяся Тамара, жадно отхлёбывая из бутылки пиво.

– Почему это?

Владимир не мог сообразить, где он находится и кто с ним рядом. Но спальня выглядела просто царской. И обстановка, и интерьер...

«Вот это да! Может, я ещё сплю?» – мелькнула первая пришедшая в голову мысль.

– Ты как считаешь? – услышал он снова. – Вот мы сейчас лежим вместе и это ничего не значит? И то, что между нами произошло ночью, для тебя не является поводом? Ошибаешься, дорогой... – её ноздри раздулись и побелели.

– Тогда у тебя таких мужей должно быть минимум полгорода, а у меня всё это впервые.

– Да успокойся ты. Это в прошлом. Каждый вправе ошибаться. Думаю, милый, что и ты не такой уж безгрешный. У меня именно сейчас, с тобой всё-всё по-настоящему. Я тебя люблю, аж душа поёт. Знаешь, дорогой, прошлое – это поезд, который ушёл. Буду-

щее – мечта. И надо стремиться, чтобы она непременно сбылась, а вот настоящее – подарок жизни. Следует жить настоящим, с надеждой на будущее и с опытом прошлого. Сейчас ты мой самый дорогой подарок! Понял?

– Всё это случилось по пьянке, а не по зову сердца.

– Ошибаешься, Володя. Всё гораздо сложнее. Я чувствую, что беременна. Дискомфорт в организме, солёного вдруг захотелось, и слегка подташнивает. Это что, ветром надуло? Ребёночек у нас, дорогой Вовочка, будет! И хватит об этом! Забыл, что ли, как вчера сделал мне предложение?

Тамара всей своей огромной массой и силой притянула к себе Владимира так, что его голова утонула в её огромной пышной груди. И чтобы не задохнуться, он со всей силой захлопал по её гигантской спине.

Вчера Владимир, находясь на дне рождения у своего лучшего друга Степана, очень быстро опьянел. Если быть честным, то крепче вина он до этого ничего не пробовал. Да и то – не больше стакана. А тут самогон, и в таком количестве!.. Его сильно развезло, и к середине торжества он уже ничего не помнил. Единственное, что зафиксировало сознание, и то далеко не всё, – как танцевал с Тамарой, как она усадила его рядом с собой и наливала, наливала, наливала, а ему было приятно и весело... Помнил, как пили на брудершафт, а гости кричали «Горько!» А потом – полный провал. Что делал, как попал к ней домой, как развивались события?.. Вся память стёрта напрочь. Теперь реальность медленно становилась явью. Вдруг сделалось тревожно. Что он скажет родителям? Где был ночью – полбеды, а вот с этой непонятной женьбой... Отец порвёт на куски. Это Владимир знал твёрдо. Тело покрыла липкая вонючая испарина.

– Ну вот и молодец! Родной ты мой! – она жадно впиалась в его губы. От сильного запаха перегара его затошнило. – Голова болит, Вовочка? Сейчас организую рассольчик и что-нибудь покрепче. Я эту бутылку вчера со стола стибрила. И ты ещё одну взял. Зря мы её ночью выпили.

Сознание говорило ему: «Встань и уйди». Но что-то мешало. А что, он и сам не знал. Мозг схватывал реальность обрывками. Он,

затуманенный вчерашним алкоголем, был не способен воспринимать действительность.

Тамара встала и, мощно двигая бёдрами, вышла из комнаты.

От впервые в жизни увиденного подобного зрелища голова Владимира резко пошла кругом, тело конвульсивно напряглось, а взор помутился.

Минут через пять появилась Тамара, неся банку с солёными огурцами и запотевшую бутылку. Теперь Владимир видел всё так близко, что спазм сдавил горло.

– Иди сюда, – прохрипел он.

– Что, понравилось? – и поставив всё на прикроватном столике, она радостно повалилась на кровать. – Милый, я твоя от головы до самых пяток. Делай со мной всё, что душа желает.

К обеду насытившаяся пара сладко заснула. Сон их был так сладок и спокоен, как грёзы безмятежного дитяти.

Проснулись они, когда за окном стало смеркаться.

Первое, что бросилось в глаза, – в проёме между окнами чётко просматривались два огромных силуэта мужчины и женщины. Они сидели, как каменные изваяния. Владимир потряс головой и зажмурил глаза. Когда открыл их, видение не исчезло. Он толкнул в бок ещё сладко сопевшую Тамару.

– Ну что ты, неугомонный, опять... Ой! – радостно взвизгнула она. – Папа, мама... Вы давно здесь? Мы и не слышали, как вы пришли. Познакомьтесь, это мой жених Владимир. Завтра расписываемся, а свадьбу справлять решили в пятницу.

Владимир ошалел от услышанного. Тошнота снова подступила к горлу, предательская испарина вновь покрыла тело.

– А заявление уже подали? – прогремел отец.

– В ЗАГСе работает моя лучшая подруга Ирка. Всё будет тип-топ, не переживай. Ты же сам мне говорил, что друг мы выбираем сами, а лучших – оставляет время. Так Ирка – лучшая.

– Ой, как я рада! – всплеснула руками мать. – Как я ждала этого часа! Вставайте, дети, ужинать будем. Да и отметить надо это событие. Правда, отец?

– Вова, познакомься, это мои мама и папа, Алла Александровна и Георгий Петрович.

– Мне домой надо. Родители, наверное, волнуются, – пролепетал Владимир, и ему жутко захотелось в туалет.

– Родители, говоришь?! – пророкотал отец. – Пиши адрес, – Георгий Петрович подал ручку и бумагу. – Не забудь написать, как зовут отца и мать. Я их мигом сюда доставлю. А заодно и закусочки хорошей прикуплю для дорогих гостей. Мать, быстро вызывай Клаву. Пусть в один миг картошку чистит и всё остальное готовит по высшему разряду на шесть человек. Я за продуктами, а потом за его родителями. Написал? Давай сюда, – он сунул бумагу в карман и вышел.

– Ну, вставайте, ребята. Идите примите душ, а потом в бассейне поплещитесь, – и Алла Александровна тоже вышла.

– Как у меня предки? Лучше не бывают! Королём будешь, ну а я, естественно, королевой, – засмеялась Тамара. – Не одевайся. Нас всё равно никто не увидит. Что ты как варёный. В постели лев, а сейчас размазня. Выше голову! Или ты чего-то боишься? Слухи, сплетни... Выкинь из головы. Пусть говорят, что хотят. Всем завистникам рот закроем. И тот, кому я в самом деле нужна, останется со мной, несмотря ни на что. Пошли быстрее! – она притянула его к себе и поцеловала.

2

Через два часа все расположились за богато сервированным столом. Чего на нём только не было, разве что кильки в томате да яичницы с салом.

Отец Владимира сидел молчаливый, со злой глубокой складкой на переносице, которая не предвещала ничего хорошего. Он положил себе на тарелку кусок севрюги и молча ковырялся в ней вилок. От спиртного отказался.

Отец Тамары тоже не проронил ни звука. Он молча наливал и пил, почти не закусывая.

Женщины пытались как-то расшевелить мужей, но из этого у них ничего не получалось. Разговор тоже не клеился.

Владимир сидел тихо, сгорбившись, походя на ветхого старичка, и тоже ни на что не реагировал и ничего не ел. Он понимал, что

радость жизни закончилась и наступают суровые повседневные будни. И они не за горами.

Только Тамара была увлечена едой.

– А хотите загадку? – вдруг сказала она, отрываясь от ножки индюшки. – Назовите мне трёх животных, которых никто никогда не видел, но все про них знают.

За столом молчали.

– Сдаётся? Это бляха-муха, ядрёна вошь и ёхарный бабай, – она закатилась весёлым смехом.

Женщины слегка улыгнулись. У мужчин не дёрнулся ни один мускул.

– Спасибо за гостеприимство, – встал отец Владимира. – Нам надо идти. Ночью уезжаю в командировку, а из вещей ещё ничего не собрано.

– А как насчёт завтрашнего дня? Мы ничего не обговорили, – заволновалась Алла Александровна.

– Будет день, будет пища! – зло прикрикнул на неё Георгий Петрович.

– Папа, мы же...

– Я сказал – потом обсудим. Что кому не ясно?

– Вовочка, я тебя завтра буду ждать в одиннадцать у центрального ЗАГСа, – прошептала Тамара на ухо Володе и поцеловала в шею.

Расходились тихо, без радости и шума.

3

Каждая семья по-своему обсуждала это «праздничное» событие.

– Ты где, шлюха, нашла этого сморчка?! – гаркнул Георгий Петрович.

– Жорик, – супруга побаивалась своего грозного и влиятельного супруга.

– Папа, не смей так меня называть! Я уже взрослая и сама решаю, что и как делать.

– Прикажу – и будешь сидеть! – снова заорал он. – Ты кого мне в дом приволокла? Отвечай!

– Володю... Разве плохой мальчик? И замуж берёт. Если это для тебя плохо, то для меня хорошо.

– А кто он?

– Я почём знаю. Познакомились на дне рождения. Смотрю – тю-фяк и на мордочку не дурной...

– А ты знаешь, кто у него отец? Начальник ФСБ. О свадьбе забудь, дура!

– Ну и что? Мы уже с ним всё решили.

– Чем я занимаюсь, ты хоть раз интересовалась? Хотя тебе об этом и не надо ничего знать. А откуда эти хоромы?.. Гуляешь налево и направо, спишь с кем попало...

– Жорик, ну что ты разошёлся? Что произошло? – супруга попыталась успокоить мужа.

– А ты не стой здесь истуканом! Быстро собирай драгоценности, деньги и прыжками с Тамаркой отсюда, чем дальше, тем лучше! Больше ничего не брать!

– А ты, Жора?

– Ты меня не слышишь или не понимаешь? Сейчас сюда придут «фараоны». Домик отойдёт им, а мы увидимся, в лучшем случае, лет через двадцать. Делаем всё быстро! Дмитриев, а это отец твоего грёбаного жениха, доченька, такого момента уж не упустит. Он начальник небольшой конторки, с коротким названием ФСБ. Уходить через чёрный ход! Всё! Через десять минут вас здесь не должно быть! Вот ваши загранпаспорта и счета в банках Европы и Америки. Удачи! А мне надо позвонить кое-кому. Мы им здесь устроим весёленькую встречу!

4

Дмитриевы вышли молча.

– Что, сынок, удовлетворил свои потребности? Жениться собрался? Нет у меня сейчас на тебя времени. А то бы настучал по глупому лбу. Вопросов не задавать. Всё, что сейчас скажу, касается ваших жизней. Немедленно домой и в темпе собрать необходимые вещи. Взять деньги, паспорта и ждать моего шофёра. Дверь никому не открывать, кроме него. Летите в наш санаторий. С билетами и путёвками я вопрос решу. С твоей работой, Зина, и Вовкиной учё-

бой я тоже всё улажу. И ещё, выбросьте свои сим-карты. Я найду вас сам. Всё обернулось слишком сложно и опасно, – он поднял руку и остановил машину.

Когда машина отъехала, он достал телефон и набрал номер.

– Сергиенко, ты? Быстро две опергруппы на Окунева, 35, к дому Жорика. Дом окружить. Блокировать все входы и выходы. Подключить ОМОН и милицию. Район оцепить. И чтоб мышь не выскользнула. Всем раздать фотографии его и его семьи. Задержать всю семью! Патрули – на вокзалы и в аэропорты. Проверять у всех документы и выяснять личности. Подозрительных задерживать. И всё в темпе! Мою машину к подъезду дома. Действуй! Через пять минут мне доклад. Я нахожусь в районе его дворца.

Дмитриев отключился. Устало закурил.

– Надо брать эту сволочь немедленно. Он меня наверняка тоже узнал. А то заметёт следы и скроется. Лови потом... Главное, чтоб все были живы. Без стрельбы сегодня вряд ли обойдётся.

Он устало сел на скамейку и снова начал кому-то звонить, давая указания.

Жизнь всегда преподносит сюрпризы. Иногда они приятны, а порой от них хочется волком выть.

Лето!..

Какое чудесное время года!

Летом всё созревает и набирается сил.

Именно летом выпускники расстаются со школой, вдруг сразу становясь взрослыми, и вступают в новую, желанную, но неизвестную жизнь. Только спустя годы они поймут, что «школьные годы чудесные». И их больше никогда не вернуть. Ни за какие деньги. От этого даже наворачиваются слёзы.

Лето – пора отпусков, солнечных ударов и сплошных витаминов. А сколько душевных песен написано об этом времени года... И сколько ещё напишут...

Лето создано для молодых. Это они плавают на солнцепёке, превращаясь из белого человека в чёрного. Это они весело плещутся в воде, влюбляются, встречают рассвет и радуются рождению нового дня. Для них лето – период сказочной любви и безоблачного счастья!

Но у каждого возраста своё лето и свои праздники.

Другое дело – пенсионеры. Для них лето – мука. Вместе с подъёмом ртути в термометре растёт и их артериальное давление, мучают магнитные бури, трещит голова. Днём, от греха подальше,

они стараются отсиживаться по квартирам, плотно зашторивая занавески. И только вечером решаются показаться на улице, подышать свежим воздухом.

Персональными средствами передвижения пожилых людей являются трамваи и троллейбусы. Там пенсионерам за их многолетний и ратный труд полагаются льготы – бесплатный проезд. Но летом в этом транспорте не продохнуть. Из-за боязни сквозняков и простудных заболеваний все окна и люки часто плотно закрыты.

К этому тоже привыкают.

Лето...

Но и летом хочется есть, пить и просто жить, как зимой или осенью. Это порой и заставляет старичков в самое пекло выбираться на улицу, идти в магазин, аптеку или ещё по каким-то другим делам.

Василий Семёнович Седаков в последний день месяца отправился по холодку в сберегательную кассу, чтобы оплатить коммунальные услуги, наивно рассчитывая быть в числе первых. Но желающих быть первыми в этот день оказалось так много, что к кассе он приблизился аж к обеду.

Успешно завершив эту обязательную финансовую операцию, чертыхаясь, он вышел на улицу. Солнце нещадно испепеляло всё вокруг. Постояв немного в тенёчке, он не спеша посеменял в супермаркет. Супруга велела купить хлеб, косточку на борщ, вилок капусты и каких-нибудь ягод или фруктов.

В магазине была благодать. Кондиционеры работали во всю мощь. Василий даже изрядно продрог. Купив всё и даже отведав незнакомого «живого пива», он снова вышел на улицу. Было ощущение, что из холодильной камеры сразу очутился в горячей сауне. Сухой жаркий ветер впивался в кожу.

Огорчённо посетовав, что не послушался супруги и не покрыл голову соломенной шляпой, с двумя тяжёлыми пакетами он поплёлся к трамвайной остановке.

Вдруг из-за поворота показался его трамвай. Медлить в таких случаях просто безрассудно, потому как следующего можно ждать и ждать. А это никак не входило в его планы, и так уже полдня безвозвратно потеряно. Конечно, можно добраться и на маршрутном такси, но это – деньги, а они в старости на дороге не валяются.

Василий Семёнович, собрав в кулак всю свою волю и вспомнив далёкую службу в доблестной армии, стремглав (хотя сейчас это очень громко сказано) бросился к трамвайной остановке.

Ему повезло – он успел вскочить в заднюю дверь, тесня широкой грудью и большим животом стоявших впереди пассажиров. Сердце неистово колошматилось в груди, словно пытаясь вырваться наружу. Воздуха не хватало, из лёгких вырывались звуки протяжных свистков, а рот наполнила вязкая слюна. Василий Семёнович аккуратно поставил поклажу на ступеньки, повернулся лицом к выходу и, собрав всю скопившуюся во рту слюну, резко выплюнул.

В это самое время появился новый потенциальный пассажир, тоже бежавший к трамваю не менее стремительно. Жидкость, залепившая ему глаза, заставила резко остановиться. Он принялся вытирать лицо, удивлённо пытаясь понять, что же такое с ним произошло. Однако до конца осознать происшедшее не удалось. Двери с жалобным скрипом задвинулись, и трамвай последовал своим давним и узаконенным маршрутом. А несостоявшийся пассажир продолжил приводить себя в порядок.

Салон разразился неестественным смехом. Молодые в расписанных футболках и шлёпанцах на босу ногу восхищались снайперским плевком, ёрничали, просили мастера дать урок по развитию меткости. Пожилые пассажиры осуждающе и с жалостью смотрели на Седакова, молчаливо качали головой.

Пунцовый Василий Семёнович, сгорая от стыда, унижения и, по видимому, поднявшегося артериального давления, стремительно вышел на первой же остановке. До дома пришлось добираться на маршрутном такси.

А дома Василий Семёнович слёг с гипертоническим кризом. Приехавшая «Скорая помощь» хотела забрать больного в стационар, но он отказался: дочка, медицинская сестра, и укол сделает, и капельницу поставит.

Время стремительно бежало вперёд, а тяжёлый осадок так и остался в душе Седакова, словно не он, а ему плюнули в душу.

Лето.

Пора откровений и драм.

ЖИВЁМ КАК ВСЕ

Сославшись на какую-то ерунду, Лариса пораньше отпросилась с работы. Надо всё закупить и собраться к завтрашнему первому весеннему выезду на дачу.

Набрав в магазине крупы и кое-что ещё по мелочи, она, согнувшись в три погибели, не спеша брела домой, размышляя о сущности бытия, поминутно останавливаясь, чтобы дать отдохнуть натруженным рукам.

«Нам кажется, – думала она, – что все мы живём за закрытыми дверьми. И всё у нас не как у других людей. Глупость одна, да и только. Жизнь настолько однообразна – просто диву даёшься. И делаем то же самое, и приключаются те же истории, разве что с другими интерпретациями. А так, что... Везде глядят бельё, рожают детей, пьют водку, мирятся, ссорятся, бьют посуду... И даже ходят по любовникам, правда, одни к рыжим, а другие к брюнетам. Мы, состоящие на восемьдесят процентов из воды, переливаемся из одной ёмкости в другую, не меняя своей структуры. Вот Светка сегодня рассказывала, как в прошлое воскресенье на рынке купила картошку, свёклу, пару морковок, капусту и пучок зелени. Порывшись в кошельке, подала продавцу, совершенно ничего не

замышляя, сто рублей, а он, видно, тоже думая о чём-то своём, даёт ей шестьдесят семь рублей сдачи. Так они и разошлись без претензий друг к другу. И только дома она поняла, что невольно обманула продавца. Я не поверила бы, если б у самой не было подобной ситуации», – и Лариса непроизвольно хмыкнула.

– Чего это тебе так весело? – на скамейке перед домом скучала соседка по этажу Клавдия Львовна, бывшая учительница. – Руки решила оборвать, магазин весь выкупила? Сядь, посиди, отдохни немножко.

– На дачу завтра собрались. Список составила, чтоб ничего не забыть. Да и денежки сегодня на работе дали. А муж поздно обещал прийти. Вот и пру. Вы как?

– Ничего. Скриплю помаленечку.

– А мне чего-то вспомнилось время, когда развалилась наша огромная страна и жизнь стала просто невыносимой. Зарплат по два-три месяца не выдавали. Не жили, а выживали. Всё перевернулось с ног на голову. Понять, кто есть кто, было невозможно. Бандит стал миллионером, порядочный человек превратился в нищего. Появилась стойкая формация человека в обществе – бомж.

– Нашла что вспоминать. Жили и правда не сладко. Трудные для всех времена тогда были.

– Помнится, в доме соль закончилась. Посылаю мужа на рынок. Даже не помню, сколько и денег дала, но немного, это точно. Главное, предупредила, чтоб сигарет не брал, иначе на завтра и хлеб не на что будет купить. А ведь знала, что он бычки в подъезде собирает, табак из них вытрушивает, «козью ножку» сворачивает и на лоджии курит. Да и то, раза три затянется и оставит на потом. Смотрю на него и плакать хочется. И стыдно. Как-никак, а он же старший инженер на заводе. Но сцепив зубы, молчу. Пошёл, значит, он на этот самый рынок. Минут через тридцать возвращается. Кладёт на стол соль, три килограмма масла и деньги.

– Миша, где ты гроши взял? – спрашиваю я.

– Ты дала.

– А деньги, помните, в то время менялись часто, – Лариса посмотрела на Клавдию Львовну, тяжело вздохнула и продолжила дальше: – Я ему дала только на соль, а он ещё и масла припёр. Вот

и поинтересовалась. «Меня чего-то, Лара, перемкнуло, – говорит он. – И показалось будто их у меня предостаточно, должно на всё хватить. Вот и говорю ей: «Пачку соли и три килограмма масла». Она подаёт соль, взвешивает масло, а я ей даю деньги, что ты мне в кошелек положила. Гляжу – сдачу даёт...» Я считаю, тётя Клава, и глазам не верю: денег больше, чем ему дала. У меня аж слёзы выступили. Не дал нам Господь Бог с поджатым брюхом ходить и с резами в животе спать ложиться. А торгаши в минусе никогда не были. У них всегда прибыль. Оттого и живут припеваючи.

– Это ты, Лариса, в точку сказала.

– Сейчас попроще, – показала Лариса на сумки. – Пришла с работы, ужин быстренько приготовила, покушали, уроки у сына проверила... Юрка молодец, хорошо учится, мозги у отца взял. Потом на диван, под бок к мужу, телевизор посмотрели – и на боковую. Лето с собой несёт лишние хлопоты... В выходные дни, как картожные, на даче: то посадить, то пересадить, то прополоть, то полить... И таких вот «то» – миллион. Не успеваешь ничего сделать. И спину ломит, и руки отваливаются...

– Юра в каком классе?

– В этом году шестой заканчивает. Вон он в футбол с пацанами гоняет. Хотим его к маме на лето отправить. Пусть отдохнёт, на речке с ребятами покупается, рыбу половит... Тоже суета – вещи собрать, гостинцы купить... Пятью минутами не отделаешься. Миша сам захотел сына отвезти. А что, пусть прокатится, развеется немного и с родителями повидается. Он у моих уж четыре года не был. И я бы не прочь съездить. А дом на кого оставишь? И опять же – дача... Ну, я пойду, Клавдия Львовна. Дел, – она провела ладонью над головой, – выше крыши.

– Иди, иди... А я ещё посижу.

Поднявшись на третий этаж, Лариса поставила сумки у двери. Кому звонить, если муж всё равно на работе?

Лариса открыла дверь, вошла в прихожую. В зале громко пел телевизор и было слышно, как в ванной из душа лилась вода. На вешалке висели брюки и рубашка.

«Откуда Михаил припёр эти вещи и чего так рано пришёл? – удивилась она. – Может, купил их по дешёвке тестю и подарить

хочет? Молодец! Папе всё равно, в чём по двору ходить. Почему не сказал, что рано придёт? Утром даже словом не обмолвился».

Она прошла на кухню, разложила принесённые продукты.

Зайдя в ванную, Лариса включила кран, начала мыть руки. За шторкой сильно шумела вода и из-за пара почти ничего не было видно. Она просунула руку и потеревила мужа между коленами и пупком:

– Это почему наш жеребец так низко голову опустил? Обиделся на что-то? Не пора ли ему заглянуть в свою конюшню?

Засмеявшись своей шутке, Лариса вытерла руки и пошла в спальню переодеваться. Проходя мимо зала, она увидела лежащего на диване Михаила, который смотрел телевизор. Её сердце провалилось в пятки.

– Миша, а кто в ванной? – дрожащим голосом спросила она.

– Отец приехал. Как снег на голову, представляешь? Позвонил на работу и сказал, что проездом. Заскочил на пару часов. В семнадцать тридцать пять у него поезд. Дядя Лёня заболел. Помнишь, он у нас на свадьбе в таз с оливье упал? Потом костюм стирали, а его в простыню завернули. Он, как патриций, ходил. Я смеялся до слёз. Да и ты тоже хохотала как умалишённая. Во время танца у него эта простынь упала, а он пляшет и ничего не замечает, – залился Михаил. – На операцию положили. Что-то с жёлчным пузырём. Батя сокрушался, что тебя не увидит. А ты тут как тут. Пойди, приготовь поесть и в дорогу что-нибудь собери. Почему такая бледная? Не заболела?

– Извинись перед отцом. Что-то третий день живот внизу крутит. Я к гинекологу записалась. Продукты на дачу купила и рассовала по холодильнику. Через полчаса у меня очередь к врачу подходит. Уже опаздываю. Придётся такси брать. Вы уж тут сами, без меня.

– Ёлки, неудобно как-то. Может, к поезду успеешь?

– Я постараюсь.

Вернулась Лариса поздно.

– Что доктор сказал? – встревоженно спросил муж.

– Ничего сложного не нашёл. Сказал, что так иногда бывает. Проводил отца? Что он рассказывал?

– Интересного ничего. Дядя Миша Козлов на рыбалке утонул. В сетке нога запуталась... Жил от нас через огород, помнишь, наверное. Всё в шляпе летом ходил.

– Помню.

– У Акименко в грозу дом сгорел. Ну, этих ты не знаешь. Они на краю села жили. Мамка на пенсию в следующем году собирается. А так больше никаких новостей нет. Батя сильно постарел.

– Когда папа назад? К нам заедет? – затаённо спросила Лариса.

– Нет. Оттуда он к сестре махнёт, а потом домой. От хозяйства далеко не уедешь. Привёз десять килограммов свинины, петуха и кролика. До осени будем есть, – засмеялся Михаил.

В дверь позвонили.

– А вот и Юрка. Пойду открою. Сейчас ужинать будем. Доктор тебе ничего не запрещал? А то я соскучился.

– Не запрещал, – улыбнулась Лариса.

«Молодец, отец! Ничего не сказал», – подумала она и, облегчённо вздохнув, пошла на кухню, мурлыча знакомый мотив.

МАРУСИНЫ СТРАДАНИЯ

Покупка

Только городской обыватель может завистливо сказать легкомысленную фразу о жителях села: «И чего им не жить, и на что жаловаться? Вышел на улицу... вот тебе и огурцы с помидорами, и ведро с молоком, и яйца...»

Да, может быть, и так.

Но не совсем.

Почему-то все забывают о каторжном крестьянском труде и на поле, и в сарае, и на огороде, и в курятнике... Да мало ли ещё где. Причём от зари до зари. Ведь мясо и молоко с хлебом на полки сами не попадают. Это всё надо вырастить. Для чего требуется пахать, сеять, жать, кормить, поить, чистить...

Деньги, получаемые за этот труд, тратятся в городе. Надо и одеться, и обуться, и о детях не забыть. Вкусенького тоже хочется. Ведь чай с конфеткой и бубликом они тоже хотят каждый день пить.

И никак нельзя выпустить из вида тех, кто кудахчет, блеет, мычит и хрюкает. А то и конфетка миражом окажется.

Семья у Маруси по сегодняшним меркам большая.

Муж рано умер, так что троих детей пришлось самой поднимать, ставить на ноги и выводить в люди. И вывела. Все выучились, все семьями обзавелись. Народили бабушке трёх внуков и внучку. Никто не свернул на кривую дорожку.

Чтобы выжить, приходилось трудиться не покладая рук: днём на поле, вечером на огороде... А ещё корова со свиньёй... Спать некогда было, не то что о себе подумать.

Теперь двое из детей живут самостоятельно, в своих домах, а младший – с ней. Жить бы теперь Марии, лёжа у телевизора, но не привыкла она сидеть без дела. Дети хоть и большие, а мать есть мать. Никого обидеть нельзя. Всем хочется лакомый кусочек дать.

Услышала Мария по телевизору, как выгодно на подворье разводить нутрий. Животное неприхотливое и в уходе, и в питании, только вода постоянно должна быть. А это не проблема – рядом канал протекает и насос для полива работает. Кнопку нажал – вот тебе и вода. А преимущество – мясо и шкура. И сытно, и шапки всем сшить можно.

Женщине если в голову приходит шальная мысль, то она обязательно должна превратить её в реальность.

– Андрей, – сказала она накануне сыну, – в субботу ничего не планируй. В город поедem. Хочу нутрий купить.

– На кой? Тебе свиней мало?

– Свиньи свиньями, а лишнего мяса не бывает. Придёт Новый год, Рождество, все отбивных и котлет захотят. Часть мяса продадим. Вот тебе и денежки. Чай не миллионы в совхозе зарабатывае-те. И опять же шапки детям пошьёте, а потом и до вас очередь дойдёт... Возьми пару мешков, чтоб в чём нести было, и верёвку не забудь.

Наконец наступила суббота. Маруся с Андреем первым автобусом поехали в город, на рынок. Вроде и не далеко, а час в один конец.

Базар кипел своей шумной, горластой жизнью. Каждый старался продать свой товар, утверждая, что он-то и есть самый лучший.

Времени бродить по рынку почти не было, хотя и хотелось заглянуть и туда, и сюда. Через три часа надо возвращаться обратно,

оставленная дома скотина гуляющую хозяйку ждать не будет, враз вес сбросит, а это – выброшенная копеечка. Она на дороге не валяется. Рачительный хозяин так не поступает. Поэтому мать с сыном сразу направились в то место, где продавали птицу и животных.

Выбор был не велик. Нутрии были только у двух продавцов.

Походив, приценившись, Мария у одного мужчины купила самца, у другого – самку. Засунув поклажу в мешок и крепко завязав его, Андрей взвалил покупку на спину и пошёл к остановке занимать очередь, а Маша решила ещё купить батон, чай, закаточные крышки и что-нибудь внукам.

До отхода автобуса оставалось чуть более часа.

– Смотри не опоздай! – крикнул вдогонку Андрей матери. – У меня денег нет. Что я тогда с ними буду делать? И пива мне купи холодненького.

– Ты, главное, очередь займи, а я быстро.

Маруся успела буквально к самому отходу автобуса. Едва протиснувшись сквозь плотно набившуюся массу народа, она запыхавшись рухнула рядом с сыном, вытирая платком пот с лица.

– А если бы мы сейчас уехали? Большое спасибо тёте Ире, что заплатила за проезд.

– Не бухти, – устало улыбнулась Мария. – Успела – и слава Богу. Держи своё пиво. Наши нутрии на месте? Куда ты их дел?

– Что с ними сделается? Под сиденье запихал.

Автобус тронулся. Он был переполнен до такой степени, что казалось, люди прилипли друг к другу телами.

Раскалённый на солнце салон походил на жаровню. Было очень душно, дышалось тяжело.

Андрей этого как бы и не замечал. Он с удовольствием маленькими глотками пил холодное пиво.

Выехав за город, автобус набрал скорость и покатил быстрее. Встречный ветерок нёс хоть слабую, но прохладу.

Вдруг стоящие пассажиры стали вести себя как-то не совсем нормально. Кто-то дёргался, другие пытались повернуться, третьи тихо что-то шептали. Нежданно раздался оглушительный женский визг.

– Ой! Меня кто-то по ноге гладит! – не своим голосом закричала огромная женщина с багровым лицом и чёрными усиками на верхней губе.

– Расслабься и получай удовольствие. Вспомни забытую молодость и возрадуйся, дева, – пьяно захохотал огромный мужчина. – Тебя не только гладить, подходить опасно. Вот зятю не повезло. Не тёща, а змей Горыныч!

– Залил зенки и несёшь всякую ересь. Это к тебе никто не подойдёт, алкоголик несчастный. К твоему сведению, у меня не зять, а невестка.

– Бедная девочка! Много из неё крови выпила?

– Товарищи, здесь действительно кто-то ползает между ногами. Ещё и под юбку лезет, – раздался женский крик в хвосте салона. – Ой! Вот опять...

– Вам только и мерещится, что кто-то под юбку лезет. Принимаете желаемое за действительное, – опять раздался пьяный голос. – Туда и в такую жару... Это надо быть полным извращенцем!

По автобусу прокатилась волна смеха.

– Андрей, посмотри, как там наши... Не задохнулись в такой жаре? – тихо спросила сына мать.

Он засунул руку под сиденье и вытащил пустой мешок, в котором посередине зияла огромная дыра.

– Наши... – прошептал сын, глазами показывая на салон. – Прогрызли мешок. Что будем делать?

Маруся от неожиданности даже побледнела. Синяя жилка у виска начала сильно пульсировать.

– Что делать, что делать?... Спускайся, будем ловить.

Они тихонечко сползли на пол и на четвереньках, с трудом отодвигая чужие ноги и сумки, медленно поползли по автобусу, один в сторону водителя, другая – в хвост автобуса.

– Господи! А эти что расползались? Перепились тоже? Женщина! Женщина, я к вам обращаюсь... тут стоять негде, а вы куда-то прётесь. Встаньте, наконец...

– Это факиры, – прохрипел пьяный мужик. Было слышно, как сильно у него пересохло во рту. – Я видел, как они загрузжали змей. Видно, они у них выползли и расползлись по автобусу.

Слово «змеи» подействовало на пассажиров панически. Всех охватило сильное смятение и страх. Стоял невообразимый крик и шум, сродни готовящемуся к взлёту самолёту. Стоящие на полу люди прыгали на сидящих, остальные цеплялись за поручни и подтягивались на них. Испуганные дети истерически орали. И только пьяный мужик скептически улыбался.

Шофёр остановил машину, посмотрел в салон.

– Что тут у вас происходит? Кому неймётся?! – прокричал он, надеясь перекричать толпу.

– По автобусу змеи ползают и ещё каких-то два придурка, – заверещала усатая женщина.

– Что-о-о? Змеи-и-и?! – водитель открыл двери. – Осторожненько, по одному, тихонечко и, главное, без паники выходим на улицу.

Когда все вышли, перед глазами водителя стояла красная Мария и взъерошенный Андрей, в руках которых покоились нутрии.

– Здравствуй, Гена, – сказала Мария смущённо.

– Здравствуй, крёстная. Привет, Андрей. Это ваши? – оторопело произнёс шофёр, увидев перед собой растерянную крёстную мать и её сына.

– Мои, Гена. Ты уж нас прости и не ругай сильно. Такой переполох у тебя наделали... Купили сегодня их с Андреем, сунули в мешок, а они взяли и его прогрызли. Не сердись сильно на нас. Мы больше не будем, – удручённо оправдывалась Мария. – Мы их теперь крепко на коленях станем держать, не выскользнут. Да и ехать-то осталось минут десять.

– Ну что вы, крёстная, с кем не бывает, – Геннадию тоже было неудобно за унижение пожилой женщины. – Не переживайте вы так, с кем не бывает. Давайте для надёжности свяжем им задние ноги. Кстати, вы не забыли – через полторы недели у меня день рождения, всех приглашаю. Как-никак сороковник. Передайте Серёже и Ольге. Естественно, чтобы все были со вторыми половинками. Коров подоим и начнём застолье. Это часов восемь будет, не раньше. Чтоб были готовы к этому времени, я за вами заеду. Пассажиры! – крикнул он на улицу. – Недоразумение закончилось. Змей нет. Это нутрии. Их поймали и на следующей остановке с ними выйдут.

Вскоре автобус подкатил к остановке.

Поблагодарив водителя, Маруся и Андрей вышли на улицу, где их на мотоцикле ждал Сергей, старший сын Марии.

– Как съездили, мама?

– Замечательно. Даже не заметили, как и добрались.

Автобус дал сигнал и двинулся дальше.

Обыватели убеждены, что хлеб и молоко привозят на машине.

А завидовать крестьянину просто грех, мол, вышел в огород, срезал капусту, надёргал свёклы с морковью, зарубил курицу – вот тебе и борщ.

Нет же. Чтобы пойти, вырвать, сало на хлеб положить – надо много пота пролить.

Да разве только его!

...И грех и смех

Без собак и кошек деревенская жизнь скучна и однообразна. Без них не обходится ни одно хозяйство.

Одни рождаются, другие приходят, третьих приносят, четвёртых подбрасывают.

Короче, без этой четвероногой твари никак нельзя.

Одни мышей ловят, другие дом охраняют. А если и охранять нечего, пусть хоть помурчат или погавкают. На душе спокойнее.

Всё в мире стремится к своему совершенству. Стремилась к нему и Маруся, женщина красивая, статная, работающая, многодетная, правда, вдовая.

И всё у неё водилось в недостатке. А как без этого? Не лежать же у телевизора до пролежней. Работать надо. Без неё, милой, с голоду сдохнешь. Село бездельников не любит.

Кроме всего прочего, у Маруси было три кота, кошка и две собаки. Она на них и внимания особого не обращала. Есть и есть. Накормила, а дальше они сами по себе.

Вдруг Мария заметила, что кошка Мурка с большим животом ходит по двору.

– Забеременела! – воскликнула она сокрушённо. – Надо потом от всех котят избавиться. Куда они мне?

Приняв такое решение, Мария успокоилась. И даже забыла об этом.

Через неделю Мурка пропала. Как в воду канула. День нет, другой нет...

– Окотилась где-то. Надо найти, а то припрёт... Куда я их потом дену?

Через три дня кошка пришла сама, полакала молочка и снова исчезла. Поиски оказались безрезультатными.

Спустя неделю Маруся, проснувшись до рассвета, вышла на крыльцо. Утренняя прохлада рассеяла последний сон. Её внимание привлёк подозрительный писк, доносившийся из сарая, где хранилось сено. Заглянув туда и приглядевшись, она не поверила своим глазам. В ящике из-под квочки лежала Мурка, а рядом с ней спали четыре котёнка, пятый пищал на полу, видно, у кошки уже не было сил его туда затащить.

– Боже! – всплеснула руками бедная женщина. – Что мне теперь делать? – она подняла валявшегося котёнка и положила его к кошке. Та благодарно лизнула руку хозяйки. – Три есть, ещё пять – восемь. Я такого не перенесу. Надо что-то делать!

Мария дождалась, когда проснётся Андрей.

– Сынок, кошка притащила пять котят. Ликвидировать надо.

– Я не буду.

– Почему? Мы их всех не прокормим.

– Не буду и всё! Пусть Серёжка этим делом занимается.

Пошла Мария ко второму сыну, потом к зятю, – топить надо. Все отказываются, не хотят брать грех на душу.

Что делать? А делать что-то нужно. Перекрестившись, она постучалась к попу, что жил по соседству.

– Помоги, батюшка, ради Бога, – Маруся поклонилась ему в пояс.

– Что ты хочешь от меня, раба Божья?

– Котят малых прошу вывезти подальше на вашей машине. Пять штук принесла моя Мурка. У меня своих трое...

– Как у тебя язык поворачивается? Грех на душу берёшь и меня в него вводишь! Как можно Божью тварь на погибель везти? Буду

в дом хочешь накликать? Иди и моли Христа нашего, чтоб он простил тебя, грешницу, – служитель культа повернулся и недовольно пошагал прочь.

И стало у бедной женщины расти целое стадо котов и кошек! И всех надо кормить. Хоть изредка.

Быстро пролетело время. Котята выросли и заматерели. По дому и двору невозможно пройти, обязательно о кого-то споткнёшься.

Осень подходила к концу. Ударили ранние морозы.

Батюшке дали отпуск. Почему осенью, никто не знал. И стал он собираться в родные края, родителей навестить. Поросёнка по этому поводу зарезал, колбасы наделал, сладостей разных прикупил и ранним утром начал всё это загружать в багажник. Разложив подарки и оставив капот открытым, чтоб морозцем прихватило, батюшка пошёл проститься с матушкой по мирским законам и попросить у Господа нашего об удаче на дороге. Процесс прощания и ритуала явно затянулся. Когда он, румяный и счастливый, подошёл к машине, его глаза невольно расширились. Картина выглядела удручающей. Из багажника вылетела свора кошек. Возле машины валялись куски обглоданного мяса, колбаса исчезла, пакеты с творогом и печеньем разорваны и всё рассыпано. В стороне две его собаки аппетитно грызли рёбрышки.

Батюшка поначалу онемел, ноги перестали двигаться.

– Мару-ся-я-я! – заорал он на всё село. – Твои коты сожрали всё моё мясо с колбасой! Как я теперь поеду? Если не способна держать столько животных, не держи! А если удержишь – следи за ними и корми. Распустились все!..

– А в чём я виновата, батюшка? – крикнула Мария со двора. – Вы тогда сами сказали, что вывозить их из дома большой грех. А как ваше мясо с колбасой уволокли, так сразу и не грех? Они есть хотят, а мне прокормить эту ораву на мою пенсию никак невозможно. Вот они и добывают себе пищу. Божьи твари, на них зло держать не надо. Грех это. Простите уж вы их Христа ради.

Поп зло фыркнул, пнул ногой свою собаку, догрызающую кость, и засеменил в дом.

Через два дня, загрузив машину новым провиантом, служитель культа благополучно отправился на родину. А коты неделю не появлялись дома, видно, довольствовались ворованными запасами.

Чужие деяния могут быть грехом, но если несчастье касается тебя, здесь разговор о грехе просто неуместен.

И простить нельзя, и помиловать сложно.

Печали и радости

Если честно, Маруся с нетерпением ждала следующей недели. В четверг надо ехать в город. И повод стоящий, не поехать никак нельзя. У младшей сестры Гали – день рождения, юбилей, пятьдесят лет.

Что дарить, сейчас даже и не знаешь. Дорогое не купишь – денег таких нет, а никому не нужную безделушку – стыдно.

Решила Мария повезти продукты. Они-то всегда и к месту, и к столу. Этому все радуются. А чтоб радость была искренней, утку с курицей зарезала, три килограмма хорошего мяса с домашней колбасой у соседки купила, яиц насобирала, творог отжала, сливку отсепарировала, три литра молока разлила по бутылкам... Конфеты решила прикупить в городе.

Разложив всё по сумкам, чтоб не так тяжело было, она отнесла их на веранду. Немного посмотрев вечно включённый телевизор, раненько легла спать, чтобы утром выглядеть нормально.

Ночью выпало так много снега, что до автобусной остановки она еле дошла, проваливаясь в него по колено. От неё, как от загнанной лошади, клубами валил пар.

Трассу, как принято у нас, никто не почистил, поэтому транспорта ни в город, ни из города и в помине не было.

Простояв в ожидании чуда несколько часов и изрядно замёрзнув, Маруся двинулась назад домой, позвонив Галине, что сегодня не приедет. А если почистят дорогу, то будет завтра.

Оставив на пороге сумки, она быстро вошла в дом, поставила на плиту чайник и кастрюлю с водой. Надо горяченького чайку с малиной попить и ноги попарить, чтоб упаси Бог не простудиться.

Напившись чаю и попарив ноги, она прилегла на кровать и, согревшись, быстро уснула.

Проснулась Маша, когда за окном стало темнеть.

– Ой! А сумки я оставила на улице, – беспокойно подумала она. – Как бы не украли.

Надев на себя фуфайку и повязав на голову шерстяной платок, она вышла на улицу. На пороге стояла только одна сумка, вторая, где хранилось всё мясное, исчезла.

– Куда делась? – встревожилась Маруся. – Может, в дом занесла и запамятовала?

Мария посмотрела в доме, обошла двор – нет нигде.

– Люда, – увидела она входящую во двор невестку, – ты сумку не брала?

– Нет. Только с работы иду.

– Ты же знаешь, я сегодня к сестре в город должна была поехать, а дорогу снегом замело. Никакой транспорт не ходит. Стояла до обеда, надеясь на чём-то уехать. Замёрзла вся и вернулась назад. Сумки вроде на пороге оставила... Две или одну... Совсем памяти нет. Потом задремала маленько. А сейчас гляжу, одна стоит, а другой, где всё мясное лежало, нет нигде, исчезла. Как корова языком слизала. Андрей, – увидела она выходящего из дома сына, – ты мою сумку не брал?

– Нет, – буркнул тот. – Зачем она мне?

– Куда делась, ума не приложу.

– Мама, смотрите, по снегу к воротам какой странный след тянется, – показала невестка. – Не от вашей ли сумки? Может, пацаны какие-то уволокли. Пойдёмте, мы сейчас выясним, куда он нас выведет.

По следу они дошли до дома Марусиной дочери, живущей неподалёку. Ольга в этот день дежурила в больнице, зять уехал в командировку, внучка училась в Запорожской медицинской академии, а внук после школы где-то шатался по селу.

Посреди двора валялась её растерзанная пропажа, вокруг лежали обглоданные куски мяса и птицы, над которыми усердно трудились Олины собаки: Карлик, Пегий и Волчок. На появление посторонних лиц они даже не среагировали, хотя и дружно завияли хвостами.

Маруся бросилась к сумке, отгоняя ногами собак. В ней, кроме бутылки молока, ничего не было.

Сытые и добродушные глаза псов говорили, что над всем этим они трудились очень давно.

– Паразиты, – только и смогла сказать Мария.

Забрав молоко, она печально направилась домой.

– Мама, а с этим что делать? – показала рукой невестка на разбросанные куски.

– На кой они мне нужны. Пусть уж доедают, дармоеды. Сама виновата. Пришла – убери всё, а я оставила на пороге. Вот и результат. Утраченного не вернуть. Людочка, я тебя попрошу сейчас помочь мне. Придём, я зарезу курицу и утку, а ты пособи мне их пощипать и разделать.

– Хорошо, мама, я только переоденусь и сразу к вам приду.

Поздним вечером Маша снова собрала сумку, теперь уже одну, отнесла её на веранду и плотно закрыла дверь.

Утром дорога была расчищена, и она благополучно добралась до города.

Хоть и с опозданием, Маруся поздравила сестру с юбилеем. Вечером они долго сидели за бутылочкой вина и уткой, запечённой с яблоками, вспоминая трудное детство, беззаботную юность и даже непогоду, помешавшую Марии приехать вовремя. Не забыли и псов-негодяев.

Всё, что Бог ни делает, делает к лучшему. Сейчас не было гостей, не было праздничной суматохи и шума. Тихая семейная обстановка окружала их и была как никогда кстати.

А верные друзья, Карлик, Пегий и Волчок, ещё долго баловались деликатесами, добытыми, как они считали, очень даже справедливо.

Все находились в состоянии покоя и блаженства.

На дворе стояла прекрасная зима.

Обоснованная тревога

Пробыв немного на пенсии, Маруся заскучала. На такие денёжки, что платит государство за труд ратный, прожить сложновато. Да и скучно. Пообщаться не с кем.

Вроде и в доме, и во дворе работы непочатый край... Тут ещё и бычок в феврале родился: выпоить нужно, на ножки поставить, на травку вывести, выкормить и к зиме продать...

Помимо всего прочего, в хозяйстве – коровы, свиньи, не говоря о курах и утках. Так нет же, не хватает людского общения.

И пошла она подработать в частный магазин. Работа хоть и не прибыльная и с деньгами связана, но не пыльная. И за день столько людей к тебе приходит!.. Скучать некогда. И всё знаешь, что в селе творится.

Пообвыклась Мария и как на свет родилась. Глаза сиять стали, настроение улучшилось. Женщина преобразилась и даже похорошела. Расцвела, как пион по весне. Радость сплошная на душе.

Правда, с хозяйством приходится справляться после работы до поздней ночи... И корову подоить надо, и бычка покормить, и птицу загнать, чтоб куница не покрала... Но к этому не привыкать. Всю жизнь так жили родители наши, всю жизнь так и мы живём. А утречком снова на работу, хотя чтобы всё успеть и управиться, нужно просыпаться до рассвета.

Прошла весна, наступило лето. Всё расцвело и отцвело: налилась черешня, начала краснеть вишня, клубника принялась румянить себе бока, малина старалась от неё не отстать... Огурцы, помидоры...

И бычок, Снежок, радовал – рос как на дрожжах.

А чего не расти: напоен, накормлен и пасётся на цепочке целый день на травке неподалёку от дома.

От работы до дома Марусе десять минут ходьбы, и то если идти не торопясь. Метров четыреста от силы. Разве это расстояние? Самое главное – целый день среди людей.

Так незаметно и подкралась осень. Село стали часто посещать «свинопасы», так в народе звали тех, кто скупал скотину, а потом торговал этим мясом на рынке богатея.

В тот день как-то беспокойно было на душе у Марии. Что-то её постоянно тревожило. И работа не ладилась, и покупатели раздражали... Сославшись на плохое самочувствие, она отпросилась с работы пораньше.

Только Мария подошла к мостику через канал (за ним сразу её дом) – навстречу на велосипеде едет Вася, лучший друг сына Сергея.

– Тётя Маруся, здравствуйте.

– Здравствуй, Вася.

– Тётя Маруся, мне кажется, что Степан вашего бычка продаёт.

– Как продаёт?! – Маруся ускорила шаг.

То, что она увидела, её просто шокировало. Двое «свинопасов» пихали её Снежка в прицеп машины. Один тянул его за цепь, другой толкал сзади. Рядом с деньгами стоял местный алкоголик Степан Воробей. Пока хозяйка на работе, он решил немного распорядиться её хозяйством.

– Что вы делаете?! – закричала Мария, подбегая к машине. – Это мой бык.

– Маруся, не шуми, – Степан дыхнул на женщину перегаром и протянул ей несколько сотенных бумажек. – Я подумал, тебе некогда этим заниматься, а ребята подъехали... Вот я и решил продать его...

– Пьяная рожа! – Мария со всей силы ударила Степана в грудь. – А вы пошли вон отсюда, а то милицию сейчас вызову, – она растолкала покупателей, схватила цепь и повела упирающегося бычка домой.

Вскоре с работы она ушла, посчитав, что общение ведению хозяйства явно мешает. Так не только всё продадут, но и растащат, оставив с голой задницей.

КОНФУЗ

Семидесятые!..

Страна учится, строит, движется семимильными шагами вперёд! Начали сооружать БАМ, наш «Луноход» шагает по Луне, все, не отрывая глаз от экранов, затаив дыхание, смотрят комедию «Ирония судьбы, или С лёгким паром»...

«У меня есть паспорт и аттестат зрелости! И ещё молодость!.. Но всё равно я взрослая. Как это замечательно!!!

Я уже не школьница десятого «Б» класса, а студентка первого курса сельскохозяйственного института!

Живу в общеаге.

Общеага! Как романтично звучит! Интересно, кто придумал такое название?

Здесь я проведу пять моих самостоятельных лет. А потом... Что потом? Не буду и загадывать.

Со мной ещё живут три замечательные девочки, из Херсона, Полтавы и Брянска.

Сегодня – первое сентября. И первое занятие начнётся с обзорной лекции для всех потоков. Это так волнительно и чуточку страшновато.

К такому торжественному моменту мне мама юбку сшила. Юбочка получилась – просто загляденье! Вот она лежит выглаженная на кровати. Надену в самый последний момент, перед выходом, чтобы не помять, а так хочется уже в ней пройтись! Но нет, мять не буду.

Девочки убежали в столовую, а мне абсолютно есть не хочется. Зачем куда-то бежать, если можно и в комнате перекусить. Деньги родителям, по крайней мере моим, нелегко достаются. И так дали на первое время пятнадцать рублей! Целое состояние! Сколько всего можно купить – голова кругом идёт! Буду жить экономно. Впереди целая жизнь, ещё всего успею закупить».

Марина не торопясь собиралась. Времени было больше чем достаточно. Она в очередной раз открыла портфель, любовно потрогала тетради, ручки... Вроде бы всё на месте, ничего не забыла. Чего волноваться? Всё позади: и вступительные экзамены, и ожидание списков принятых... А ладони всё равно предательски влажные. Как-никак, а сегодня она первый раз войдёт в аудиторию, вдохнёт запах старинного учебного заведения.

– Голова просто кругом!.. – весело воскликнула девушка.

Вскипятив на кухне чайник, она села за стол, решив попить чаю. Её взгляд невольно остановился на часах.

– Ой! Опаздываю! И чай попить не успею. Сорок минут остаётся... Пока выйду, пока доеду, пока дойду... А ещё надо успеть занять хорошее место.

Марина быстро заплела косу, надела комбинацию, синюю в горошек, кофточку, взяла портфель и, взглянув на себя в маленькое круглое зеркальце, во всю прыть побежала к остановке.

Всё складывалось как нельзя кстати. В троллейбус, набитый «под завязку» едущими на работу и учёбу пассажирами, она еле влезла. Ехать всего три остановки.

Выскочив у института и порадовавшись, что в такой толчее сэкономила на билетике четыре копейки, девушка с важным видом направилась в учебный корпус. Мимо проносились весёлые компании. Ей тоже хотелось присоединиться к ним, но она сдерживала себя, демонстрируя модную юбку.

Ребята пробежали, оборачивались и смеялись. Она тоже счастливо улыбалась в ответ.

Маришка твёрдо знала, что юбка у неё – последний писк моды, так что пусть смотрят и завидуют, не жалко.

Войдя в аудиторию, она поздоровалась со всеми, поднялась на второй ряд и заняла место по центру. Из-за всеобщего шума её никто не услышал и не обратил на неё внимания.

«А жаль! Можно было и посмотреть. Главное – есть на что», – подумала с улыбкой девушка.

После лекции Марина вышла в коридор, чтобы идти в класс, как вдруг к ней подбежал парень и прижал к стенке.

Она онемела от его выходки.

– Стой спокойно и не шевелись. Поняла? Я тебе сейчас кое-что скажу. Поняла, спрашиваю? И не кричи!

– Поняла! А в чём дело? Кто ты такой?

– Меня зовут Коля. А ты забыла юбку надеть...

– Как! – ахнула Марина и взглянула вниз.

Оказалось, что в спешке и волнении она просто забыла надеть такую желанную и модную юбку. Теперь ей был понятен смех бегущих ребят.

Такого позора и стыда она ещё никогда не испытывала. Оттолкнув Николая, девушка пулей метнулась в туалет и сидела там до тех пор, пока соседки по комнате не принесли ей эту злосчастную юбку.

Долго ещё Марина ходила не поднимая глаз. На первых порах она даже думала бросить учёбу и уехать из этого города. Стыд точил её изнутри. Но из сокурсников никто и никогда не поднимал этого вопроса. Все оказались очень порядочными людьми.

Всё проходит. Прошло и это.

Быстро пролетели студенческие годы.

На последнем курсе она вышла замуж за Николая, а диплом защищала на пятом месяце беременности.

Не будь этого случая, может быть, она никогда и не познакомилась бы с Колей и не было бы у неё от него двух мальчиков и одной девочки.

Всё, что ни делается, – делается к лучшему! Так уж устроена наша жизнь.

КРУТОЙ ПОВОРОТ ЖИЗНИ

1

Вечерами на поваленных вдоль забора деревьях всегда собиралась молодёжь. Ночь, луна, звёзды и их постоянные спутники, комары, никого не интересовали.

В центре на самом лучшем месте всегда сидел Валька Петров, играл на гитаре и пел. А играл он плохо, пел ещё хуже, но другие и так не могли.

В углу его рта неизменно торчала почти всегда погасшая папироса, которую он небрежно перебрасывал с одного края на другой и жевал коренными зубами. Кто-то, из большой признательности, подносил к ней зажжённую спичку. Валентин благодарно кивал головой, глубоко затягивался, отпивал из стакана глоток вина и продолжал свой концерт про голубей, тюремную любовь, сигаретный дым...

Репертуар не блистал изобилием. Да и когда было его обновлять? Времени на это не хватало. До полуночи концерт, после полуночи прогулка с подружкой за околицу, а днём крепкий здоровый сон. И так изо дня в день. Только зимой изредка выпадали свободные дни. Но в это время отец расхолаживаться не давал и всегда заставлял что-то делать.

Надо сказать, сердца и любовь всех девочек принадлежали только ему. Они даже дрались за обладание им. А он гордо ждал и уходил с победительницей за село. Там было не до песен.

Шло время. Мальчики становились мужчинами, начинали бриться, а их голос заметно грубел. Но репертуар поваленных брёвен практически не изменялся. Обновлялась только аудитория. Повзрослевшие девочки замещали тех, кто вышел замуж или уехал учиться. Всё остальное оставалось без каких-либо перемен: та же папирота в углу рта, та же подхалимски зажжённая спичка, те же ночные прогулки...

Наступила очередная осень, и Валентину вручили повестку в военкомат.

Пройдя медкомиссию, признанный годным к службе в ракетных войсках, он недоумённо постучал в кабинет военкома.

– Что тебе? – спросил усатый подполковник, куривший сигарету и говоривший по телефону. – Присядь, – показал он на диван, – я сейчас.

Валентин сел, осмотрел кабинет. Ничего особенного. В углу стоял громадный сейф, у окна большущий стол и два стула да ещё три напротив дивана. На одной стенке висела карта, а над окном – портреты президента и министра обороны.

– Кто такой и с чем пожаловал, раб Божий?

– Товарищ подполковник, тут написано, что я иду служить в ракетные войска, – Валентин протянул военкому бумагу.

– И что? Всё правильно написано.

– Почему ракетные?

– А куда ты хочешь? В космонавты?

– Нет. Я певец и музыкант. Мне надо служить в ансамбле песни и пляски.

– Ого! Эко тебя попёрло!.. А как фамилия?

– Петров. Валентин.

– Петров? Ну, конечно, слышал! – хлопнул он себя по лбу. – Как же это я тебя сразу не узнал? Талант! Наше эстрадное будущее! – военком затыкнулся дымом и, поперхнувшись, закашлялся. – Небось выйдешь на большую эстраду и забудешь нас, да?

Валентин широко и довольно улыбнулся:

– Нет. Что вы! Никогда.

– Ой обманешь! Знаю я вас, певцов, – он что-то написал на данной Валентином бумаге. – Держи. Пой, пляши, радуй нашего брата.

Петров взял протянутый документ, стал читать, шевеля губами.

– Вы же написали здесь, что буду служить на Тихоокеанском флоте...

– Заявка на певцов поступила только оттуда. Если не хочешь, будь ракетчиком. Давай бумажку, я исправлю.

– Нет, не надо. Я согласен, только на флоте на год дольше служить надо.

– Серова знаешь? Он на Черноморском флоте служил. А теперь?.. Звезда! Гордость наша. А Игорь Николаев – с Сахалина. Вот так, парень. Привезут на флот, начнут распределять, ты и скажешь, что певец, музыкант, композитор и специально, по разнарядке, направлен в ансамбль песни и пляски. Понял? На чём играешь?

– На гитаре.

– Её не забудь взять с собой. Это твоё оружие, – довольно засмеялся военком.

– Понял, товарищ подполковник! Спасибо.

– Ну иди. Выпустишь первый диск, обязательно пришли. Только с автографом.

– Конечно. Даже не сомневайтесь.

2

Поезд уже которые сутки мчал новобранцев по необъятным просторам Отчизны, везя будущих защитников восточных рубежей Родины всё дальше и дальше от дома...

Валентин, каким-то образом прихвативший с собой два литра водки, сразу же познакомился со старшинами и развлекал их болтовнёй и песнями. А те лишь слушали, кивали головой и загадочно улыбались. Через три дня он им настолько надоел, что был отправлен на своё место, ещё и наказан, отстояв дневальным по вагону вне очереди.

Теперь Валька переключил своё внимание на офицера и мичмана, но те, видя в этой жизни всё и всех, начиная от танцоров

бальных танцев и кончая студентами цирковых училищ, быстро приобщили его к уборке вагона, аж три раза на день, чтоб глупые мысли не будоражили «светлую» голову.

И парень загрустил. Никому до его творчества не была дела. Но хандра прошла, и он окунулся в океан грёз.

«Они скоро все узнают обо мне, – думал он, глядя в окно. – Зачем дали Устав? Зачем зубрить обязанности матроса? Они мне до смерти не нужны. Сказали спрашивать будут, а кто не выучит, в нарядах сгноят. Сволочи! На это два дня выделили. Скорее бы уже приехать! Нет, нужно учить, а то и правда будешь вечным дневальным. Все спят, а ты, как истукан, стоишь в тамбуре. Вот влип! Надо было в ракетчики подаваться. Хотя... Потерпеть надобно. Через пять дней приедем. И... здравствуй, ансамбль! Подумаю, какую песню мне исполнить. Прослушивать будут обязательно. Можно про велосипед Барыкина или «Мозаика» Малежика. Репертуар у меня большой, как перечислю, все ахнут! Надо выучить хоть одну морскую песню. Кто же знал?! Ничего, ещё выучу, и не одну».

– Статья 247, – в который раз он принимался зубрить обязанности матроса. – «Матрос подчиняется командиру отделения (старшине команды) и отвечает: за точное и своевременное выполнение возложенных на него обязанностей и поставленных ему задач; за состояние своего заведования и сохранность выданного ему имущества. Матрос обязан: а) знать назначение, устройство своего заведования, а также средств борьбы за живучесть на боевом посту (в отсеке), средства индивидуальной защиты и спасения; б) знать и уметь исполнять обязанности по книжке «Боевой номер»; в) знать общее устройство корабля, точно выполнять корабельные правила; г) содержать в исправном состоянии и готовить к боевому применению оружие и технические средства своего заведования, устранять неисправности и повреждения...» Боже, какая мутатень! Разве можно это выучить? Ой, – он полистал страницы, – сколько же там этих пунктов... Голова свихнётся. Вот гадство!

Петров снова и снова шептал пункты Устава, которые, как сказал капитан-лейтенант, написаны кровью.

– Какая тут кровь? Бред да и только.

Вот и долгожданный Владивосток.

– Внимание! – заревел капитан-лейтенант. – Приготовиться к выходу по одному. Не забываем свои вещи и оставляем порядок за собой. По выходу из вагона никому не разбредаться, сразу строиться. Проведём проверку личного состава.

Шёл морозящий дождь, явно не улучшающий и без того поганое настроение. По перрону ходил строгий капитан второго ранга.

Наконец проверка закончилась.

– Равняйсь! Смирно! Равнение налево! – капитан-лейтенант чётким шагом подошёл к старшему офицеру. – Товарищ капитан второго ранга, новобранцы в количестве тридцати семи человек прибыли без замечаний. Происшествий в пути следования не было. Все здоровы.

– Вольно! Спасибо за доставку, – пожал руку капитан второго ранга. – Грузи всех в автобус – и следуйте в экипаж. Там их сдашь под роспись и можешь быть свободен до следующего утра. Всем сопровождающим объявляю благодарность!

– Внимание! Нале-во! Бегом в автобус марш!

«Вот и началось! – подумал мчащийся Валентин. – А где же ансамбль? У кого-то надо спросить. А то всю службу пробегаешь как дурачок».

Вскоре перед автобусом открылись огромные железные ворота и они въехали на большую территорию, обнесённую со всех сторон высоченным забором. Вдали стояло длинное двухэтажное здание из красного кирпича, перед которым расстился широкий плац, поделённый продольными длинными белыми полосами.

Автобус встал напротив входа в здание, на дверях которого была прикреплена табличка с надписью: «Штаб».

Выйдя из машины, все снова построились. Валентину от перенапряжения захотелось в туалет. Но он усилием воли заставил себя терпеть, чтоб не пропустить главного.

Сопровождающий офицер передал списки вышедшему из штаба низкорослому капитану третьего ранга, а мичману отдал папку

с учётно-послужными карточками призывников и направился к выходу.

– Слушай сюда! – прогнусавил приземистый офицер. – Я ваш командир роты, капитан третьего ранга Подопригора Лев Исаевич. Сейчас мичман Лесоруб отведёт всех в столовую, потом в баню, где вы сдадите гражданскую одежду и получите форму. В казарме займёте койки и заправите их. Этому вас обучат старшины. Потом начнёте готовить форму: пришивать погоны, боевые номера и всё остальное, что скажут. К вечерней проверке должны выглядеть, как добры молодцы. Ну а если кто-то мне не понравится, может сразу начинать завидовать мёртвым. Вопросы есть?

– Есть! – бодро произнёс Валентин.

– Сынок, – физиономия офицера скривилась, – флот – это вам не девятый «В» класс. Прежде чем задать вопрос или обратиться к кому-либо, военнотружаший обязан, я подчёркиваю это слово, для начала представиться. Ясно?! – гаркнул он. – Фамилия ваша?

– Петров, – и первая капля мочи произвольно оросила трусы.

– Сегодня, товарищ Петров, в назидание всем заступаете дневальным по казарме. Слышал, Лесоруб?

– Так точно.

– Остальных назначишь сам. И чтоб обязанности мало-мальски знали, а не стояли истуканами и не ведали, что надо делать.

– Всё будет сделано, товарищ капитан третьего ранга.

– Ещё. С завтрашнего дня наряд на кухню и приборку территории.

– Есть наряд на кухню и приборку территории.

– Всем всё ясно? Не слышу!

– Ясно, – удручённо за всех ответил Петров.

– Не «ясно», товарищ Петров, а «так точно»! Вопросы я принимаю только в письменном виде и только после обеда, когда мирно сплю. Вольно! Лесоруб, командуй! И пожётче с ними, чтобы проблем у них дурных не возникало. Что касается ваших вопросов и заявлений, выскажите их через месяц на строевом смотре перед Присягой. Ведите!

– Вот это влип! – и Валентин грязно выругался.

Жизнь в экипаже даже издали не походила на райскую, а скорее наоборот. За месяц из вторсырья должны сделать настоящих мужчин, военнослужащих, выбивая из голов гражданскую дурь, приучая к порядку и дисциплине, изучая Уставы и занимаясь строевой подготовкой. Вчерашние дети теперь всё делали сами: стирали, гладили, чистили картошку, мыли полы... И, естественно, несли службу по охране казармы, внутри неё и снаружи.

Каждое утро начиналось с «обожаемой» всеми физической зарядки и непременно километровым бегом, а то и более. Но это ещё ничего, можно и пережить. После завтрака начиналось самое страшное – строевые занятия, о которых без содрогания и вспоминать не хочется, а если вдруг и нахлынет – холодным потом обливаешься: одиночное хождение с поднятием ног до пояса, повороты с оружием и без... После этой муштры опухали ноги, а стопы пекли огнём.

Потом обед, получасовой перекур и занятия по Уставам, оружию массового поражения, изучение обязанностей, инструкций и наставлений...

Вечером хождение в строю с песней и без.

И ещё тысячи всяких понятных и непонятных мероприятий, которые нужно обязательно сделать.

Теперь Валентин пел со всеми: «Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг»... До сольных концертов не было ни желаний, ни сил. Хотелось только одного: скорее б в койку – и спать!

Но на этом муки не заканчивались. Практически каждую ночь звучала команда: «Тревога!». И надо пулей слететь с койки, одеться и встать в строй за сорок пять секунд! Не уложились – ещё раз и ещё раз, пока не будет выполнен норматив. Точно так же ребёнок учится ходить: встал, упал, заплакал и снова встал.

Постепенно нарабатывались навыки, крепчал организм. Теперь это были уже не мальчики, но пока и не мужчины.

Как бы долго не тянулось время, заканчивался первый месяц службы на флоте. Все научились жить по принципу: «День прошёл – и хер с ним!»

Приближалось долгожданное принятие Присяги. Командование решило провести строевой смотр. После прохождения строем раздалась команда: «Для опроса жалоб и заявлений личному составу построиться на плацу!»

5

К Валентину подошёл начальник штаба.

– Курсант Петров! – представился матрос.

– Жалобы, заявления есть? – спросил офицер.

– Так точно!

– Слушаю вас.

Сзади идущий мичман с блокнотом и ручкой приготовился писать.

– Я певец...

– Кто? – глаза начальника штаба расширились.

– Певец и музыкант. В военкомате сказали, что с Тихоокеанского флота на меня пришла разрядка и я буду служить в ансамбле песни и пляски.

– Что-что? – начальник штаба никак не мог уловить сказанного. Он даже помотал головой. – Певец, музыкант? Интересная мысль, – он повернулся к мичману: – Быстро позови мне сюда командира роты!

Подбежал Подопригора.

– Лев Исаевич, ты что же от всех нас скрываешь таланты?

– Не понял, Пётр Сергеевич.

– Это твоё тело? – показал он на Валентина.

– Моё. Большой души человек, – ухмыльнулся он. – Талантами и усердием не обладает. Склонен к философии и очковтирательству.

– Ну что вы такое говорите? Он утверждает, что певец и музыкант и должен служить в ансамбле флота. Так сказать, нести радость людям. А вы? Философствует, очки втирает... Не разобрались с человеком и заставляете его шагистикой заниматься. Петров, – начальник штаба по-отечески посмотрел на курсанта, похлопал его по плечу, – на чём играешь, кроме нервов, разумеется?

– На гитаре, товарищ капитан второго ранга, – сердце Валентина затрепетало от счастья. «Наконец-то свершилось!» – подумал он и широко улыбнулся.

– А ты, случаем, не гомосексуалист?
– Никак нет, – покраснел курсант.
– Ну как же так? Певец и не гомосексуалист... Даже не интересно. Девяносто процентов кумиров публики этим балуются. Ты явно проворонил.

Валентин стоял красный, опустив глаза.

– У нас на флоте такое не культивируется, – продолжал начальник штаба. – А если вдруг... На лечение в дисциплинарный батальон посылаем. Лев Исаевич, поступим следующим образом. После ужина в своём кабинете накрываешь стол. Там мы с тобой спирт будем пить, а Петров нам петь. Прямо как в ресторане, только без баб. Их мы потом вечером в городе найдём. Не возражаешь от такого предложения?

– Никак нет, Пётр Сергеевич.

– Вот и славно. А ты, Петров, готов? Гитара есть?

– Так точно. Только я давно не пел... Голос...

– Ничего-ничего... Ты постарайся. А мы с твоим начальником будем решать, куда тебя направлять, в ансамбль Тихоокеанского флота или сразу в Москву. Лев Исаевич, распорядись, чтобы нашу звезду сегодня никуда не задействовали.

– Есть!

6

Начальник штаба и командир роты сидели за столом бок о бок, как экзаменационная комиссия. В центре стола стояла бутылка спирта, вокруг которой горой дымилась закуска.

Петров сидел напротив с гитарой. Было видно, что он волнуется.

Начальники выпили.

– Начинай, Петров, мы уже готовы.

Валентин прокашлялся. Послышалось дребезжание гитары. Потом «полилась» песня про дым сигарет с ментолом.

Начальник штаба скривился.

– У тебя большой репертуар? – прервал он певца.

– Семнадцать песен.

– Ого! Цельный сольный концерт! Ты явно готов к большой сцене. Давай четырнадцатую. Эту мы знаем.

Петров довольно улыбнулся и скорбно затянул «Плот» Юрия Лозы.

– Достаточно. В тебе, курсант, сидит уникальный талант авантюриста. С таким голосом и музыкальными данными разрешается петь только в подворотне. Пойдёшь служить на корабль. Там и порадуешь своим талантом своего воспитателя. Он обязательно поймёт и окропит твою грудь слезами умиления. Дай гитару сюда. Я покажу тебе, как надо петь.

Он подтянул струны и поставленным голосом запел про скалистые горы. Это было и правда здорово!

– Забирай свой инструмент, – он протянул Валентину гитару. – По дороге не забудь выбросить. Иначе я разобью её о твою дурную голову. До певца тебе, как мне до командующего флотом! С таким голосом, как твой, только кочегаром на крейсере служить. Вы меня понимаете, Лев Исаевич?

– Так точно!

– Ты ещё здесь? Марш отсюда! И чтоб больше я тебя никогда не видел.

Валентин пулей выскочил из кабинета.

– Исаевич, давай выпьем ещё по одной и пойдём в кабак, там поют гораздо веселее.

7

Минуя учебный отряд, Петров и правда попал кочегаром на крейсер. Здесь уж точно было не до эстрады. Кораблю не песни нужны, а ход, который и давал Валентин.

Только ближе к демобилизации он тронул пальцами струны. Руки не слушались, а огрубевший голос явно фальшивил.

Аккуратно положив гитару на рундук и нежно погладив её, он больше к ней не прикасался никогда.

Его дальнейшая жизнь резко преобразилась. В ней уже доминировали другие развлечения и проблемы. Он полюбил флот и остался на нём служить мичманом. Теперь для него всегда звучали песни моря и ветра. С ними он сроднился и жил.

БЕСПЕЧНОСТЬ

В повседневной жизни военного корабля очень мало весёлого и светлого. Работа сложная и опасная. Но всё же какие-то элементы радости есть. Это, к примеру, – обед. Он рано или поздно приходит, как и ДМБ, несмотря ни на что и где бы корабль ни находился – в море или у стенки. Эту трапезу ждут и к ней готовятся.

Не зря бытует поговорка: «Море любит сильных, а сильные любят пожрать».

Выглядит это достаточно торжественно (правда, для кого как) и даже очень символично. Бочковые (молодые матросы) вначале расставляют столы, посуду и баночки (скамейки). Другие, опережая собственный визг, мечутся по шкафуту (средней части верхней палубы) от кубрика до камбуза и носят первое, второе, компот и, разумеется, хлеб.

Корабль, выполняя задачи боевой службы, шёл своим намеченным курсом в бескрайних просторах Средиземного моря. По морю гуляла небольшая волна, не вызывая ни у кого ни малейшего беспокойства.

Наконец прозвучала долгожданная команда: «Закончить малую приборку! Бочковым построиться, шкафут, левый борт!»

И корабль сразу ожил. «Годки» и примкнувшие к ним «подгодки» или моряки, прослужившие более двух лет, уже сидели на «баночках» за столом и ждали долгожданную трапезу. Они своё уже отбегали в молодые годы. Теперь срок службы не позволял им сильно напрягаться и тратить драгоценные калории. Бегать за пищей – удел молодых матросов.

Кубрик заполнил умопомрачительный запах еды, вызывающий обильное слюновыделение. Молодые матросы начали разливать первое по тарелкам. И только ложки коснулись горячего супа, по трансляции с ГКП раздалась новая команда: «Корабль к плаванию в штормовых условиях приготовить! Проверить крепление имущества по штормовому».

Надо отметить, что при выходе корабля в море, а тем более на боевую службу, всё имущество сразу же жёстко фиксируется. Не сделай этого – и в штормовую погоду оно всё разлетится и перебьётся. Допустить такого никак нельзя. Беда большая может случиться, вплоть до снижения боевой готовности корабля.

Но в нас всех живёт врождённый пофигизм, который всегда противоречит здравому смыслу. Он-то и породил в нашем сознании национальный «авось».

Именно этот пресловутый «авось» и вызвал череду последующих приключений.

Старпом, будучи старшим на ГКП, мирно дремал на мостике. Вахтенный офицер, видя, что приближается шторм, посчитал, что можно и проскочить. Но проскочить не удалось, и команда прозвучала с опозданием.

Череду видевших и не среагировавших можно перечислять до бесконечности, но мы остановимся лишь на тех, кто не закрепил к палубе «баночки» в кубрике № 5.

Только ложки коснулись горячего супа, как корабль резко накренился на бок и его бросило в сторону.

«Годки», солидно сидевшие за столом на этих самых пресловутых не закреплённых «баночках», с наполненными горячим супом тарелками дружно покатались в сторону переборки, падая на палубу, по которой уже растекался жирный и липкий гороховый суп. Первому «повезло» больше всех. Он благополучно врезался

головой в экран телевизора, который со звоном разлетелся, осыпая всех дождём разбившегося стекла.

Теперь корабль лёг на другой борт. И все дружно поскользили по палубе в другую сторону. Суп, смешиваясь с кровью от полученных осколками порезов, пропитывал рабочую одежду и противно прилипал к телу.

Встать никто не мог, разъезжались ноги. Бочковые, высоко подняв ёмкости для переноса пищи, чтобы остатки драгоценной снеди не вылились на палубу, ездили от одного борта к другому, напоминая школьников, скатывающихся с ледяной горки. Их лица были серьёзны и, кроме мировой скорби, ничего не выражали.

Всеобщий мат слился во вселенский стон.

Жертвы хватались за любые выступы или ползли на сухое место. А встав, впадали в истерику и от увиденного начинали хохотать как умалишённые. На выручку товарищей у них даже от этого истерического хохота не было сил.

Вскоре на шум стали приходиться из других кубриков и веселье разгоралось с новой силой.

Но одни были сыты, а другие голодны. А как известно, сытый голодного не понимает.

Помыв тарелки и сполоснувшись в душе прохладной морской водой, моряки переоделись и, сев на рундуки (секционные ящики под койками, предназначенные для хранения формы одежды и сидения), с аппетитом принялись за гуляш, запивая его остывшим компотом.

Поев, одни пошли отдыхать перед вахтой, другие – подменять стоявших у действующих механизмов товарищей, третьи – в амбулаторию лечить свои боевые травмы.

Что же осталось делать молодым? Им отдыхать не положено по сроку службы.

Одни принялись драить палубу и крепить баночки по штормовому, другие – стирать всю запачканную форму одежды.

После того, как тайное стало явью, старшему боцману приказали пройтись по всему кораблю и ещё раз проверить крепление имущества. О проделанной работе он должен был доложить письменным рапортом командиру корабля.

Никогда нельзя полагаться на «авось». Может бедой обернуться.

ОСНОВНОЕ РЕМЕСЛО

I

На дворе стояла такая ненастная погода, что даже хозяин из жалости собаку за порог не выпустит.

Пронизывающий северный ветер нёс в Южную бухту иглы снега, пробирающий до костей холод и промозглую сырость. Все двери, выходящие на верхнюю палубу, были задраены, и по внешнему периметру корабля ходила лишь дежурно-вахтенная служба.

Из-за такой погоды многие даже не пошли домой. Прямо скажем, погода не для прогулок и веселья. До дома час мёрзнуть, утром столько же... Отдохнуть, пусть не так активно и не так весело, можно и на корабле. Лучше посидеть в кают-компании, чайку горяченького попить, сыграть во что-нибудь, накуриться и наговориться.

За вечерним чаем собралась почти вся кают-компания. На берег сошли лишь отличники и желающие. Среди отличников были командир корабля и его заместитель по политической части, а желающих было тоже двое – командир артиллерийской боевой части и начальник медицинской службы. Если первые, твёрдо соблюдая моральные устои, пошли домой, то другие могли направиться куда угодно. Для них не существовало такого понятия, как непогода. Им

роднее была земля с её прелестями, загадками и развлечениями, чем железная палуба, на которой один служил десять лет, а другой шесть.

На корабле в этом году сменилась почти половина офицерского состава. Одни пошли на повышение, а другие уехали на учёбу, чтобы занять более высокое место и положение. Вместо них пришли молодые, дикорастущие лейтенанты, поэтому изредка в офицерской среде попахивало курсантским духом, с которым старший помощник командира корабля нещадно воевал. Лейтенант – уже не курсант, но ещё и не настоящий офицер. Понимают это все, но с этим никто никогда не может смириться, потому и нещадно борются.

Лейтенанты в своём первозданном виде очень похожи на стаю встревоженных птиц. Они целый день носятся по кораблю, сбивая друг друга, чтобы везде успеть. Но это у них никак не получается, за что их все воспитывают самыми разнообразными методами, от нравоучительных и воспитательных бесед до площадной брани, которая куда более полезна, доступна и понятна, чем высокие премудрости философской материи.

На корабле чтят годы службы. Чем дольше офицер прослужил, тем он опытнее, тем в его подразделении больше порядка, его личный состав уважает и, естественно, слушается. Это командование поощряет и иногда на отдельные «шалости» этих самых офицеров порой смотрит сквозь пальцы и кое-что прощает. Подобное никто не скрывал, но и никто не выпячивал. Их привилегии были заметны всем. А будущие флотоводцы верили, что пройдут годы, к ним тоже изменится отношение и они будут свысока смотреть на молодых офицеров.

Сказать честно, моряки срочной службы тоже очень скептически относились к лейтенантам. Для них они хоть и начальники, но не до такой же степени, когда надо вытягиваться в струнку.

Сегодня в кают-компании говорили непривычно для этого времени тихо, вяло, почти шёпотом. Не хватало вожаков и их энтузиазма.

Старпом, попив чаю, с сигаретой в уголке рта и прищуренным от едкого дыма глазом, что-то непонятное играл на пианино. Мол-

чаливый и вечно хмурый механик, прослуживший на этом корабле восемь лет, на котором лежал огромный груз ответственности за живучесть корабля, пожелав приятного аппетита, вышел (чтобы простому человеку было ясно, от деятельности его многочисленной службы корабль двигался, горел свет, подавался пар, вода и снаряды, вращались орудия и механизмы. И даже готовилась пища). И если вдруг, не дай Господь, что-то выходило из строя или ломалось, корабль превращается в скопище металла. А если на боевой службе, где-то в Средиземном море, всё было хорошо и даже отлично, командование получало от правительства высокие награды и звёзды на погоны, а механик продолжал оставаться механиком до конца дней своих, точнее, до пенсии.

Один их тех, кто уже может говорить громко, спрашивает у старшего помощника разрешение курить.

Закуривают все сразу. Дымовая завеса накрывает сидящих.

– Может, кто оторвёт задницу и дверь откроет? Или все сразу решили угореть? Спасать некому, доктор на берегу...

– Вчера бежал по кораблю, – простонал лейтенант Серебряков, – и, спускаясь в кубрик, зацепился ногой о комингс (вертикальный стальной лист, ограждающий грузовые, световые и сходные люки от попадания воды внутрь помещений) и так ногу до кости содрал, что даже идти не мог. Еле доковылял до нашего доктора. А он в койке лежит и книгу читает, «Цусима» Новикова-Прибоя. Сколько ему? Около тридцати, а не читал такого. У нас в училище висел целый список морской художественной литературы, который мы должны были прочитать. И за этим вёлся очень жёсткий контроль. А сейчас спроси меня, о чём эта книга, не отвечу, – он засмеялся. – Так вот, он на меня даже не посмотрел, сразу отправил в санчасть к санинструктору. Тот, правда, ногу обработал перекисью, йодом смазал и наложил повязку с какой-то оранжевой жидкостью.

– А что он вообще на корабле делает, этот доктор? Ест, пьёт, спит, курит и несёт всякую околесицу. Неплохо устроился шутком на корабле. А как в море шторм – он в койке. Якобы страдает «морской болезнью». Приучил всех, ему и поверили. Я бы тоже так служил, – поддержал его лейтенант Герасименко.

– Как ничего не делает? А пробу пищи снимает, дезинфекцию делает, крыс и тараканов травит. И заметьте, для этого шесть лет в академии учился. Смех один да и только. А всё равно без него скучно. Сейчас бы что-то ляпнул – и было б весело, а так... сидим и рассказывать нечего. Подобный человек-амортизатор должен быть в каждом обществе, особенно в военной системе. Без юмора чокнуться можно. Давайте хоть в домино сыграем или нарды?

– Не хочется. Надоело всё. А ещё он пробы воды берёт и у работников продпищблока и водоснабжения бактериальное обследование проводит.

– Да это тоже санинструктор делает. Будет тебе доктор в задницах ковыряться, – в кают-компаниии будущие покорители океанских просторов весело рассмеялись.

– Я тоже как-то зашёл к начмеду в каюту. Голова заболела. В этот раз доктор что-то писал. Он молча открыл ящик стола, достал таблетку и дал мне. А может, у меня поднялось давление или повысилась температура?.. Но должен отметить, что голова прошла.

– А почему он на вахте не стоит или дежурным по кораблю? Всё равно ничего не делает.

– А у него семья есть? – спросил лейтенант Пилипчук.

– Да. Двое детей и жена красавица.

– Никогда не видел его жену.

– А мою видел? – спросил читавший какой-то журнал капитан-лейтенант, начальник радиотехнической службы.

– Нет, – удивлённо ответил Пилипчук.

– А что тогда языком мелешь? Дым вдыхай, пользы больше будет.

– Извините, я к слову. Будь я командиром корабля, – продолжил он тихо, – я немедленно списал бы нашего врача на какое-нибудь старое корыто. Пусть бы там и дослуживал.

– Хайкин, – старпом бросил музицировать и повернулся к офицерам, – что за спор в стае борзых лейтенантов?

– Обсуждают работу, службу и целесообразность пребывания начальника медицинской службы на корабле. А за ненадобностью хотят списать его как бездельника, негодяя и тунеядца на корабль консервации. Они, оказывается, пахари моря, а капитан, прослуживший на корабле шесть лет, дерьмо, – возмутился Хайкин.

– Так никто не говорил, – тихо ответил Пилипчук.

– Можно было догадаться.

– Ты знаешь, Хайкин, а я с ними полностью солидарен. Пора от нашего бездельника избавиться и гнать его отсюда в шею. Чем быстрее, тем лучше. Мы тут сидим, ракушками обрастаем, а новые люди пришли и увидели все те недостатки, которые творятся у нас на корабле. Учитывая данную мне сегодня власть и полномочия, я ставлю вопрос на голосование о переводе начмеда с нашего корабля на другой. Сегодня же напишу приказ, утром подпишу у командира, который дальше согласует его с вышестоящим командованием о замене нашего врача. Я ясно выразился? Кто за данное предложение, прошу поднять руку, – произнёс улыбаясь старпом.

Лейтенанты недоверчиво переглянулись и робко подняли руки.

– Видишь, Эдуард Маркович, – старпом опять закурил, обращаясь к Хайкину, – как в наше время легко делаются перевороты, свергаются люди, власти... Подняли ручонки – и вопрос решён. Ни мичман Панин не нужен, ни советы, ни флаги разные... Нужны глупые лейтенанты. Это ты, Пилипчук, возомнил себя командиром корабля?! – не своим голосом заорал старший помощник. – Это ты, подонок, попавший сюда по велению своего папочки, начальника отдела кадров флота, чтобы, как говорится, повариться в корабельной жизни, и посему считаешь, что твоя дорога в будущее усеяна розами и звёздами? И ещё, лейтенант, если вас этому не научили в училище, то я стану вашим гуру. Офицер, услышавший свою фамилию, должен немедленно встать, принять строевую стойку, втянуть животик, приподнять подбородок и есть глазами начальника.

Пилипчук вскочил как ошпаренный.

– И запомните, Пилипчук, не съедать начальника, а есть, вкушать, получать удовольствие... Вам ясно?

– Так точно!

– Так вот. Сейчас слушают меня все до одного. Посмотрели внимательно на Пилипчука, своего сослуживца, которого я намеренно не называю товарищем, потому что вашим товарищем он никогда не будет. У него свой путь развития, и он один пойдёт вверх по

служебной лестнице. Но если кто-то случайно встанет у него на пути, сразу же окажется в зловонной яме. Он столкнёт его туда, даже не взглянув, кто это был и куда полетел. Но это при случае, если будет продолжать служить его отец, а ему недолго до пенсии осталось. Поэтому бойтесь, молодые люди, его сейчас. Вы только дети начальников кафедр, преподавателей и прочей флотской элиты... С теми, кто на флот пришёл от сохи, он скоро перестанет общаться, чтобы не замараться. Для него карьера открывает все двери. Но мозги в его дурной голове не так уж и светлы, иначе пошёл бы по дипломатической линии. Так я говорю, лейтенант, или что-то вру?

Пилипчук стоял красный и молчал.

– Это вы, – старпом ткнул пальцем в сторону сидящих, – не все, конечно, будете пробивать свой путь горбом, рабским трудом и мозолистыми руками. А из таких, как вы, Пилипчук, в будущем получают самодуры, которые способны лишь калечить судьбы людей, чувствуя за спиной мощную поддержку. Вы уже сейчас, прослужив три месяца, решаете, кто угоден, а кто нет... А став царьком?.. Вы недалёкий человек, а если сказать прямо в глаза – дурак. Таким и останетесь! Но дурак должен выглядеть респектабельным и умным, посему на него должны пахать здравомыслящие люди, которых вы потом за nepотpeбнoстью выбрасываете, как отработанный материал. Что ты ухмыляешься? Это была твоя очередная ошибка. Сейчас поговорим немного – и пойдёшь ты, мил человек, службу ратную нести, как того Устав корабельный требует. А чем хорош дурак? Высокому начальству с ним легко служить. Он тупо, по-другому не умеет, исполняет все поручения, но чужими руками. В конце концов, раскусив его внутренний мир, руководители начнут от него избавляться, назначая на более высокие посты, в штаб или куда выше, абсолютно не имеет значения. На новом месте произойдёт то же самое. Ведь с годами характер человека не меняется. И он всё так же продолжит изощряться над человеческими судьбами, и уже другие умные люди будут держать его ожиревшее, ленивое тело на вытянутых руках. Рассыльный! – закричал старпом.

В кают-компанию вбежал матрос с красной повязкой на левом плече.

– Товарищ капитан-лейтенант, рассыльный матрос Головка! – он приложил правую руку к виску.

– Позови сюда дежурного по кораблю. И скажи ему, чтобы вечернюю проверку провели по кубрикам мичманы. Не будем личный состав на холоде морозить. Всё, иди.

Матрос, сказав «Есть!», убегает.

– Хайкин, – повернулся старпом в сторону начальника РТС, – у меня от умных речей горло заболело, расскажи этим недоумкам, кто такой доктор и для чего он нужен, в частности на корабле. А то один ножку повредил, у другого от похмельного синдрома головка заболела, у третьего газы от переедания перестали отходить... И надо же, на них никто не смотрит, в задницу термометр не ставит. А мальчики обижаются. Доктор знает, на кого надо смотреть, а кто может обойтись и без этого. А то, что командование ценит этого врача и боится его потерять... А то, что он сам на боевой службе, с помощником и ассистентом из обычной офицерской среды, сделал больше десятка аппендэктомий! Повторяю для глухонемых и особенно одарённых – сам!!! Ни одного медработника рядом. Это как называется? Бездельник? Тунеядец? А зубы рвёт, переломы сопоставляет и гипсовую повязку накладывает без рентгеновских снимков, не говоря о вырванных ногтях и вскрытых гнойниках. Слышал, даже гонорею вылечил, а вот у кого – не сказал ни мне, ни представителю особого отдела, ни тем более замполиту. За шесть лет, что он здесь служит, ни одной вспышки инфекционных заболеваний! Ты хоть знаешь, салага, что у доктора ребёнок родился, когда он был на боевой службе, и он его первый раз увидел через три месяца, а второй – когда сыну исполнился год? А как загорелся соседний корабль и вынесли на палубу двух угоревших старшин без сознания. Одним занимался наш врач, а другим – местный. И чтоб не западал язык и не качать кислород в живот, наш пришил язык к нижней губе. Уколы, непрямой массаж сердца... Не знаю, что он там ещё делал, но у него старшина выжил, а у местного – умер. Потому что тактика была не та! Понимаете?!!

Вошёл дежурный по кораблю.

– Вызывали?

– Алексей Сергеевич, сейчас заберёшь в своё распоряжение лейтенанта Пилипчука и будешь заниматься с ним корабельными средствами пожаротушения до полуночи, пока сам не пойдёшь спать. Причём всеми. Пусть покажет, расскажет и даже шланг раскатает и подключит к гидранту. Только воду не включай. Все вопросы, какие будешь ему задавать, запиши на листочек, он мне его сегодня принесёт, а я с ним завтра пройду по кораблю, и он повторит мне то, что усвоил. А не усвоил... Алексей Сергеевич, не жалей его, а то ведь я его потом точно не пожалею.

– Есть! Результаты вечерней проверки вам будут докладывать старшины команд?

– Не надо. Сам примешь у них доклады и позвонишь мне сюда.

– Разрешите идти?

– Иди. А этот малец сейчас к тебе присоединится. Всё слышал, Пилипчук?

– Так точно!

– Раз всё понял, пошёл вон отсюда! На приём пищи приходите во вторую очередь! И старайся как можно реже попадаться мне на глаза. Дежурным по кораблю когда заступаешь?

– В среду.

– Во вторник мне после вечернего доклада доложишь обязанности дежурного, согласно Уставу. Без «А-а-а» и «М-м-м». Не доложишь, будешь через день дублёром заступать, пока не научишься. А теперь вперёд! – снова заорал старпом.

– Однако круто, Александр Николаевич! А если сынок пожалуется папочке?

– А от этого, как говорит наш любимый начмед, у меня есть антитод. Я буквально вчера разговаривал с его великим папашей. Он спросил, как в дивизии дела, чем живёт наш корабль. А потом речь зашла о его сыне, мол, как служит, чем занимается... Повторю его речь дословно: «Сделай из него настоящего моряка, – сказал он, – и в первую очередь – человека. Дерьма в нём предостаточно. И гонора. Выверни его наизнанку и хорошенько прополощи в морской воде. И только не вздумай жалеть!» А не полетит он к вам плакаться в тужурку? – спросил я. «Как прилетит, так и улетит», – ответил он и повесил трубку.

– Ни фиги себе! – Хайкин изобразил что-то невероятное руками. – С кем служим!..

– Знай наших! – выдвинув челюсть, старпом поправил волосы и довольно улыбнулся.

– Откуда...

– История давняя и длинная, как-нибудь под настроение расскажу. Сейчас мы готовы послушать вас про твоего соседа по каюте и нашего доктора.

– Александр Николаевич, может, ещё чайку с печеньем и конфетами? За чаем и беседа пойдёт гораздо слаще.

Старший помощник нажал звонок. Вошёл вестовой.

– Серёжа, принеси нам ещё чайку покрепче, погорячее и конфет с печеньем.

– Товарищ капитан-лейтенант, а конфет больше нет.

– Раз нет, значит нет. Без них попьём. Лейтенанты наказаны и пьют без сахара.

Хайкин вальяжно развалился на стуле, далеко вытянул ноги под стол и опять закурил.

– А сейчас, дети, я расскажу вам, как и от чего вы здесь будете дышать без наличия на корабле одного доктора. Запомните, на корабле нужны лишь два человека. Это механик, без которого здесь ничего не будет работать, и доктор, который стоит на страже вашего здоровья. Все остальные пожинаят плоды их труда, а именно: идут, стреляют, видят, слышат и так далее. Но для этого все должны быть крепкими и здоровыми. Отсутствие одного – уже трагедия, а если, не дай Бог, выйдет из строя пять человек, десять, экипаж – представить даже страшно, что будет. Возьмёт супостат наш корабль, как пустую консервную банку, а всех живых расстреляет и за борт выбросит, на радость обитателям морских глубин. Я пока всё правильно говорю, товарищ капитан-лейтенант?

– Картина хоть и маслом, но тона слишком мрачные.

– По-другому не могу. Не поймут.

– Это точно! Продолжай. Но, хочу заметить, живя с доктором в одной каюте, вы так срослись, что говорите настолько похоже, закрой глаза – и с уверенностью можно сказать, что начмед с нами, а не где-нибудь в другом месте.

– Благодарю вас! Это для меня самая большая похвала. Но, как говорит доктор, мне учиться и учиться. Вот что я хорошо умею делать, так это жестикулировать руками. Итак, отойдя от общих понятий назначения медицины, думаю, её цели и задачи все понимают, ибо каждый когда-то чем-то болел, повторяюсь немного и опять остановлюсь на таком, казалось бы, малом коллективе, который удалён от родной базы, чтобы охранять просторы Родины. Это и тайга, и пустыня... А мы находимся в безбрежном море. Но из тайги, пустыни, тундры можно быстро доставить больного в госпиталь. Для этого даже есть санитарная авиация. На корабле такой возможности нет. У нас один-единственный врач, который должен уметь всё... Понимаете – всё и чуть-чуть больше.

Старпом встал, медленно прошёлся по кают-компани.

– Всё ты, Хайкин, правильно говоришь. Добавлю только одно: командир всегда спокоен за медицинское обеспечение на боевой службе. А это не так мало! Доктор сделает всё, что нужно.

– Александр Николаевич, вы тогда служили на другом корабле и у нас, естественно, не были. На боевой службе, в Эгейском море, кок, разделывая мясо, отрубил себе большой палец на левой кисти. Это поистине был для всех шок. ЧП! Командир задёргался, замполит завибрировал... И только доктор невозмутимо сказал: «А давайте я попробую его пришить. Конечно, уверенности нет, что он приживётся, а вдруг... Чем чёрт не шутит». Командир долго колебался, но потом согласился.

Доктор вместе с санинструктором целый день возились с этим пальцем, что-то в кость забивали, шили... Потом тугую повязку с какой-то болтушкой на место сопоставления наложили. Уколы, капельницы... И так три месяца... Я даже не видел, чтобы доктор спал. Ходил как тень. Синий, с ввалившимися глазами и худой.

Вначале палец был белый, потом синий, а спустя два с половиной месяца стал приобретать нормальный окрас.

Отчаянный человек! Ведь никто не заставлял его это делать. Ампутировал палец – и всё. Как он потом рассказывал, могло всё закончиться очень плачевно: развиться гангрена, произойти заражение крови и за счёт отравления собственными белками наступить блокада почек... И как итог – смерть больного. Знал и ничего

не побоялся! Но героям и энтузиастам везёт. Палец сросся. И пусть он почти не шевелится, но остался цел, свой, родной, а не обрубок какой-то. Ведь в корабельных условиях разве можно сшить сосуды и нервы? Нет, конечно.

В кают-компании зазвенел телефон.

– Слушаю, – сказал старпом, снимая трубку. – Хорошо. Давайте команду «Отбой».

– А почему тогда нашего доктора не заберут в академию или госпиталь, коль он такой на все руки мастер?

– А потому, Серебряков, что в числе его родственников нет такого великого отца, как у Пилипчука. А надо чтобы был! Таким людям нужен простор. Да и вообще... у него из родственников-то никого нет.

– Но не это сейчас главное, – продолжил Хайкин. – Замполит за три месяца, что доктор, можно сказать, постоянно находился рядом с больным, заставил его написать конспекты к политзанятиям. Маразм! Тот с ними возился, наверное, с полгода. И никто не поинтересовался, где живёт его семья, в каких условиях. А они жили и в гараже, и в полуподвальном помещении... Сейчас даже не знаю, где они снимают квартиру. Надо в ноги поклониться его жене и всем нашим жёнам. Кроме мучений, никакой радости.

– Ну что, будущие наследники Ушакова и Корнилова, притихли? Поняли хоть что-нибудь? – устало спросил старший помощник.

– Так точно! – за всех ответил лейтенант Герасименко. – Товарищ капитан-лейтенант, скажите, а смерти на корабле были?

– Да. Как это ни прискорбно. От электротравмы. Два часа на чмед делал искусственное дыхание, непрямой массаж сердца и уколы адреналина в сердце. Но... результат был плачевный. А всё это отчего? Плохо учите матроса. Святая заповедь гласит: «Не твоё – не тронь». У нас же порой всё, к сожалению, наоборот. А если пришла одна беда, жди другую. Зная об этом, мы дружно все забываем и продолжаем искать себе приключения на задницу. Предлагаю провести ещё одно голосование по выдворению доктора с корабля.

– Не надо, мы всё поняли, без него корабль не может существовать.

– Если поняли – хорошо, а если нет... Ну а теперь по койкам! Спокойной ночи, – и старпом вышел из кают-компанияи.

Все разошлись. И каждый думал уже по-другому и молил Бога, чтобы ни с ним, ни с его подчинёнными ничего никогда не случилось.

II

Для корабля, и военного в частности, море – дом родной. Это человек всеми своими фибрами привязан к земле. И ему трудно на длительное время расставание с родными и близкими, жёнами и детьми и всем тем, с чем была так тесно связана его жизнь.

Сегодня суббота. Все нормальные люди долго нежатся в постели, идут на рынок, потом на пляж, вечером можно погулять по Приморскому бульвару, а то и посидеть в кафе или ресторане.

С самого утра Минная стенка по-деловому кипит. Здесь важно прохаживаются высокие военно-морские начальники, стоит оркестр в ожидании команды. А те, кто провожает своих мужей и отцов в длительное плавание, для кого с отходом корабля наступает разлука, те самые красивые и любимые жёны, а также дети, многие из которых лежат в колясках, стоят за забором, чтобы хоть издали увидеть своего родного, дорогого, любимого и близкого человека. А дети, которые повзрослей, уже давно перезнакомились друг с другом и носятся как угорелые. Для них уход отцов на боевую службу на целых шесть месяцев не стоит так остро, как для их матерей.

Прощание и расставание было вчера.

Жёнам заранее выдали денежное содержание мужей за три месяца. Ведь жить как-то надо. Многие из них не имели возможности работать.

В ноль часов экипаж в полном составе был на корабле. С этой минуты сход на берег ему категорически запрещён.

И вот, в конце концов, наступает час отхода. Боги Олимпа желают счастливого плавания, но их никто не слушает. Все мысли у офицеров и мичманов с теми, кто стоит за загородкой, тайком вытирая слёзы.

Высокие начальники после пламенных речей сходят на причал – и раздаётся команда, рвущая сердце напополам: «Трап поднять! Отдать швартовы!»

Оркестр, разрывая на части лёгкие, заиграл Гимн и «Прощание славянки», от которых становится очень грустно.

Подняты якоря, отряд кораблей разворачивается и идёт на выход из бухты.

А на берегу машут руками, прощаясь, плачущие жёны, с корабля размахивают им фуражками мужья, которым можно находиться на верхней палубе. Корабль удаляется, и уже никто никого не различает, но всё равно продолжают махать. Ведь следующая встреча лишь через полгода! И дай Господь, чтобы всё прошло хорошо, не было войны и все пришли живыми и здоровыми.

Через два-три дня, максимум неделю, жёны и дети, у которых нет квартир, отправив контейнеры с вещами, вернутся на родину к родным, где будут ждать окончания боевой службы, чтобы потом вновь приехать, метаться по городу в поисках жилья, а детей определять в школы. А когда корабль вернётся, со слезами радости обнять близкого, родного и любимого человека. Но когда это будет, никто не знает.

А кто-то и не приедет, потому что заболела, рождает продолжателей флотской династии или развелась, насытившись брызгами кратковременного счастья.

Теперь связь будет осуществляться с помощью писем.

Вся пресса приходила в мешках. Её доставляли корабли, идущие из Севастополя, а от нас – тоже кораблями, только следующими в главную базу, откуда они и разлетались по разным городам.

Доктор писал каждый день. И если боевая служба длилась шесть месяцев, то супруга за это время получала целую кучу писем. Корабли ходили не часто, поэтому почта приходила и забиралась приблизительно раз в месяц. А жена тратила уйму времени, чтобы это всё прочитать.

Как моряки ждали этих писем из дома! Ведь каждый переживал о своих родных и близких. Как они там, что нового, здоровы ли?.. В них было всё: и тоска, и грусть, и радость, и надежда... И, конечно, любовь. Эти маленькие листочки, написанные убористым почерком, были прочной нитью, связывающей моряка с землёй.

Доктору вспомнился далёкий ленинградский вечер. Он уже учился на третьем курсе, и им разрешалось в свободное время

носить гражданское платье. Они с другом пошли в Дом культуры, что на Петроградской стороне, на танцы.

Пока собирались, пока ехали...

В зал вошли, когда объявили последний танец. Виталий быстро оглядел зал. Перед ним у колонны стояла девушка. Она была так обаятельна, так красива, так мила, что не влюбиться в неё мог только слепой.

Танец заканчивался. Они познакомились. У неё было замечательное имя – Валентина. Прежде чем рвущаяся в гардероб толпа разнесла их по разным углам, они договорились встретиться у выхода из Дворца. Он быстро оделся и встал, ища выпученными глазами этот цветок. Минутная встреча отразила всё: и как она хороша, и платье, и даже туфли, но вот лицо расплылось, и надежда узнать её была слишком мала. Обилие лиц просто размазало её образ в сознании. И тем более, хоть и была весна, но было ещё прохладно. Значит, она наденет плащ или пальто и что-то на голову. Он уже потерял всякую надежду, когда к нему подошла девушка и спросила:

– Вы не меня ждёте?

Он посмотрел на неё. Вроде она.

Фойе было почти пустое.

– Вас, – как-то нетвёрдо ответил он.

– Тогда пойдёмте.

Они долго ехали на метро. Потом шли пешком.

Разговор был пустой. О чём может разговаривать молодость?

– А чем вы занимаетесь? – спросила она.

– Я слесарь, – почему-то ответил он не задумываясь. Ведь на танцах он был в гражданской одежде.

«Врёт, руки мягкие», – подумала она.

Они подошли к её дому.

– Здесь я живу, – сказала Валентина.

– А что вы завтра, в воскресенье, делаете? – ему не хотелось уходить.

– Ничего.

– Давайте встретимся.

– Давайте. А где?

– Я хотел сходить в Александро-Невскую Лавру. Вы не могли бы пойти со мной?

– С удовольствием. Во сколько?

– У метро «Площадь восстания», в десять часов.

– Хорошо. До завтра. До свидания.

– До свидания.

Крылья любви несли его в общежитие. Он зашёл к друзьям, Владимиру и Глебу. Глаза сверкали. У них завтрашний день тоже был свободен, и они охотно согласились посмотреть, что за бриллиант в очередной раз откопал их приятель.

По Старому Невскому проспекту молодые шли пешком. Время поджимало. Но не скажешь же, что тебя ждут друзья, которые приглашены в качестве оценки прекрасного.

Когда они подошли к Лавре, Валя увидела, как два молодых человека грозили в их сторону кулаками и пальцами тыкали в часы. Они опоздали на сорок минут.

– Друзьям решил показать, – сразу догадалась она.

Уже в самой Лавре они столкнулись, будто бы случайно.

– Познакомьтесь. Это Валя. Это Глеб. Это Володя.

Экскурсия началась. Валин рот не закрывался ни на минуту. Она сыпала датами, сведениями, вехами истории и религии. Буквально недавно она прочитала книгу Таксиля Лео «Забавное Евангелие», и всё это ей было знакомо.

«Боже, какая умная девушка!» – подумал Виталий.

Особое, новое чувство переполняло его сердце. Весеннее солнце растворяло все краски вокруг. И только нежный воркующий голос, и только один милый лучезарный образ приковывал всё сильнее и сильнее Виталия к ней.

Встречи были постоянны. Они уже знали друг о друге всё.

Как-то выйдя из кинотеатра «Невский», где посмотрели фильм «Земля Санникова» с его чарующим сюжетом и песнями, они медленно пошли пешком через мост имени Володарского.

– Виталия, а давай поженимся, – прошептала Валентина.

– Давай, – тоже тихо ответил он.

Потом было знакомство с родителями, два заваленных экзамена и отпуск.

Мама продала корову, чтобы не стыдно было явиться к будущим городским родственникам. Была весёлая, шумная свадьба. А после неё долгая семейная жизнь с рождением сначала одного, а потом второго сыновей. Жизнь, полная частых разлук и кратковременных радостных встреч. Жизнь со всеми её радостями и огорчениями. Счастье не бывает постоянным. Потому что абсолютно счастливыми бывают только дураки, дебилы и идиоты.

А корабль продолжал идти на юг. Ему тоже можно было кое-что вспомнить и рассказать, но некогда. Военная служба не даёт этим заниматься, и в вахтенный журнал воспоминания не заносятся, тем более лиричные.

Тот, кто бывал в дальнем морском походе не раз, равнодушно воспринимает окружающую картину. Для новичков всё интересно, всё вызывает восторг.

Теперь каждый занимается только своим. Военный корабль предназначен для ведения боевых действий, а это значит – оружие должно быть готово к немедленному использованию и по назначению. А на механиках лежит задача, чтоб корабль шёл и всё у него вращалось и вертелось.

Вот и первый обед.

Настроение далеко не праздничное, поэтому проходит он тихо, без обычной бестолковой болтовни. Одни приходят с вахты, другие спешат подменить товарища. Перед глазами рябят только лейтенанты, все остальные сидят спокойно.

– Доктор, – старпом никуда не спешит, его на ГКП сменил командир. Он знает, что начмед любит после обеда поспать и «адмиральский час» для него священный ритуал, – а который раз ты идёшь в море?

– Шестой!

– И с каким настроением, если не секрет?

– А если секрет, то можно не отвечать?

Они со старпомом приятели со стажем и без дискуссий обойтись не могут. Причём на разные темы. Учитывая, что старший помощник выше по должности, поэтому игра идёт в одни ворота. Он задаёт вопросы, а начмед на них отвечает. Это всегда забавно. Присутствующие в кают-компании к ним прислушиваются, а

имеющие право свободного голоса (офицеры с большим количеством звёзд на погонах) даже участвуют.

– Можно, – ухмыляется старпом. – Но я должен лишний раз убедиться в вашей гнилой сущности.

– Если только в гнилой, то парирую не в бровь, а в глаз. Без энтузиазма и творческого порыва.

– А заместитель командира корабля по политической части про это знает? – с ехидцей спрашивает старпом.

– Он сердцем это чувствует.

– А оно у него есть? Вы сами слушали его через фонендоскоп?

– Я ухо прикладывал к его груди.

– Вопросов к вам больше не имею. Можете идти спать.

– Это очень великодушно с вашей стороны.

– Ещё один несущественный вопрос.

– Не хотелось бы его сейчас слышать. Но как представитель высшего разума не могу вам в этом отказать. В беседе должна быть законченная интрига. А то расшатываются нервы и наступают бессонница. Потом приходится это всё гасить седативными препаратами. А они влияют на потенцию мужчин, достигших среднего возраста.

– Балабол! В своей тронной речи вы, товарищ капитан, несколько раз произнесли в мой адрес слово «вы». С какой буквой вы его говорили, с заглавной или прописной.

– С прописной, конечно!

– Почему? Вы меня не уважаете?

– «Я вас люблю! Любовь ещё, быть может, в...»

– Не смей при мне говорить о своей душе. Её там нет! Слушать тебя больше не хочу. Иди спать!

Начмед встаёт и, пожелав всем приятного аппетита, уходит.

Первый обед подошёл к концу. А сколько их ещё впереди...

День прошёл в бестолковой суете. «Отбой» сыграли рано. Вот завтра будет напряжёнка – проход узкостей.

В пять утра подошли к турецким берегам и начали втягиваться в пролив Босфор. Движение по этим проливам, Босфор и Дарданеллы, занимает целый световой день.

Начальник медицинской службы, чтобы не сильно скучал, всё это время находится на ГКП рядом с командиром, записывая его мудрые команды.

С европейской части материка дул сильный сухой ветер, неся с берега на корабль пыль, полиэтиленовые пакеты, клочки бумаги и прочий мусор.

Только корабль прошёл мост – с юта запросили, где находится доктор.

– Что случилось? – встревоженно спрашивает командир

– Лейтенанту Герасименко в глаз что-то попало.

– Глаз не страшно, проморгает, – командир ищет поддержки своей шутке. – Николай Иосифович, – обращается он по громкоговорящей связи к стоящему на юте офицеру, – промойте ему этот глаз чем-то, протрите...

– Всё пробовали. Глаз покраснел, постоянно слеза течёт. Пусть доктор посмотрит.

– Отправляйте его в санчасть, доктор сейчас спустится.

– Что-то в этот раз у нас рано стали появляться больные. Иди, доктор, посмотри, только прошу – глаз не вынимай, – пошутил командир.

Быстро спустившись вниз, доктор надел халат и тщательно вымыл руки. Лейтенант Герасименко лежал на кушетке с закрытыми глазами. Из правого глаза катилась слеза.

– Товарищ капитан, в лотке лидокаин для обезболивания, пипетка, стерильная вата, глазная палочка. Лупа и магнит, если потребуются, на столе, – доложил санинструктор.

– Молодец! Сам ничего не делал?

– Никак нет.

– Два раза молодец. Миша, – обратился доктор к лейтенанту, – расскажи мне подробенько, что произошло, только глаза не открывай.

– Я стоял на юте, а в это время резкий порыв ветра. Я даже не успел прикрыться. И что-то мне влетело в глаз. Моргать больно, потёр – тоже больно...

– Запомни: тереть глаз нельзя ни в коем случае. Под каким веком болит?

– Под верхним... Кнаружи.

– Откупорь лидокаин, набери в пипетку, – скомандовал начмед санинструктору. – Миша, лежи спокойно и не дёргайся. Я тебе глаз обезболю и посмотрю, что там у тебя.

Резко открылась дверь и вошёл особист.

– Что тут у тебя? Лейтенант служить не хочет?

– Пожалуйста, закройте дверь, вы мне сейчас мешаете. Я потом всё доложу.

Особист, недовольно хмыкнув, вышел.

Обезболив глаз, доктор вывернул верхнее веко. В слизистую наружного угла глаза впиалась довольно крупная частичка песка. Весь глаз был красный, роговица поцарапана.

Аккуратно вынув соринку и хорошо всё промыв, начмед положил внутрь глазную мазь с антибиотиком, легонько помассировал веки и наложил на глаз повязку.

– Миша, иди в лазарет, ложись и отдыхай. По кораблю не шатайся, иначе тебя тут же поставят на вахту. Кушать тебе принесут сюда. А утречком посмотрим, как идёт процесс заживления. Ты меня понял?

– Понял. Спасибо, доктор. С меня...

– Это потом. Когда всё будет хорошо.

Доктор поднялся на главный командный пункт. Корабль выходил из Босфора в Мраморное море.

– Что там, доктор? – спросил командир.

– Попала большая крупинка песка, сильно травмирована слизистая века и поцарапана роговица. Инеродное тело удалил, в глаз положена мазь с антибиотиком, наложена повязка. Лейтенант госпитализирован в лазарет.

– И когда ты его вылечишь? Или он вышел в море поболеть?

– Завтра посмотрим, будет ли отёк, уменьшится ли конъюнктивит...

– Ты мне бездельников не плодишь?

– Товарищ командир, в медицинскую книжку всё записано, что было и что сделано. Можете забирать его хоть сейчас. Но если разовьётся кератит, будем отправлять офицера с боевой службы в госпиталь. Это перспектива плохого лечения.

Особист стоял сзади и что-то быстро записывал в свой блокнот. Безусловно, компромат. Не стихи же. Поэтов на эту должность не берут.

– Хорошо, доктор, лечи, а завтра доложишь обстановку. И не пугай нас страшными болезнями. Пошли обедать, а то через полтора часа опять тревога, пролив Дарданеллы проходить будем.

Под вечер вышли в вечно штормящее Эгейское море с его множеством островов.

Ночью встали на якорь.

Надо сказать, что в Эгейском море классная рыбалка. Премудрость не велика. За борт вечером опускают прожектора, на спиннинг крепят четыре-пять поводков с крючками, на которые привязаны красные ниточки. И обязательно грузило. Всё готово. Опускай и поднимай – две-три рыбины обязательно есть. А утром – жареная рыба, в обед – уха. И это на экипаж в триста человек.

Но боевая служба – это не прогулка на яхте, ловля рыбы и приём солнечных ванн. Идёт непрерывная изнурительная работа.

Штаб постоянно корректирует передвижение корабля, ему каждый раз ставятся всё новые и новые задачи. Идёт поиск подводных лодок вероятного противника, корабль сопровождает и следит за иностранными военными судами, ведёт наблюдение за воздушной обстановкой, выводит и охраняет рыболовецкие суда, идущие через Гибралтар в Атлантический океан, и делает ещё многое другое, ведомое только командиру.

Периодически, чтобы дать экипажу хоть немного отдохнуть, корабль от трёх дней до недели ставят в определённой точке на якорь, а за весь период похода, через три месяца пребывания в море, корабль в обязательном порядке заходит в иностранный порт. Это крайне необходимо, потому как в этот период времени начинает страдать психика, наступают нервные срывы у всех категорий личного состава. И чтобы погасить накопившуюся отрицательную энергию и не допустить психоэмоционального срыва (это может привести к невнимательности при эксплуатации техники и как результат – повлечь за собой поломку механизмов и оружия, возникновение психических заболеваний), экипажу дают возможность походить по матушке земле в иностранном порту, развеять-

ся и посмотреть на людей, вкусить аромат цветов или услышать, как под ногами чавкает грязь, выкурить пачку дорогих сигарет и даже выпить бокал ледяного пива.

Затронув глобальные темы, мы совершенно забыли о нашем герое, докторе, который не стоит на вахте, не несёт дежурства, не слушает морские глубины, не знает, что творится за горизонтом, не стреляет и не подаёт пар...

Опять немного отступив от темы, надо честно признаться – помимо настоящей профессиональной работы, есть ещё работа бумажная. Она тоже необходима. Ведь мы больше воюем на бумаге. А она всё стерпит. Её смело можно показывать проверяющим. Не зря же бытует поговорка: «Сделал – запиши, не сделал – запиши дважды».

И все документы, что ведут корабельные офицеры, исполняет и доктор, да плюс ещё кучу своей документации по специальности.

То ли это повелось со времён основания флота, то ли её потом придумали современные начальники, количество которых росло из года в год словно грибы после дождя, но документации на кораблях было очень много.

Наверное, много – сказано слишком мягко.

Очень много!

Тысячи всяких журналов, планов, актов, обязательств и прочее, и прочее...

Если подойти бюрократически, то всё это, безусловно, нужно.

Просто необходимо.

Вот когда приходит на корабль или в часть молодой лейтенант и начальник хочет показать себя начальником, он, морща лоб и ища знакомые буквы, с «умным» видом изрыгает из себя в атмосферу что-то типа: «Это мне не нравится», «Вот это надо переделать» и, наконец, негодуя: «Да откуда вы всё это взяли?!»

Но лейтенант к этому не имеет никакого отношения. Он ничего из этого не писал. Он всё это тупо передрал из прошлогоднего плана.

Начальник, довольный, уходит, а злой лейтенант читает этот план, скудным умом видит ошибки, что-то чёркает и перепечатывает.

Второй раз начальник его уже читать не будет.

Зачем?

План пишется ради плана, ради галочки.

Тратятся тонны бумаги. И на всё это вырубаются соловьиные рощи, а тайга становится проходимой.

Доктор не любил, когда его среди ночи беспокоили. Но все настоящие больные терпят до полуночи. А вдруг пройдёт.

Но «вдруг» не получается, а становится хуже.

В два часа ночи, доктор поглядел на висевшие на переборке часы, в дверь каюты тихо поскребли и раздался жалобный писк.

– Кому в этом сказочном королевстве не спится? – прорычал проснувшийся доктор, прекрасно понимая, что сейчас предстоит какая-то работа.

В каюту зашёл маленький, но довольно крепкий матрос Семёнов, боцман, прослуживший на корабле уже года два. Он держал руку возле щеки, страдальчески глядел на врача, в глазах блестели слёзы.

– Зуб болит?

Матрос замотал головой.

– Давно?

– Сразу после ужина.

– Таблетки пил?

Он опять замотал головой:

– Целую упаковку выпил, не помогает. Давайте его вырвем?

Доктор спрыгнул с верхней койки. Внизу никого не было. Сосед стоял на вахте.

– Иди в амбулаторию, я сейчас приду.

Заглянув в рот, потрогав и пошевелив челюсть, доктор, прищурив глаза, внимательно посмотрел на Семёнова.

– Зуб-то, Слава, у тебя здоровый, вот только как ты умудрился челюсть сломать, а точнее, кто тебе в этом помог?

– Никто. Я шёл, поскользнулся и стукнулся челюстью о переборку.

– Мне, если честно, глубоко всё равно, как ты её поломал, об этом начальникам своим будешь рассказывать. Запомни, сынок: нельзя так упасть, чтобы челюсть сломать. Мы с тобой шинироваться сейчас будем. Вот я только позвоню на ГКП...

– Товарищ капитан, у меня уже ничего не болит. Может, вы ошиблись.

– Я, как сапёр, дружище, мне ошибаться нельзя.

Доктор снял трубку, стал набирать номер. Подошёл вахтенный.

– Саня, ты? Начальства возле тебя нет?

– А чего ему здесь делать? На якоре стоим. А ты что не спишь, подушка окаменела?

– Моя не каменеет. У нас перелом челюсти. Кому-то докладывать? Половина третьего... Мне шину надо ставить, а они сбегутся, будут только мешать.

– Чей боец? Не мой?

– Бди спокойно, дорогой товарищ, не твой, боцманов.

– Слава Богу, а то мне через пару-тройку месяцев звание получать... Доктор, сколько тебе времени надо, чтобы эти самые шины поставить? Это же проволока через зубы пропускается?..

– Bravo! Приятно иметь дело с интеллектуалами. Часа полтора, не меньше. Как пойдёт. Если бы я это часто делал...

– Ты начинай, а я старпому через полчаса позвоню. Пока он раскачается, пока придёт, ты и закончишь. Скажу, что ты ему стучал, а он не услышал. Как фамилия матроса?

– Семёнов.

– Думаешь, удар? Два года служит. Не должно быть. Хотя...

– Не думаю, уверен. Всё, не мешай, я работаю, – и он повесил трубку.

– Проволока, шины, два иглодержателя, крючки, и пошли кого-то, пусть найдут маленькие кусачки, – сказал он санинструктору. – Всё это залей спиртом. А я пока помою руки и надену перчатки. Ты потом сделаешь то же самое – и начнём. Чуть не забыл, шприц пятёрку и две ампулы лидокаина.

Доктор уже скреплял обе челюсти шёлковыми нитками, когда с неизменной сигаретой во рту в амбулаторию ввалился старпом.

– Что ты тут опять придумал? Кто его? Может, упал?

– Я на следователя не учился. У нас есть кому разбираться. Это одна из форм воспитательной работы. Они за это большие деньги получают.

Старпом взглянул на моряка и ахнул.

– Я не спрашиваю, как он говорить будет, а есть?.. Он у тебя от голода сдохнет.

– Не сдохнет. Через трубочку будет сосать первое. Вы его забираете? Я пошёл спать. Говорить он пока не сможет, зато писать...

– Положи его у себя, перед подъёмом начнём допрашивать. Пойдём, доктор, хоть горяченького чайку попьем, а то я чего-то замёрз.

А за бортом шумела волна, видно, надвигался шторм.

Море всегда разное. Бывает ровное-ровное, будто его только что выгладили утюгом. А когда просыпается – это уже неукротимая стихия. Тогда становится тяжело, тошно и страшно.

Шторм!

В самом звучании этого слова есть что-то зловещее, пугающее и жуткое.

И многие страдают морской болезнью. Но так, как страдал доктор, наверное, никто больше на корабле не страдал.

Голова становилась свинцовой, постоянно тошнило и выворачивало наизнанку. Он сразу ложился в койку. Санинструктор приносил ему мешок чёрных сухарей, и только их он мог употреблять, но, опять же, до определённого момента. Потом и они все вылезали наружу.

Начальство знало: если шторм – значит, доктор в койке. Штормует. И сколько море бунтует, столько он и лежит.

У других, а таких было очень мало, качка вызывала бурный аппетит. Это тоже проявление морской болезни. Они приходили в кают-компанию, которая в этот период пустовала, и поедали несметное количество пищи.

Уснуть во время шторма невозможно, но и лежать как пласт человек тоже не может. Буквально малейший поворот головы заставляет содрогаться всё тело в конвульсиях. И пока капля желчи не выйдет из тебя – позывы рвоты не прекратятся. Это длится сутки, двое, трое, пятеро, пока море не успокоится.

Что касается остальных членов экипажа, кто стоит у действующих механизмов, обеспечивает ход и живучесть корабля, акустики и рулевые, коки и связисты, им же тоже плохо, они тоже укачиваются. Но бросить свой пост не могут. Такое равносильно гибели корабля и экипажа.

Вот это уже подвиг!
Настоящий героизм!

Корабль побеждает морскую стихию. Его ведут простые люди, матросы Военно-морского флота. Именно поэтому корабль живёт одной семьёй. И от одного человека порой зависят сотни жизней сослуживцев и жизнедеятельность корабля.

К этому привыкнуть и адаптироваться нельзя.

После выхода из зоны шторма объявляется большая приборка, поскольку корабль облёван и запах кислого желудочного содержимого впитывается в переборку, палубу и всё, что тебя окружает.

Но когда дело касается жизни члена экипажа, тут уж не до морской болезни. Жизнь даётся человеку один раз, и ты, врач, должен, обязан её спасти в любых условиях.

В этот день Средиземное море сильно горбатило, а корабль, этот бессменный труженик моря, следил за американской эскадрой.

Качало очень даже прилично.

Доктор занял горизонтальное положение, когда вошёл санинструктор.

– Товарищ капитан! В санчасть матрос пришёл. У него живот болит.

– Отведи в лазарет, пусть полежит. Есть не давать. Холод на живот.

– Похоже, что у него аппендицит.

Вот это новость, вот это «счастье»! Если уж не везёт, то не везёт по-чёрному.

Надо идти.

Тошнота подступает к горлу, съеденная пища просится наружу.

Начмед, держась за всё, за что можно держаться, еле доплёлся до амбулатории. На кушетке лежал бледный матрос, его слегка трусило.

– Температура 37,9.

Доктор ощупал живот. Даже маленьких сомнений не было – острый аппендицит. И клиника выраженная. Терпеть нельзя, надо оперировать.

Пока доклады, пока мытьё кают-компаний, стерилизация и всё прочее, чего требует подготовка к операции, начмед решил принять лекарство от морской болезни, «Аэрон», да не одну таблетку,

а две. Ну, чтоб надёжнее. Он блокирует слюно- и слезеотделение. И эти таблетки так всё купировали, что во рту стало сухо, как в сауне. Слюны нет вообще, и язык еле шевелится.

Ну вот и всё готово. Больной на столе, ассистенты помыты и одеты, инструментарий кипит в стерилизаторе. Осталось выложить его на стол, помыться, одеться и можно начинать операцию.

Все ждут: больной со страхом, ассистент с любопытством, а для остальных операция – уже привычное дело.

И только доктор протянул руки, чтобы взять стерилизатор, как в это время корабль резко меняет курс и ложится на правый борт. Стерилизатор сползает и падает врачу на ноги. Крутой кипяток выливается на голени и стопы. Мгновенно ноги покрываются огромными пузырями. Жуткая боль обожжённого тела отодвигает морскую болезнь.

Но ведь ещё есть больной! И оперировать его нужно безотлагательно, клиника растёт.

Нет времени обращать внимания на ноги. Быстро собрав с пола разлетевшийся хирургический инструментарий, со слезами на глазах он моет его под проточной водой и ставит опять стерилизоваться на два часа. А потом операция: в одном халате, босиком, с пузырями на ногах.

Это подвиг?

Подвиг!

А кто-то оценил его?

Да нет, конечно.

Просто прооперировал – и всё. Сколько их, этих операций, уже было.

А что ожоги получил – с кем не бывает. Заживёт.

Врач обязан делать свою работу, преодолевая собственную боль, и возвращать больному здоровье.

Теперь доктор сам попал в разряд больных. Но самому болеть некогда, когда болеют другие. Терпи, а делай! Профессия такая.

Чтобы скрыть свои перебинтованные ноги, доктор вместо шорт надел длинные синие штаны и так долго в них ходил.

Американцы ушли в Италию, а мы стоим в центре Средиземного моря. Солнце, как полоумное, жарит нас с небес. Нигде невозможно скрыться. И есть не хочется, и говорить, ничего...

На ужин доктор опоздал.

Спросив разрешения, он вошёл в кают-компанию. Ужин подходил к концу, тѣк вяло и апатично. Поэтому появление нового лица, как дуновение свежего ветра, внесло какое-то оживление. Тем более все видели, что старшему помощнику было явно скучно. Он страдал от отсутствия доктора.

– О, а вот и доктор! Где вы были, товарищ капитан? Почему опоздали? – с ухмылкой поинтересовался старпом.

– У вас сзади куртка белая, – произнёс доктор и прихрамывая прошёл на своё место.

– Между прочим, я вас к столу не приглашал.

– Я рассчитывал на милосердие к больному человеку. На вашем месте Павел Степанович Нахимов не задумываясь уступил бы мне своё место.

– Чего-чего, а скромности у вас не занимать.

– Чего нет, того нет.

– А почему вы решили поиграть в первое апреля?

– Мне без разницы во что играть.

– Если всё равно, значит, сейчас сыграем в нарды. Как поживают ваши ноги?

– Если б вы к небу были выше, сказал бы: «Вашими молитвами», а так... Проблемы пока есть.

Начмед, отказавшись от первого блюда, доедал жареную картошку с котлетой. Выпив стакан компота, он налил из графина второй.

– Не частите. Государство не рассчитывало, что вы будете его объедать.

– Сами говорили, что море любит сильных, а сильные любят пожрать. Смотрите, как Ушкин уничтожает пищу. Если б он так же хорошо служил, как ест, я бы с ним обязательно дружил.

Сказать честно, доктор и Ушкин были друзья – не разлей вода.

Ушкин что-то пробурчал набитым ртом.

– Это ты молодец. Не дружи с Ушкиным, дружи со мной. Пошли за малый стол, я пару раз у тебя выиграю. Из чувства милосердия разрешаю тебе бросать кубики первым.

– Ваш жест доброй воли трогает всех до слёз. Но я сторонник честной игры. Играем минут сорок, потом мне надо поменять повязку, а то ноги начинают болеть и зудеть.

– Хорошо. Три партии – и я тебя отпускаю. Как моряк себя чувствует?

– Нормально. Залёживаться не даю. Потихонечку ходит.

Жизнь от этой невыносимой жары замерла. Казалось, что только одни механики копошились у своих машин. Все остальные искали тень и прохладу.

Начмед любил тишину и покой, но не до такой же степени. Его ноги ещё не зажили, но молодой организм брал своё. Он уже ходил свободнее.

И решил он потравить крыс.

Для корабля бич – это тараканы и крысы. С ними борись не борись – через время их опять множество.

Любимый конёк командования – борьба с грызунами и насекомыми руками врача.

Когда они замечают, что доктор без работы заскучал, они об этом быстро вспоминают.

– Доктор! Тараканы (или крысы – всё зависит от ситуации) по кораблю пешком ходят! Вы думаете о чём-нибудь?

– Думаю...

И это правда, доктор всегда о чём-нибудь думал. Но вот о чём?..

Однообразие всегда гнетёт, поэтому начмед решил проявить инициативу, напроць забыв, что она всегда была, есть и будет наказуема, и не только на флоте. И он самостоятельно решил потравить крыс, когда за бортом было +40, а внутри корабля и того выше. Правда, и крыс расплодилось тоже очень много.

Принятое решение претворилось в жизнь.

Спустя неделю корабль погрузился в зловоние. Концентрация трупного запаха перекрывала предельно допустимые дозы в несколько раз. А жить-то надо...

Чтобы не угореть, все спали на верхней палубе. Доктору же на верхнюю палубу выходить категорически запретили. Но он такое насилие над собой проигнорировал. Нельзя испугать певчую птичку золотой клеткой!

А упрёки на его голову сыпались со всех сторон как из рога изобилия. Ничего, можно и потерпеть, коль сам устроил на корабле газовую камеру.

Так продолжалось недели три.

После такого «героического» поступка начмеда командование корабля надолго забыло и про крыс, и про тараканов.

И вот мы снова куда-то идём. Об этом знает один командир. Сегодня после отбоя связист, по случаю своего дня рождения, обещал поставить бутылку коньяка. Будет даже жареная курочка!..

Мичман Владимир Магдыч пришёл в амбулаторию, как все истинно больные на корабле, сразу после отбоя. Это «сачок» приходит утром, чтобы получить освобождение и потом целый день валять дурака. А здесь всё нормально. Живот болит. День рождения пролетает мимо!..

Распросив больного и пропальпировав живот, а для верности ещё и посчитав лейкоциты в крови, понял – острый аппендицит. Надо оперировать.

На службе всё необходимо докладывать по команде. Сначала идёшь к командиру, который, в свою очередь, докладывает командиру эскадры, ну а тот, наверное, непосредственно в штаб флота. Сверху начинают задавать «умные» вопросы, на которые помному требуется и отвечать.

Параллельно подготавливается операционная, в данном случае – кают-компания мичманов, так как штатной операционной нет. На это дело тратится не менее полутора часов. Кипятятся инструменты и готовится всё, что может потребоваться во время операции.

Наконец всё готово.

Высокое начальство, крепко подумав, даёт «добро» на операцию.

Доктор на корабле один. А все его помощники – это люди, знающие о медицине либо понаслышке, либо из журнала «Здоровье». Самые одарённые являются родственниками медицинских работников, а некоторые имели счастье с ними переспать. Они-то и становятся ассистентами, а кто-то из моряков – за операционную сестру. Подчинённый доктора на подхвате – укол сделать или пойти куда пошлют.

И всех этих помощников нужно предварительно помыть, одеть и следить за тем, чтобы они что-то не цапнули своими стерильными руками, не поковырялись в носу или не вытерли пот.

Вот всё готово и... операция начинается. Длится она в среднем час, а если кто-то из помощников упадёт в обморок – полтора, а то и два.

Обезболивание местное.

Слава Богу, в этот раз море тихо и мирно. И никто не падал и не чесал мошонку. Все работали чётко и слаженно. Операция закончилась быстро.

Магдыча переносят на койку.

Сверху лёд.

Утром обязательный подъём в туалет (больной должен сходить по малому). После этого полусладкий чай с сухариками.

Над больным после операции колдует санинструктор. Он обязан чётко выполнять рекомендации доктора.

Доктор же с ассистентом, дежурным по кораблю и теми, кто ждал окончания этой операции, идут допивать оставленный коньяк и доедать холодную курицу, за здоровье именинника, больного, своё и всех присутствующих.

Начмед после операции герой! На пике славы ему можно несколько дней игнорировать весь флотский распорядок дня.

Проснувшись утром, он идёт к больному.

Магдыч улыбается, состояние бодрое, ходил в туалет. Всё нормально.

Слегка пощупав живот, доктор слушает фонендоскопом перистальтику кишечника. Она отчего-то вялая. А это – гарантированное вздутие живота за счёт гнилостных процессов в кишечнике, чего допустить никак нельзя, так как могут разойтись швы в толстой кишке.

Об этом даже страшно подумать.

Это повод для волнения.

Что это? Из-за чего? Вроде бы кишечник сильно не травмировался. Откуда взялась эта атония?

Уколы дают хотя и положительный, но слабый результат.

Следующее утро не приносит ничего хорошего. Надо чистить кишечник.

Туго перемотав живот простынёй, доктор ставит больного в позу стартующего египтянина и из кружки Эсмарха начинает через заднепроходное отверстие вливать воду.

Магдыч орёт, что его сейчас разорвёт, но доктор делает своё дело.

Наконец наконечник извлечён и из ануса больного вырывается столб воды. Он сидит над «уткой», олицетворяя собой скульптуру Самсона, гадящего на Дракона.

Лишь после этой процедуры кишечник заработал и всё пошло на поправку.

Как показало расследование, утром к Владимиру пришли друзья-мичманы. Для больного друга они принесли яичницу из десяти яиц, горячий, только что испечённый хлеб и банку тушёнки, а тот всё это с аппетитом съел, что и явилось причиной развития атонии.

Дежуривший у больного санитар всё видел и не противился этому преступлению. Да ещё и промолчал.

Чтобы впредь такого не допускалось, доктор со злости наступал ему по дурной башке. Иногда такие методы воспитания более действенны, чем тысячу раз сказанные слова.

Через десять дней мичман Магдыч заступил на вахту.

На корабле, как и в обычной жизни, бывает всё – и радости, и беды. И всё это надо пережить. И остаться человеком! А то получает моряк письмо, что его девушка замуж вышла, и пытается вены вскрыть или в петлю залезть. Мужчина не должен такому уподобляться. Ещё не известно, кому повезло больше...

Через месяц после возвращения из отпуска (доктор ездил на родину похвастаться звёздочками на погонах – он получил капитана) корабль ушёл на боевую службу.

Боевая служба шла своим чередом: пришлось сделать несколько операций, шинировать перелом челюсти и даже потравить крыс...

Приближался День Военно-морского флота. Корабли эскадры стояли на якорях в один ряд.

В этот день Средиземное море слегка волновалось, но командир Средиземноморской эскадры обошёл на катере все стоящие в точках корабли, поздоровался с выстроенными по этому случаю экипажами и поздравил их с праздником.

Но доктора ничего не радовало, хотелось куда-то уединиться. Он сел на диван в кают-компаниях, где днём всегда пусто и тихо, и решил почитать. Но что-то не читалось.

Зашёл командир:

– Ты что, доктор, здесь сидишь?

– Да вот, товарищ командир, – начмед показал книгу. – Здесь никто не мешает.

– У тебя всё в порядке?

– Всё нормально, товарищ командир, – ответил он, пожав плечами.

В этот день всё было неестественно, к начмеду никто не приходил и все как бы избегали встречи с ним. Да и его ни к кому не тянуло.

Наступило утро. Всё как всегда. Малая приборка, завтрак, подъём флага... И вдруг по кораблю раздаётся команда: «Начальнику медицинской службы прибыть в каюту командира корабля». А он что-то должен был ему представить, но этого не сделал. Поднимаясь по трапу, он лихорадочно придумывал правдоподобную версию, почему это не сделано.

Постучавшись в дверь и спросив «добро», он вошёл в каюту командира корабля.

– Заходи, Виталий Александрович.

С ним в каюте сидел замполит.

– Товарищ командир! Капитан Агеев по вашему приказанию прибыл.

– Читай, Виталий Александрович, – он протянул лист радиogramмы.

«Дорогой Виталия! Умерла наша мамочка. Крепись. Целую тебя. Валя.»

Доктор стоял как изваяние. Он не плакал, но из его глаз ручьями текли слёзы. Просто физиологически невозможно себе представить, что у человека они могут вырабатываться в таком количестве.

«Как? Как это могло случиться? Ведь два месяца назад мама меня провожала на поезд, – лихорадочно думал он. – Было всё хорошо. И вроде бы она не болела, ну давление кое-когда подскочит... И на пенсию только ушла, строя грандиозные планы на будущее. Что произошло?»

– Иди, Виталий Александрович. Прими от нас искренние соболезнования. Только не смей делать глупости. На занятия не ходи. Их за тебя проведут, – сказал заместитель.

Он не помнил, как спустился в каюту, позвал своих товарищей. Все молча выпили.

Оказывается, телеграмма пришла ещё вчера, но командир предупредил весь экипаж, чтобы доктору не говорили, не омрачали праздник. Но сердце чувствовало беду.

Потом пошли томительные месяцы ожидания. Вестей с берега не было. Что там на родине? Как жена, дети? Они же остались у мамы.

Боль утраты до сих пор гложет сердце доктора. Как бы там ни было, а сын не приехал, чтобы проводить мать в последний путь.

На боевой службе бывает всё, но чтоб столько много, и в основном негативного... Такое впервые. А до возвращения в базу ещё мечтать и мечтать... Осталось почти три месяца.

В этот раз доктору после обеда действительно не спалось, все эти события начали давить на психику. Сна как такового не было вообще, ни днём, ни ночью. Он походил на забытё, в котором мозг постоянно продолжал работать. А может, и подушка уже окаменела, но нервы точно расшатались от этой напряжённой службы с её сказочными красотами. Ведь и красота порой выводит из себя от частого её созерцания.

Доктор вышел на палубу, подошёл к леерам.

До самого горизонта Адриатическое море окрашено лазурью. Водная гладь без единой складочки и залома. А наш корабль, плаваясь под нещадными лучами солнца, стоял на якоре и ждал команды на заход в столицу Хорватии Дубровник, который планируется через четыре дня.

Обуреваемый мыслями о земном рае, который олицетворялся моряками всегда с женщиной, доктор закурил. Под кораблём шёл

огромнейший косяк рыбы. Море из бирюзового цвета перекрасилось в серебристое.

Вот это действительно красиво!

Когда военный корабль стоит на якоре, то в определённые приказом часы проводится профилактическое гранатометание против ПДСС (противодиверсионных сил и средств).

Зная эти нехитрые флотские премудрости, начмед поднялся на мостик. В кресле дремал старпом, а вахтенный офицер, Саша Ушкин, друг доктора, на другом борту курил.

– Санёчек, давай гранату швырнём, смотри сколько рыбы! – глаза начмеда светились азартом.

– Не время. Иди спроси у старпома.

– Николаевич! – начмед нежно дотронулся до руки старшего помощника. – Посмотрите, какой косяк рыбы идёт, давайте бросим гранатку.

Старпом приоткрыл глаз и вместо ответа на просьбу безразлично обронил:

– Доктор! Вы почему на ГКП находитесь без головного убора?

– Александр Николаевич! Внизу косяк рыбы! Сейчас уйдёт! Давайте гранату бросим.

– Ушкин!

Подходит Саня. Для него морская стихия – всё равно что для птиц небо.

– Есть, товарищ капитан-лейтенант!

– Сколько времени?

– Тринадцать пятнадцать.

Старпом поудобнее располагается в кресле, закуривает.

– Ну что? – нетерпеливо спрашивает доктор.

– Ты слышал, который час?

– Ну и что? Рыба уйдёт!

– Всё, пошел прочь, не мешай нам с Ушкиным вахту нести. А хочешь, я его сейчас сниму за то, что пустил тебя сюда, да ещё в таком безобразном виде.

– Александр Николаевич...

– Иди к командиру. Даст добро – бросим.

– А где он?

– Отдыхает.

Жажда приключений побеждает страх получить внеочередную взбучку.

Тихонечко постучав в дверь командирской каюты и спросив разрешения, начмед вошёл в командирский салон.

– Что тебе, доктор? – сонным голосом спрашивает командир.

– Товарищ командир! Внизу идёт огромный косяк рыбы, разрешите бросить гранату. Без вашего разрешения старпом не может.

– А который час? – будто это ему так важно.

– Половина второго.

– Скажи, что я разрешил. Только пусть запишет, что бросил в указанное время.

– Спасибо! – начмед стремглав бросился на ГКП.

Старпом уже встал и закуривает новую сигарету. Ушкин что-то пишет, но явно не стихи.

– Командир разрешил! – кричит начмед.

– Что орёшь? Экипаж разбудишь!

– Его пушкой не разбудишь. Давайте быстрее кинем.

Яковлеву явно нравится, когда его упрощают.

– Доктор, ты можешь поднять даже мёртвого. Как тебя командир не послал... Ушкин, неси гранаты.

Прозвучало два взрыва. Но косяк как шёл, так и идёт. Ни одна рыбина не всплыла. Видимо, плыли они на очень большой глубине.

Благие намерения не увенчались успехом.

И только море продолжило радовать истосковавшуюся душу своей сказочной красотой.

Пробороздив просторы Средиземного моря, сопровождая американские корабли, мы снова стоим в точке якорной стоянки и ремонтируем первую машину.

Чем хороша эта стоянка? Можно немного перевести дух, расслабиться, а вечером ещё и фильм посмотреть.

Весь экипаж на юте.

Идёт какое-то собрание, посвящённое какой-то дате. Этих дат в календаре так много, и говорится одно и то же, что на шестом году службы это перестает быть интересным.

Доктор в окружении заслуженных офицеров сидит на заднем ряду около леера. Он лениво смотрит на уходящее за горизонт море. Тёплое солнышко, высокие призывы и плеск волны о борт убаюкивают.

Вдруг его внимание привлекло странное явление. На расстоянии метров пятидесяти от борта что-то поднялось над водой и, слегка фыркая, стало двигаться в сторону носа корабля. Начмед толкает своего дремлющего соседа, Эдика Хайкина, начальника РТС и разведчика по совместительству.

– Доктор, что вам не сидится? Я сейчас посажу вас на первый ряд, – доносится злой голос командира.

Все просыпаются, смотрят на начмеда и улыбаются. Ждут, что он ответит.

– Товарищ командир! За бортом кашалот плывёт, – оправдывается начмед.

И тут неистово кричит Хайкин:

– Товарищ командир! Это перископ подводной лодки!

– Боевая тревога! – орёт командир.

Все разлетаются по постам. Немедленно даётся радио на флагманский корабль. Там тоже все на ушах. Американская атомная подводная лодка под бортом!

Два современных корабля, стоящих рядом с нами в точке, срочно снимаются с якоря и ведут лодку, пытаясь поднять её на поверхность.

Вот вам и 22 июня! Проспали, суки! Один начальник медицинской службы молодец! Но он уже всеми забыт.

Три часа корабли шли за ней, но их скорость ниже, чем у атомохода, и лодка ушла в территориальные воды Туниса.

За такое Родина награждает героев. Но в числе этих героев врачей не бывает да и быть не может. По рангу не положено.

И снова мы, рассекая волну, провожаем караван рыбаков через Гибралтар в Атлантику.

Вернувшись опять в Средиземное море, идём вдоль берегов Испании заданным курсом.

Вокруг – ни одного родного корабля. А тут среди ночи у лейтенанта Пилипчука резко заболел живот. Диагноз привычный, но

слишком частый для одной боевой службы: «острый аппендицит». Причём не вызывает никаких сомнений, всё конкретно и медлить нельзя.

Обычная подготовка – и операция начинается.

Больной лежит на столе. Кожа обезболивается новокаином и делается разрез. Появляется первая кровь. Рана сушится, сосуды пережимаются и перевязываются.

И вот рана, которую ассистент расширяет крючками, как-то странно стала раздвигаться. Взглянув на него, доктор обомлел. Лицо того было мертвенно бледным, капли пота стекали по лицу, глаза запали и стали тусклыми.

– Док, мне плохо.

– Потерпи. Сейчас перевяжу сосуд и займусь тобой. Дыши глубоко ртом. Быстро нашатырь и подкожно кордиамин! – уже кричал начмед санинструктору.

Но было поздно. Боевой офицер рухнул на палубу в обморок как подкошенный.

Накрыв рану салфеткой и поправив всё на столе, доктор бросился к бездыханному офицеру, понимая, что тот сейчас забьётся в судорогах.

Минут через тридцать офицер принял человеческий вид и смог подняться.

– Я тебе не помощник, извини, – прохрипел он.

Возникла новая проблема. Нужен новый ассистент. На его поиски, помывку, одевание (и доктору тоже надо было снова мыться и одеваться) ушло около часа.

А Пилипчук лежит и ждёт.

Наконец всё наладилось и операция продолжилась.

Но беда не приходит одна.

Толстая кишка никак не выводилась. Илиоцекальный угол был как припаянный к брюшине. Пришлось расширить рану, но кишка всё равно не подчинялась рукам врача...

Уже и со лба доктора пот катится ручьями, а внутри делается как-то нехорошо.

«Что делать?» – эта мысль сверлила воспалённый мозг.

Наконец от какой-то безысходности он резко потянул кишку на себя. В брюшине образовалась маленькая дырочка. Сунув в неё мизинец, он облегчённо вздохнул, аппендикулярный отросток был найден, он оказался за брюшиной. Тут нужна была только техника, внимание и аккуратность.

Спустя три с небольшим часа лейтенанта перенесли в лазарет.

Как потом прочитал доктор в монографии – он сделал уникальную операцию.

В ней всё было уникально. Об это знал только доктор, но он дико устал от этой боевой службы, которая в изобилии несла для него тяжёлые испытания.

Когда это всё кончится?

Настроение с каждым днём падало всё ниже и ниже. Боевая служба подходила к концу, и все были до предела измотаны её тяжестью и бесконечным плаванием. Хотелось быстрее домой. Но до возвращения в родную базу оставалось ещё целых восемь дней, самых тяжёлых и изнурительных.

Делать ничего не хотелось, всё вызывало раздражение.

На корабле наступило время амбулаторного приёма. Начмед сидел на стуле, широко раздвинув ноги, лицом к двери, и курил.

Лязгнули задрайки, дверь отворилась. В санчасть вошёл «годок» с Книгой больных под мышкой.

Надо сказать, что «годок» на флоте любит только себя! И даже очень. Высший его шик – это ношение тапочек, потому как устали ноги. А на ногах ему надо ещё и ходить.

– Добро войти?

– Заходи. Что случилось?

– Ноги болят.

– Сильно? Что с ними? – этот пришелец почему-то действовал на нервы начмеду. Он знал, что у того ничего не болит.

– Пропишите тапочки.

– Зачем?

– Ноги болят.

– Это я только что слышал. Что с ними?

Молчание.

Начмед, всем своим видом показывая, как ему трудно, поднимается со стула, подходит к шкафчику, достаёт таблетку левомецетина и протягивает «годку»:

– Разжуй и подержи во рту.

– Я её выпью.

– Ты меня плохо слышишь или не понимаешь? Я чётко и ясно сказал, что надо сделать.

Тот жуёт, а начмед внимательно следит за его мимикой. Но ни один мускул не дёргается на его физиономии, хотя эта таблетка до того горькая, что не измениться лицу просто невозможно.

– Ну что, ноги проходят?

– Да я в вашу медслужбу больше никогда не приду! – моряк подходит к раковине, смачно плюёт в неё, открывает кран и тщательно полощет рот.

– Я спросил, ноги проходят?

Тот разворачивается и, выходя, сильно хлопает дверью.

– Да куда ты, сынок, денешься? Следующий! Что болит?

Вот и всё! Мы идём домой.

Корабль прошёл Босфор и оказался в родном Чёрном море. Близился вечер. По всем внутренним помещениям и верхней палубе традиционно звучит песня: «Мы вернулись домой, в Севастополь родной...» Горло сжимает спазм. Пройдёт ночь, и в десять утра корабль пришвартуется к Минной стенке, где будут ждать родные, любимые и близкие.

Это самая трудная ночь из всех, что были до этого. Никто не спит. Всё гладится, все стригутся, моются, чистится обувь...

Скорее бы пришло это завтра.

Вот и оно. Очень холодно. Но жёны и дети ждут своих защитников. Корабль приближается к боновым заграждениям. Ещё минута – и он войдёт в Севастопольскую бухту.

– Внимание экипажа корабля! – раздаётся по трансляции голос командира корабля. – От оперативного дежурного по дивизии поступило приказание нашему кораблю выдвинуться в квадрат, – и он называет какие-то цифры, – и приступить к поискам двух упавших за борт матросов.

Корабль разворачивается и на глазах изумлённых родственников уходит снова в море.

Поиски длятся больше суток.

А семьи в неведении стояли и мёрзли... Стояли преданно, как жёны декабристов, до самого вечера. И никто им ничего не сказал, почему корабль ушёл и когда он вернётся в базу. Секретность оказалась выше человечности.

Военная служба не терпит милосердия и сострадания.

Корабль пришёл утром на следующий день. Радость возвращения была омрачена бездушием и безразличием людей с большими погонами. И уже единицы встречали корабль: многие не знали времени прибытия, а у других от переохлаждения заболели дети.

Какая всё-таки бесчеловечность. Люди полгода выполняли государственную задачу, устали... Конечно, это трагедия, что утонули матросы, но были же и другие корабли, которые способны выполнить эту миссию...

Служба на корабле почётна, трудна и очень необходима. Но вот о людях, которые служат на этих кораблях, и их семьях мало кто думает. А ведь надо. Ой как надо. Защитник должен быть спокоен за свой тыл, а его семья обязана иметь крышу над головой!

Люди, носящие чёрную шинель и тельняшку с бескозыркой, постоянно борющиеся со стихией и ежесекундно рискующие жизнью, защищая Родину, забывая о себе, – настоящие герои.

Храни вас всех Бог, защитники нашего Отечества! Пусть всегда на Земле будет мир и чистое небо. А матери встречают своих сыновей слезами радости и счастья. Для этого все доктора будут профессионалами и всеми средствами станут побеждать любую болезнь.

Нет на Земле выше и благороднее профессий, чем профессия учителя и врача. Один даёт знания, а другой возвращает к жизни.

Слава вам! И низкий земной поклон!

РАЗДУМЬЯ

*Tempora mutantur et nos
mutantur in illis.*

*Времена меняются,
и мы меняемся вместе с ними.*

Александр неспешно брёл по берегу реки. Впереди, радостно виляя хвостом, бежал его верный друг, пёс Миша – чёрная овчарка. Они были большими друзьями. Каждый вечер, и зимой, и летом, а в выходные дни ещё и утром, они шли одним и тем же маршрутом, зная на своём пути всё до мельчайших подробностей.

Каждый занимался чем-то своим.

Собака, шлёпая по воде большими лапами, пыталась поймать лягушку, каждый раз оборачиваясь, глядя хозяину в глаза, как бы извиняясь за свою очередную неудачу. А Саша просто шёл, наблюдая, как плавно течёт река, как изредка плещется рыба, как по ту сторону реки лошади тянут возы с сеном, как быстро раздевается лес в преддверии наступающей зимы...

Вдруг в небе послышалось сильное шуршанье.

Александр поднял голову и долго смотрел на скворцов, летящих на юг. Их было так много, что они покрывали всё небо, испещряя

его тёмными точками. Птицы летели, образуя огромные волны, поворачиваясь к земле, давшей им жизнь, то одним, то другим боком. От этого казалось, будто невидимый продавец встряхнул край полотна дорогой ткани и она, катясь «барашками» по бескрайнему столу, показывала свой чарующий бело-чёрный узор, привораживая тем самым покупателя.

Шелест бесчисленных крыльев холодком забирался под куртку. Александр съёжился и поднял воротник.

«Так улетает лето», – печально подумал он.

Стало вдруг грустно и как-то неуютно на этой очень огромной и одинокой планете.

А он всё глядел и глядел на этих птиц, желая им счастливого полёта.

Саша задумчиво сел на сломанную от старости ветлу и закурил.

А скворцы всё летели и летели.

Подбежал Миша, ткнулся носом в колени и удивлённо взглянул на хозяина, как бы спрашивая: «Отчего не идём? Нам же нужно вон до того дерева».

Александр погладил собаку по голове, ласково похлопал по упругой шее.

– Иди, дружище, сам погуляй. Я немного посижу, провожу птичек в тёплые края. Понимаешь, им оставаться здесь нельзя. Замерзнут и умрут. Вот такие, брат, дела. Это мы с тобой ко всему привыкшие – и к жаре, и к морозу. А вот они – нет. Им тепло подавай, – он снова похлопал собаку. – Ну, иди, иди... Не хочешь без меня? Тогда пошли дальше.

Александр очень любил жизнь. И всегда старался нести добро, помня, что зло съедает мозг.

Только однажды в детстве он сделал очень плохо в отношении пташки, за что корил себя до сих пор. Как-то зимой он ловушкой поймал синичку и с радостью принёс домой, чтобы похвастаться перед бабушкой, выпустив её в комнате полетать. Та со всего маха начала биться в оконное стекло, а затем, сделав круг в горнице, влетела в открытую топящуюся печку. Оттуда она уже не вылетела, сгорев заживо. Это было очень сильным потрясением для него.

С тех пор он никогда не обижал «брата своего меньшего».

Прожив достаточно долгую и насыщенную событиями жизнь, отдав Военно-морскому флоту двадцать шесть лет, Александр, казалось, видел всё. Служба закалила его характер, научила распознавать друга от недруга, правду от фальши. Он видел радость и горе, не раз смотрел смерти в глаза, побеждая её, научился чувствовать плечо товарища, подставляя своё нуждающимся в этом, ненавидел врага и любил Родину, оставаясь при этом человеком добрым, отзывчивым и мягким, всегда готовым прийти на помощь другому.

Он не торопясь продолжал свой путь, а мысли роились в голове одна безрадостнее другой.

«Разве можно обидеть того, кто не в состоянии ответить тебе на зло? Как можно получить удовольствие от издевательств над кошкой, собакой или ещё кем-то другим? – с горечью размышлял Александр. – Возможно, надо производить профилактический отстрел животных, но нельзя стрелять во всех подряд, получая от этого наслаждение. Сегодня ты умилился от убийства, а твой правнук сможет увидеть это животное или рыбу только на картинке в Красной книге, потому что именно ты лишил его этой радости.

Как можно сказать ребёнку: «Ударь ножкой курицу» или «Брось камень в собачку»? Кто после этого из него вырастет? Убийца, садист, маньяк или всё вместе сразу?

А вскоре, повзрослев, это чадо за бутылкой водки с такими же, как он, недоумками будет издеваться над котом, хвалясь слюнявым ртом, что тот съест у него горький лук. А несчастное животное, корчась от невероятной боли и ударов по голове, готово съесть не только лук, но и перец с чесноком. А эти нелюди, именуемые классификацией «человек разумный», будут пьяно и весело смеяться, восхищаясь своим величием.

А может быть, этот ребёнок станет тем, кто, напоив водкой пастуха, привяжет корову к дереву и у живой скотины отрежет заднюю ногу, мясо продаст, а деньги пропьёт?

Страшно, противно, жутко?.. Но ведь и эти люди родились с ангельскими крылышками, а такими сделали их мы, родители.

В корне не согласен с определением, что человек является венцом эволюции.

Вот ползёт букашка. Но она ползёт не бесцельно. Она выполняет пусть и маленькую, но отведённую только ей функцию.

У всех без исключения, даже самых крошечных существ, есть голова, глаза, рот, своеобразные уши и мозг. И все издают свойственные и понятные только им звуки: птицы поют, лягушки квакают, собаки лают... Наверное, это тоже речь, непонятная нам.

Животные, как и мы, имеют те же условные и безусловные рефлексы, существуют в том же пространстве и времени.

Почему мы считаем себя умнее их?

Отчего в огромной отаре овец ягнёнок бежит именно к своей матери? Да потому, что он запомнил её, услышал родной материнский голос, материнскую речь.

Почему по весне ласточки прилетают именно под ту кровлю, где они свили прошлый год своё гнездо, и почему перед отлётом показывают его своим детям? Конечно, для памяти, а память, между прочим, функция мозга. Как эти «безмозглые» существа могут с огромной высоты из миллиарда крыш найти свою родную? И почему те же скворцы летят весной туда, где выросли?

Почему пчела всегда находит свой улей, даже если его переставили в другое место?

Мы научились всяким разным премудростям и наукам, говорим о локации, гравитации, магнитных полях и прочих непонятных простому человеку явлениях, напрочь отменяя разум у животных и птиц.

Отчего у коров и лошадей текут из глаз слёзы, когда их ведут на бойню? Оттого, что они это не только чувствуют, но и рассудком понимают, что их ведут на смерть.

Нельзя отторгать себя от всего мира. Мы, которые ринулись изучать космос, напрочь забыли, что ни мать-земля, ни океан и наполовину не изучены.

Вот я сейчас позову собаку и она придёт. И пёс, если найдёт что-то любопытное, начнёт гавкать, приглашая меня посмотреть. Он понимает мою речь, а я действую по наитию.

Как жаль, что в исступлённой злобе или бессилии истребляем всё живое, забывая о том, что через пятьдесят или сто лет нашему

будущему поколению нечего будет есть и пить. А это породит новые войны за выживание».

Саша не спеша подошёл к конечной точке их ежедневного маршрута – корявому дереву, стоящему на небольшом бугорке. Печально кружась, падали листочки. Некоторые мягко ложились на воду, отправляясь путешествовать в неведомые им доселе края.

– Ну что, брат, пойдём домой, – грустно сказал Мише Александр. – Солнышко за лес укатилось, прохладно становится. Завтра снова пойдём гулять. А сейчас курочек надо закрыть, тебя кормить, да и самому поесть.

Они снова неторопливо побрели домой. Река казалось тёмной. Доносились всплески рыбы.

– Судак веселится. Жирок запасает, к зиме готовится... Как же всё-таки хорошо жить! – радостно подумал Александр, улыбнулся и легко вздохнул. – Миша! – крикнул он собаке. – Тебе хорошо?

Пёс повернулся и, склонив набок голову, улыбаясь, подбежал к хозяину, прижался к ноге.

– Молодец! – Саша погладил его по спине. – Мы с тобой одной крови и большие-большие друзья. Правда?

Собака в знак благодарности завиляла хвостом и лизнула руку хозяина.

– Знаешь Миша, – дальше размышлял Александр, – вот если взять тебя, меня, вот эту речку, дерево, бабку, идущую с козой, короче, всё-всё, что есть на Земле и во Вселенной, расщепить до самых мельчайших частиц, получится энергия. Все мы – эта самая энергия. Здорово, да? Но человек в этом звене – энергия тёмная, тяжёлая и самая негативная. По крайней мере, я так думаю. Я, конечно, не говорю о всех. Есть очень даже светлые и радостные личности. Но большинство...

Пёс снова побежал вперёд, а Александр продолжил свои размышления.

«Человек постоянно стремится уничтожить себе подобного, изобретая для этого всё более новое и страшное оружие. Мы прекрасно понимаем, что война – это очень плохо. Она не щадит ни детей, ни женщин, ни стариков. Зачем всё это? Слезы должны появляться от радости, а не от горя, а люди рождаются для жизни.

Помимо этого, мы ещё и убиваем сами себя: курим, пьём, употребляем наркотики... Мы отравили воздух, воду и землю. Теперь это пьём, едим и, разумеется, этим дышим. Точно в таком же состоянии живут звери, птицы и насекомые.

В настоящее время рождается столько уродов, мутантов и появляется множество различных и непонятных заболеваний, включая СПИД, который просто уничтожает молодое поколение.

Куда человечество идёт, не понятно. Земля, мать наша, не сможет долго терпеть издевательства над ней. Она либо смоев всех нас водой, как мы смываем грязь с рук, либо её высушит Солнце, превратив плодородную почву в пустыню.

Всё гибнет просто на глазах. Реки мелеют, лес сохнет, почва становится бесплодной. Теперь это видят все, но сделать ничего не могут. А ведь всё это натворили мы, люди разумные.

Но есть Бог! Он всё видит. И каждый предстанет перед его высшим судом. И каждый ответит за свои деяния. И каждый получит по заслугам. Но об этом мало кто думает.

А жаль!

И ещё хочется, чтоб этот суд вершился на земле, а не на небе!

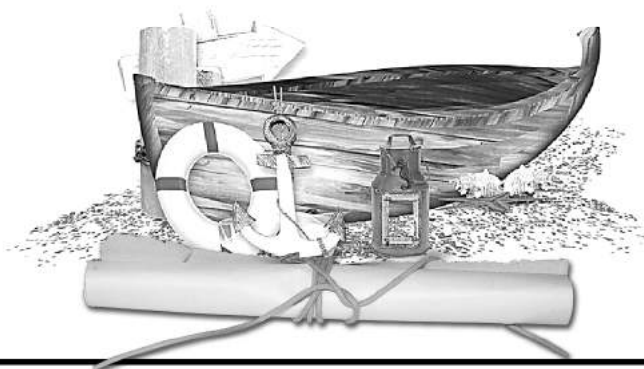
ЧЕЛОВЕК, будь человеком! Почему в тебе живёт столько злобы и ненависти, почему ты бываешь жесток, кровожаден и беспощаден?

Хочется верить, что мы непременно станем лучше. И снова всё расцветёт вокруг. И люди будут улыбаться друг другу. И будет мир! И будет счастье! И будет любовь!»

Они подошли к дому. Саша открыл калитку.

– Миша, иди сюда, мы с тобой уже пришли. Теперь ты здесь хозяин и верный сторож. Давай я тебя покормлю. А завтра снова пойдём гулять. Договорились?

НЕ ХОЧЕШЬ, А ДУМАЕТСЯ...

* * *

Иногда в гости заходят не по зову сердца, а по нужде.

* * *

Почему чужой лёд иногда слаще родного сахара? Зачем мы так льстиво смотрим в глаза иностранцу? Или мы напрочь потеряли гордость за своё Отечество? Ненавижу блюдолизов!

* * *

Всё в жизни почему-то льстиво и лживо.

* * *

Мнение общества – это, конечно, хорошо. Но моё мнение мне гораздо важнее.

* * *

Мы часто сетуем на судьбу. Расстались люди – не судьба, не встретились – не судьба, не получилось что-то – тоже не судьба, спился – судьба такая... Может, таким образом мы ищем причину своих неудач?.. Ведь проще обвинить кого-то или что-то, но ни в коем случае не себя.

* * *

Если женщины вдруг резко начинают дружить, не зная до этого друг друга ранее, – надо задуматься, не подлость ли одна из них готовит другой.

* * *

Умному человеку и дурь в голову умная приходит.

* * *

Одни живут с надеждой, другие с Надеждой живут... Кому лучше?..

* * *

Женщины счастье и любовь легко променяют на благополучие. Ведь любовь и на стороне можно найти.

* * *

Нельзя постоянно носить в себе зло. Оно обязательно съест твой мозг.

* * *

Мы порой рвём дружбу с человеком, потому что кто-то сказал о нём плохо, а мы взяли и поверили, делая дважды не хорошо. В-первых – обидели его, а во-вторых – на душе остался неприятный осадок. Но из-за гордости и чрезмерной любви к себе мы не позволяем его простить и понять!

* * *

Нельзя понять боль и мир. Их надо осознать, прочувствовать. Ты ударил себя молотком по пальцу. Это больно. Вот она такая, эта боль. Но она вскоре прошла, и ты о ней забыл. Мир немного сложнее. Это постоянный обиход нашей жизни, к нему мы даже не привыкаем, мы в нём и с ним живём. Но если вдруг случается беда, за углом рвутся снаряды, по асфальту льётся кровь убитых детей, женщин, стариков и просто мальчиков в военной форме, мир мгновенно рушится. Убрали трупы, смыли кровь... Но мира нет, и все живут в тревоге...

* * *

Даже в дерьме должен быть проблеск золота.

* * *

Глупость и тупость – родственники красоты. Это касается обоего пола.

* * *

Каждый из нас видит мир с высоты своего полёта. А что видит тот, кто не может взлететь?

* * *

Мы творим мир своими руками. Каков тогда получается он у тех, кто никогда их не моет?

* * *

Современная жизнь заставляет нас быть злыми, низменными и чёрствыми. Куда исчезла доброта? Почему улыбка появляется только на пьяном лице? Отчего детский смех не вызывает бурю восторга? Куда мы движемся, люди? Неужели на лик будущего человека сразу надевается маска скорбного мима? Печально, если всё так происходит. И уже не важно, если синего цвета вырастет трава, а небо будет красным или у воробьёв станет четыре ноги. Мы теряем реалии прекрасного, растворяясь в абстракции и виртуальности. А ведь когда-то А. М. Горький говорил: «Человек – это звучит гордо!» Неужели ошибался? Как это грустно и печально. До слёз!

* * *

Несуветная ложь и безоблачное счастье – единство противоположностей.

* * *

Вся жизнь в труде, даже у бездельника.

* * *

Эгоизм с пуповиной не отпадает.

* * *

Природа рачительно раздаёт таланты. Подарив красоту, она лишает ума. Но красота никогда не заменит ум. Она пуста и глупа.

* * *

Жизнь, хоть и коротка, постоянно заставляет нас бороться. В молодости с прыщами, в зрелости с искушениями, а в старости – с морщинами.

* * *

Скучать нужно о прошлом и о том, кто скучает по тебе.

* * *

Если женщина пенсионного возраста ищет принца, да ещё и заморского, свято веря, что тот унесёт её в сказочную страну Эльфов, где ничего не делают, гуляют целыми днями за ручку, ведут светские разговоры и целуются в дёсны, значит, её с нетерпением ждёт психиатр.

* * *

Нельзя стать близкими в одночасье. Для этого требуется время, иногда слишком много. Чужими же становятся мгновенно.

* * *

Можно ли начать жизнь с чистого листа? Не думаю.

* * *

Всё познаётся в сравнении. И счастье тоже. Полезно вспомнить вчерашнее, чтобы ярче и сильнее оценить настоящее.

* * *

Жизнь, как и нить, порвать легко. Но как потом аккуратно ни вяжи, всё равно узел останется.

* * *

Быть счастливым очень даже легко, просто надо научиться прощать.

* * *

Это очень неприятное чувство, когда близкий человек от тебя уходит.

* * *

В женщине очень хорошо развита интуиция. Если вы думаете, что она ничего не знает и не замечает, вы заблуждаетесь. И что-то

объяснять, доказывать – напрасно. Она всё чувствует сердцем. При всём этом будет молча улыбаться и кивать головой.

* * *

Жизнь очень коротка и другой точно не будет, поэтому любите друг друга сейчас.

* * *

Если есть кого любить, о ком заботиться, для кого жить, то всё можно победить в этой жизни.

* * *

Работать надо у скупого, он дважды платит.

* * *

Если человек счастлив более трёх дней, он либо сошёл с ума, либо от него что-то скрывают.

* * *

Кто видел тёмной ночью на улице красивых женщин?

* * *

Какое счастье быть счастливым!

* * *

В нашей суматошной жизни рай в шалаше уже не современен.

* * *

Лгать гораздо проще, чем говорить правду. Но порой эту правду так искажают, что она произвольно становится ложью.

* * *

Ушедшую любовь надо ли возвращать назад.

* * *

В безликом мире красота меркнет.

* * *

Стремление к познанию – очень благородно и возвышенно.

* * *

Как жаль уходящего дня. С ним жизнь становится короче. Лишь рассвет рождает веру в будущее и надежду в светлое будущее.

Судьба моряка6 <i>Г. Шевченко</i>	Письмо 182
Всего лишь один день 11	Волжская красавица 187
Реалии зимнего отпуска36	«Еврей» 197
Печальная история55	Яша 201
Целительница60	Природный катаклизм 212
Встреча62	Помолвка 217
Сюрпризы жизни73	Однажды летом 224
Про девочку Олю78	Живём как все 227
Криминальный бизнес93	Марусины страдания 232
Пороки индивидуальности96	Покупка232
Превратности судьбы 106	...И грех и смех237
Женька 162	Печали и радости240
Не было бы счастья, да горе помогло 167	Обоснованная тревога242
Миражи тумана 170	Конфуз 245
Мечь 174	Крутой поворот жизни 248
Коварная шутка 178	Беспечность 258
	Основное ремесло 261
	Раздумья 301
	Не хочешь, а думается... 307